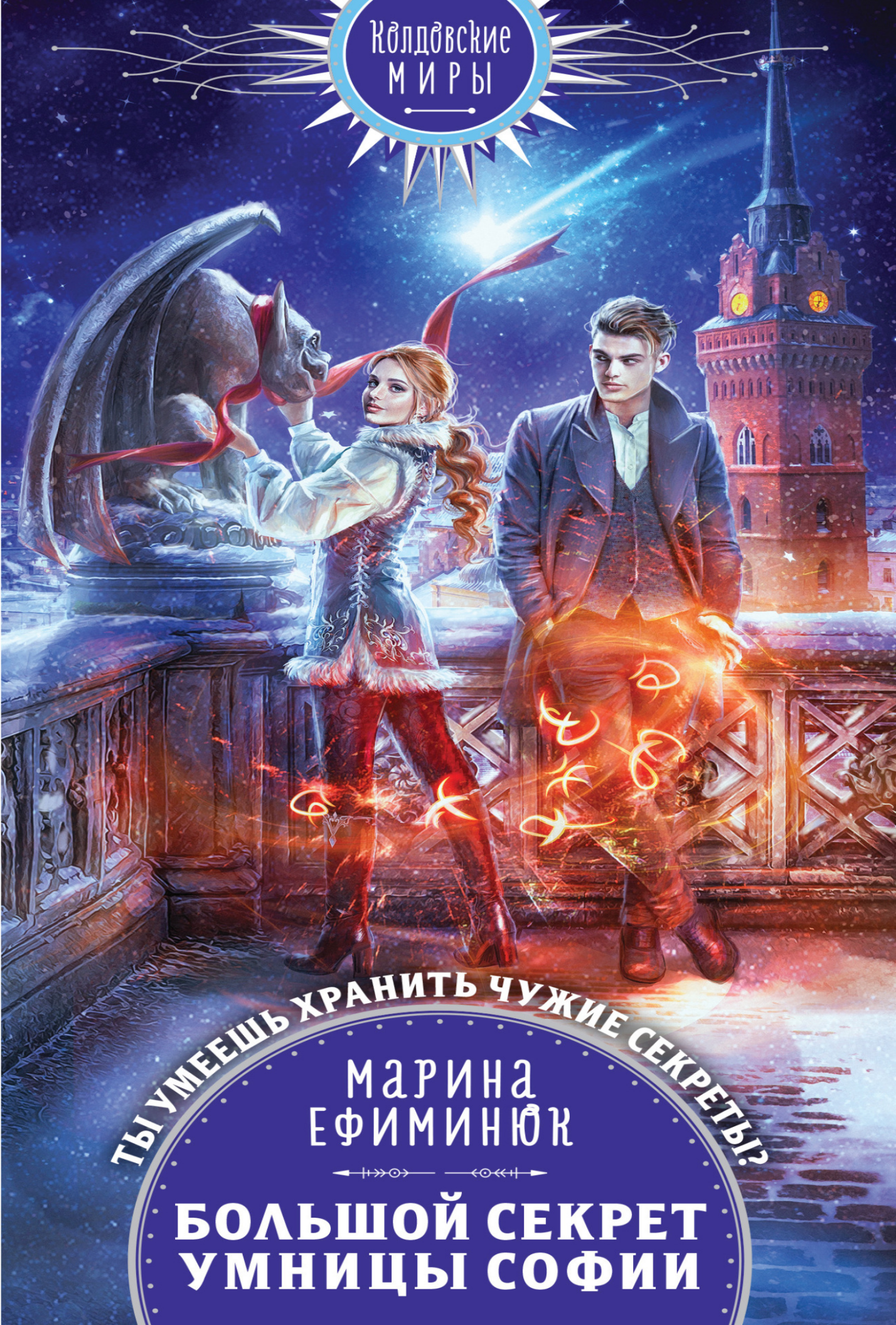

Колдовские
МИРЫ

ТЫ УМЕЕШЬ ХРАНИТЬ ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ?

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ
УМНИЦЫ СОФИИ

Annotation

Магистр Киар Рэнсвод – воплощение зла на земле. На занятиях он изводил меня бесконечными придирками и даже заставил трижды пересдавать экзамен. Совершенно точно я не искала с ним встреч и мечтала исключительно о лучшем парне академии. Но стоило случайно столкнуться с Рэнсводом на крыше преподавательской башни – и у нас с магистром появился большой и опасный секрет. Он способен не просто изменить наши жизни, а разрушить их навсегда.

Книга Марины Ефиминюк – для тех, кто любит легкий юмор и сногшибательную романтику.

История из мира романа «Неидельная Чарли Тейр», но не является прямым продолжением.

- [Марина Ефиминюк](#)

- - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Эпилог](#)
-

Марина Ефиминюк

Большой секрет умницы Софии

© Ефиминюк М.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Бойтесь своих желаний

О страхе перед высотой я вспоминала, только когда оказывалась над землей. Как сейчас: шагнула на балкон преподавательской башни, ощутила шпаривший в лицо по-зимнему злой ветер, и накатила паника. Сразу вспомнилось, что высота-то здесь была что надо! Далеко от мощеной площади, близко к черному звездному небу. Красивому, кстати. Из города такого не увидишь.

В белесой темноте виднелись сгорбленные спины двух каменных гаргулий. Нахохленные, они сидели на припорошенных снегом перилах. В академии ходило поверье, будто эти статуи волшебные и исполняли желания. Левая помогала в учебе, правая – в любовных делах. «Главное, ничего не перепутать и правильно повязать красный шарф», – наставляла меня лучшая подруга Альма Сатти. Сейчас она, как верный боевой товарищ, стояла на стреме двумя лестничными пролетами ниже и бдела ночного смотрителя.

После окончания занятий в преподавательскую башню подниматься запрещали, тем более на крышу и в середине ночи. Но смельчаки, доведенные до отчаяния, всегда находились. Не зря на гаргульях каждый день в любую погоду реяли алые перевязи. А я была в отчаянном положении, просто в катастрофическом! В таком можно творить разные глупости. Но чтобы во благо! Все на алтарь диплома.

– Помоги мне, божественный слепец.

Ноги тут же заскользили по льду. Еле удержала равновесие! Расставив руки, я замерла на месте и перевела дыхание. От страха под дубленой душегрейкой взмокла спина. Зря Альма говорила, что на крыше будет холодно. Вон какая жара! Расстегнуться захотелось.

– Вот так, проси у Боженки помощи, – ворчала я, тихонечко продвигаясь к нужной гаргулье. – На что рассчитывала?

Хотел бы помочь, не позволил бы провалить две пересдачи высшей магии и оказаться в первых рядах на отчисление. Завтра будет третья. Последний шанс! С этой минуты я больше не доверяла божествам, только каменным гаргульям.

– Помоги мне, левая гаргулья, добраться до тебя здоровой...

Что бы Киар Рэнсвод, химеров преподаватель высшей магии, ни думал, но право и лево я не путала. Просто у него не глаза, а бездна. Как зыркнет, сознание мутнеет! Только из-за его тяжелого взгляда на экзамене я вскипятила воду не в том стакане и, что называется, открыла ворота в преисподнюю, где прилежные студенты проваливали пересдачи.

До сгорбленной фигуры со снежной коркой на гладкой башке удалось добраться без происшествий. Я выудила из кармана красный пояс от праздничного платья и примерилась к гаргулье. Пришлось встать на цыпочки, чтобы завязать его бантиком.

– Дорогая левая гаргулья, – чувствуя себя по-дурацки, я погладила гладкую ледяную спину статуи, – помоги мне сдать экзамен по высшей магии. Пусть завтра принимает пересдачу кто-нибудь нормальный, а не адский магистр. Не понимаю, за какой лысой химерой... Ой! Я не о тебе! Но зачем бытовикау высшая магия? Она же в быту бесполезна. Сама посуди: если бы я хотела изучать высшие заклятия, то поступила бы в Ос-Арэт, а не в нашу с вами любимую Академию общей магии. Согласна?

Неожиданно я поймала себя на том, что больше не поглаживаю каменную спину, а деловито постукиваю пальцами, и убрала руку.

Никто не собирался толкать гаргулье прочувственные речи, но накопилось. Альма сдала экзамен со второго раза и не понимала ужас ситуации. Писать маме тоже чревато. Она расстроится, закроет лавку магических мелочей и примчится в столицу скандалить с деканом. Или – что еще хуже! – с химеровым магистром. В общем, поплакаться было решительно некому.

Три года я стремилась к диплому с отличием. Училась как проклятая. Там, где не хватало таланта, брала старанием и дотошностью. Но на четвертом курсе врезалась в Киара Рэнсвода с его высшей магией, как химера в скалу, и теперь стояла первым номером в списке на отчисление. Все усилия моей кошке под хвост!

– Заранее благодарю, дорогая левая гаргулья, – закончила я и, зачем-то поклонившись статуе, мелкими шажочками зачастила обратно.

Справа одиноко мерзла на ледяном ветру статуя, отвечающая за отношения. Притормозив напротив, я в нерешительности прикусила обветренную губу. Слышала, если не везет в делах, то должно повезти

в любви. Но вряд ли безответные чувства к однокурснику, который не знал моего имени, можно назвать большой удачей или ошеломительным успехом...

Шарфа у меня не было. Я расстегнула душегрейку и заледеневшими пальцами вытащила из шлеек брюк дорогой кожаный ремень, мамин подарок на Новый год. Привязать его не удалось, только затянуть. Со стороны выглядело так, будто на статую нацепили ошейник с поводком и собрались выгуливать. Но она все равно каменная и вряд ли обидится.

– Дорогая гаргуля-крестная всех влюбленных, – торжественно начала я, уже смело натирая пыльную гладкую спину химеры, – познакомь нас с Финистом. Сделай так, чтобы мы друг к другу привязались. Сможешь?

Ветер неожиданно стих, словно гаргуля-сообщница действительно согласилась заключить сделку.

– Вы действительно ждете ответа? – проговорила она человеческим голосом.

– Химерово отродье! Ты живая?! – Я отскочила от статуи в инфермальном ужасе.

– Хотел промолчать, но ваша наивность граничит с глупостью, – вновь прозвучал голос в притихшей ночи.

Стало ясно, что гаргульи не ожили. Я оглянулась. Высокая мужская фигура в черном пальто утопала в глубокой тени. Понятия не имею, как давно он стоял возле стены и сколько увидел.

– Что вы тут делаете?! – вырвалось у меня агрессивней, чем хотелось. – Шпионите за студентками?!

– Дышу свежим воздухом, – с иронией в голосе отозвался незнакомец.

В противовес собственным словам он сунул в рот сигариллу и щелкнул пальцами, яркой вспышкой озарив лицо. От глубокой затяжки разгорелся яркий огонек, в воздухе повеяло резким запахом табака.

Я словно примерзла к каменным плитам. На балкон преподавательской башни в середине ночи вышел покурить Киар Рэнсвод. Кто бы сомневался, что у такого отвратительного типа есть какая-нибудь мерзкая привычка.

Как и все демоны в человеческом обличье, магистр из ада – удивительно привлекательный мужчина. Каждый раз смотрю и

действительно поражаюсь, как отлично выглядела эта форменная скотина. Когда он два раза в неделю появлялся в академии и входил в лекторий уверенной походкой, поджарый и хищный, однокурсницы переставали дышать.

– На территории академии курить запрещено! – выпалила я, а потом подумала, какую сморозила глупость.

– Мне говорили, – невозмутимо отозвался он.

– Зачем тогда нарушаете правила? Это непедагогично!

Господи, София, заткнись! Ты облаяла химерового магистра высшей магии. Забыла про экзамен?!

– Полагаю, вам тоже нравится нарушать правила, госпожа студентка?

– Ни в коем случае! Я просто... выполняла студенческий долг перед академией! Украшала гаргулий ко Дню схождения лун, – на ходу сочинила я, удачно вспомнив о предстоящем празднике. Ждать его, правда, больше двух недель.

– Понимаю, Лунную Деву изображали, – с иронией поддержал он неловкую ложь. – Так что, я должен поступить педагогично и сдать вас ночному смотрителю? Или сделаем вид, что мы никогда не сталкивались на этом балконе в середине ночи?

– И раз долг полностью отдан, пожалуй, покину этот абсолютно пустой балкон, – немедленно согласилась я с дельным предложением.

– Вас проводить? – уточнил Рэнсвод. – Из преподавательского долга.

– Нет-нет! Не надо лишнего благородства... то есть беспокойства. – Я начала продвигаться бочком к черному провалу дверного проема. – С наслаждением дышите свежим воздухом. Доброй ночи!

Холодный, как айсберг, голос магистра нагнал меня в дверях и заставил обернуться:

– Раз уж я стал свидетелем вашего ведического действия, госпожа студентка, позвольте дать добрый совет. Ничего не скажу насчет сердечных дел, но знаю, что вам поможет сдать экзамен по высшей магии.

– Что? – зачем-то промычала я.

– Старание. – Казалось, тяжелый взгляд, пронзивший ночь, прожег дыру у меня между бровей. – Попробуйте ради разнообразия.

«Кто бы знал, как я тебя ненавижу, напыщенный индюк!» – со злостью мысленно ответила я, задыхаясь от этой самой ненависти. Хорошее чувство. От него становится тепло в холод.

– Доброй ночи, – кивнул Киар, словно действительно поделился действенным способом, как заставить его написать в экзаменационном табеле спасительное «удовлетворительно».

Потеряв ко мне интерес, магистр отвернулся, а я скользнула в теплую темноту преподавательской башни, пахнувшей магией, чернилами и пылью. Клокотавшая внутри злость застила глаза. Хотелось от души шарахнуть дверью, но шум мог привлечь ночного смотрителя. Оставалось скрипеть зубами и быстро спускаться по лестнице.

Одетая в зимний плащ, Альма маячила в пролете, нервно ходила под лестницей туда-сюда. Лицо цвета кофе с молоком, как у всех чистокровных айтэрийцев, терялось в темноте. Но в двух традиционных косицах словно светились кипенно-белые ленты.

– Все удалось? – зашептала она.

– Уходим быстрее! На крыше засел Рэнсвод.

– Кронпринц вполз из ада и попытался прорваться к небу?! – громко охнула она. – Помогите нам, предки Сатти!

– Тихо! Он может услышать!

Я занесла ногу, чтобы шагнуть с последней ступеньки, и кто-то невидимый с силой толкнул меня в плечо. Руку свело от боли. Потеряв равновесие, я мазнула влажными холодными пальцами по гладким перилам, не в силах в них вцепиться, и свалилась прямоком на лучшую подругу.

К счастью, Альма была на полголовы выше и в два раза меня крепче. Поймала как миленьяка и умудрилась устоять на ногах. Не зря с детства занималась турнирной магией, а сейчас входила в академическую команду.

Она не давала спуску ни одному парню! Скажу больше: темнокожую подругу боялись задевать даже прожженные шовинисты, выступающие за высылку из Шай-Эра всех выходцев из других королевств Крушвейской скальной гряды.

В смысле, все шовинисты, кроме капитана команды по турнирной магии. Но с Эзрой Ходжем у подруги была давняя вражда, притупляющая им обоим инстинкт самосохранения.

– Ты в порядке? – прокудахтала Альма, помогая мне вернуть вертикальное положение. – Так и шею свернуть недолго.

– Кто-то меня толкнул.

Невольно мы посмотрели на утопленную во мраке лестницу. Она была пуста.

– Показалось, – уверенно заключила подруга.

– Точно показалось, – согласилась я, разминая ушибленное плечо. – Пойдем, пока напыщенная скотина не спустилась.

Уверена, у Киара Рэнсвода ночь была куда добрее, чем у меня. До самого утра я повторяла заклятия высшей магии, а когда сознание почти погасло, решила освежиться в купальне. Последнее, что запомнила, – как встала из-за стола, а потом обнаружила себя дрыхнувшей в кровати.

К жизни меня возродила кошка Дуся. Требуя долгожданного завтрака, она принялась с энтузиазмом грызть мою ногу. Дескать, вставай, хозяйка, принцесса изволит покушать. Оставлять без еды исчадие ада было жестоко. И чревато. Не дам поест, чего-нибудь наерундит.

Поднялась я безнадежно больной и разбитой, проспав утренние занятия. После обеда проходила лекция у Рэнсвода, и только смерть была достойным поводом пропустить высшую магию. Не после вчерашней отповеди на крыше и не перед пересдачей!

Пришлось сначала собрать силы, а потом собрать и себя. Зато мне никогда так не шла темно-зеленая мантия факультета бытовой магии. Она чудесно подчеркивала цвет лица. Я даже вздрогнула от восхищения, когда увидела в отражении вместо блондинки с голубыми глазами зеленоватое лихо с бескровными губами.

– Ты похожа на мертвое, – констатировала Альма, закрывая разложенный на коленях конспект.

– Чувствую себя так же. Всю ночь зубрила.

Стоять было мучительно. Я опустилась на теплую скамью рядом с подругой и прихлебнула из термоса тонизирующий отвар из ягод аскарома. Обычно верное средство оживляло мертвое любой свежести, но сегодня мне был способен помочь разве что некромант. Или неожиданное «хорошо» на пересдаче.

– Да я не о том... – Альма отложила папку с записями и плюхнула мне на лоб ладонь. – Так и есть: у тебя жар!

– Да? – Я вяло потрогала щеку, но ничего особенного не заметила. – Как ты поняла?

– У меня три младшие сестры, я на глазок определяю зимнюю лихорадку.

– Уверена, что это не аллергия на высшую магию? – мрачно пошутила я.

Подруга укоряюще блеснула темно-карими глазами.

– Тебе надо к лекарю. Вдруг свалишься с воспалением?

Что и говорить, зимняя лихорадка – гадостная хворь. Никогда не знаешь, сляжешь ли с воспалением легких или через пару-тройку дней будешь здоровенькая рассекать по академии.

Подруга решительно поднялась и схватила со скамьи вещи.

– Вставай!

– Только не к лекарю! – скорчив мину пожалостливее, снизу в верх воззрилась я на суровую айтэрийку. – Клянусь, сразу после экзамена пойду в лазарет! Сейчас допью теплый аскаром, и отпустит.

Я протянула открытый термос с бултыхающимся остывшим напитком. Альма, что характерно, посмотрела внутрь и заявила:

– Он ледяной.

– Холодный аскаром еще лучше горячего.

Она выдержала паузу и проворчала, залезая в сумку:

– Тебе поможет отвар из калины. Бабушка Марица говорит, что калина – первейшее средство при зимней лихорадке. Все наши предки пили и нам завещали.

Боже, только не калина! Семья Сатти лечила этой химеровой ягодой абсолютно все болезни, начиная от несварения и заканчивая нервным тиком. У меня от одного запаха начиналось и то и другое.

– Я как раз свеженькую заварила. – Альма вытащила изукрашенный ай-тэрийскими узорами термос и с ловкостью фокусника обменяла на мой, напоминающий узкую чашку с ручкой. – Выпей все до капли.

Вот! Так всегда.

– Ну давай, не мнись... – засюсюкала она и вдруг гаркнула на весь центральный холл: – Немедленно!

Как боевой маг под присягой, я мгновенно отвинтила крышку и, затаив дыхание, сделала глоток горького отвара. Сделалось не лучше, а противно.

– Скажи, хорошо? – ласково улыбнулась Альма.

– Уже чувствую, как возрождаюсь к жизни, – соврала я и попыталась вернуть термос. – Большое спасибо. Ты моя спасительница!

– Я сказала – до последней капли, – сухо напомнила спасительница.

– Но как я оставлю тебя без отвара калины? – попыталась отвертеться от отравления. – Тебе же еще на тренировку.

– Перебьюсь. Уверена, что мои предки хотят, чтобы ты выздоровела.

– Не надо перебиваться и беспокоить предков. Мне уже лучше!

Альма сердито сдвинула темные брови.

– Хорошо, еще глоток – и пойдем в лекторий, иначе опоздаем, – предложила я грозной подруге и не дыша прихлебнула ядреный отвар.

Оставалось демонстрировать если не бодрость духа, то хотя бы бодрые шевеления. Я резво соскочила со скамьи. Голова немедленно закружилась, а плечо, вроде бы вчера никем не ушибленное, нехорошо прострелило. Да что за напасть меня сегодня преследует?

Животворящее ай-тэрийское средство делу точно не помогало, а мешало. В панике я окинула холл быстрым взглядом. Здесь всегда, с утра и до позднего вечера, пока не гасили огни, кипела жизнь. Студенты сидели на теплых скамьях, сновали вольнослушатели. Возле стены стояли открытые шкафы с книгами для обмена, их полки никогда не пустовали. У колонны притулилась карликовая лиственница в большой кадке...

Надеюсь, растение поймет и простит, если вылить чуточку отвара. А если нет, то все равно не пожалуется.

– Альма, ты займи нам места. Надо оставить книгу. – Я кивнула в сторону обменных полок, нередко выручавших меня, когда не было лишнего динара на новые романы. – Сейчас приду.

– Только не задерживайся, – согласилась она и проворчала: – Знаю я тебя, вечно возле книг залипаешь.

– Да третий день с собой таскаю. Опять забуду.

Способ был действенный. Альма искренне верила, что предки Сатти завещали ей прочитать главную книгу в жизни ай-тэрийских благородных дев «Житие святой Ауэрелии», а дальше по желанию. Но

к литературе она испытывала такой же вялый интерес, как я – к турнирной магии.

Прояви подруга бдительность, пришлось бы расстаться с недочитанным томиком. Но приключенческий роман совсем новый, только изданный. Чудом отхватила последний экземпляр в книжной лавке! Такой обидно ставить на обменную полку, точно ведь заберут, пока закончится лекция.

Мы разошлись в разные стороны. Для верности я обернулась. Подруга, не подозревая, что коварная пациентка решила подлечить академическое деревце, спокойно поднималась по лестнице на учебный этаж.

– Только не поворачивайся... – как заклинание пробубнила я и в кого-то со всего размаху вошла.

Волшебное ай-тэрийское снадобье щедро выплеснулось из термоса. Сверху странно крикнули. Оторопев, я уставилась на широкую мужскую грудь и огромную кляксу, растекшуюся на темно-зеленой ученической мантии. Тонкие ручейки, не успевая скатиться на пол, шустро впитывались в плотный рыхлый материал.

Очень медленно я подняла голову... Обтекал Финист Берт! Высокий, голубоглазый и теперь пропитанный калиновым отваром парень моей мечты. Потомок северян, но без глупых прядей в волосах и выбритых висков. Любая девушка позавидовала бы его ровному светлому цвету волос.

– Химерово отродье! – отпрянула я.

Он изогнул брови.

– В смысле не ты, а оно! – Я указала на пятно. – Подожди, все будет.

– Еще что-то будет? – ошарашенно уточнил Финист. Может, решил, что ему подольют сверху?

С видом профессионала свободной рукой я призвала магию и ею же припечатала к влажной кляксе. Из-под ладони, как из-под раскаленной подошвы утюга, пошел влажный пар. В воздухе повеяло не только калиной, но и паленым полотном. Дымок вдруг потемнел, как если бы мантию сжигали, а не сушили.

– Мы с ней уже готовы! – отшатываясь, выдавил Финист и со странным видом потер грудь.

– Ты прав! – с идиотской улыбкой выпалила я. – Совсем готовенькая! Даже слегка задымилась...

Тут он убрал руку. На мантии красовалась подпалина в форме пятерни.

Выходит, я что, поджарила парня своей мечты, как тыквенный пирожок? Застрелите меня кто-нибудь из арбалета.

– Ничего страшного, – хмыкнул он с мягкой улыбкой, тоже узрев след от пальцев. – Все нормально, правда. С кем не бывает?

С тобой, Финист, уверена, такое случилось впервые. Впрочем, как и со мной. Как думаешь, это повод повязать обручальные нити?

– Мне пора, – кивнул он.

– Да, мне тоже надо на лекцию, – согласилась я.

Время действительно поджимало.

– Удачи, – пожелал он, словно у нас были разные лекции, а не одна, та самая, по высшей магии.

Он обошел меня по дуге. Я развернулась на сто восемьдесят градусов и, чувствуя себя идиоткой, пошагала следом. Если оглянется, наверняка решит, что чокнутая с открытым термосом его преследует. А мы просто идем в один лекторий!

На лестнице Финист торопливо перешагнул через ступеньку. В ту же секунду меня рывком швырнуло вперед, словно кто-то дернул за веревку, привязанную к поясу. Охнув, я выплеснула остатки калинового отвара и пробормотала под нос:

– Какого химерового демона?!

Странное ощущение мигом исчезло. Я поспешно отряхивала капли животворящего снадобья, пока оно не впиталось в ткань. Мимолетно подняла взгляд... Финист стоял как вкопанный и рассматривал меня с таким видом, будто впервые встретил, но уже мечтал поколотить.

Для верности я даже оглянулась через плечо, не смотрит ли он на кого-то другого. Холл практически опустел. Стало очевидным, что северянин таращился вовсе не на лиственницу в кадке и даже не на высокие входные двери.

Переговариваться на приличном расстоянии было ужасно странно, но я громко спросила:

– Что случилось?

– Зачем ты это сделала?

– В смысле зачем? Случайно!

Может, и неплохо, что мы раньше никогда не разговаривали? У парня, похоже, раздвоение личности. Сам же минуту назад уверял, что ничего страшного не произошло. Раз решил, то нечего передумывать. Первое слово дороже второго!

– Тогданими! – потребовал он, подергав на груди подпаленную мантию.

– С кого из нас? – опешила я от неожиданного предложения.

– С обоих!

У меня точно зимняя лихорадка! Только в горячечном бреде может привидеться, что посреди бела дня и центрального холла Финист Берт потребовал стянуть с его широких плеч академические одежды.

– Не буду! – возмущенно отказалась я от публичного раздевания.

Он соскочил с лестницы и стремительно приблизился. Я даже попятилась. Финист остановился в полушаге, навис всем своим немалым ростом. В прозрачно-голубых глазах светилась холодная ярость, но голос прозвучал тихо:

– Сними заклятие.

– Так ты не о мантиях? – охнула я, осознавая, что от лихорадки действительно сделалась чуток туповата. – Я использовала обычную бытовую магию. Сам ведь знаешь.

– С каких пор связующая магия превратилась в бытовую?

– Но я не...

Он сжал мое запястье сильными пальцами и решительно повел в противоположную от лектория сторону. Я так обалдела от всего происходящего: от глупой ситуации, от ощущения, как он крепко держит... и ведет, что послушно семенила следом.

Куда, кстати? Не то чтобы я волновалась, но все-таки выгоднее продвигаться к аудитории. Адский магистр терпеть не мог, когда студенты опаздывали, и подвергал несчастных моральному четвертованию.

– Куда мы?

– Сюда.

Финист завел меня за колонну возле счастливо избежавшей полива лиственницы, подальше от лишних глаз. Он резко сжал кулак, призывая магию, и кивнул:

– Любуйся.

В воздухе между нами засветилась золотистая лента. Тонким поясом она обвивала мою талию и поводком тянулась к поясу парня. Нас действительно крепко-накрепко опутывало заклятие!

– Что на это скажешь? – требовательно спросил парень.

Магия потухла. Для начала я моргнула.

– Кто нас связал?

– Как понимаешь, не я.

– И не я!

Неожиданно вспомнилась вчерашняя ночь на крыше и просьба, в порыве вдохновения озвученная сторбленной гаргулье: «Сделай так, чтобы мы друг к другу привязались». И она действительно сделала! Буквально. Ей-богу, бойтесь своих желаний, иначе они возьмут и исполнятся. Или хотя бы четко формулируйте, иначе отдача замучает.

– Знаешь... похоже, все-таки я, – не очень веря в гаргулье волшебство, задумчиво протянула я. – Но совершенно случайно!

– Как можно не заметить, что ты использовала высшую магию? – раздраженно спросил парень.

Хороший, а главное, своевременный вопрос! Киар Рэнсвод точно оценил бы. Может, подсознательное вылезло, а бурлящая от лихорадки магия возьми и подчинись!

– Что сказать? – Я пожала плечами, вообще-то не очень понимая, что следует говорить, когда понятия не имеешь, как уселась в лужу, да еще рядышком усадила парня мечты. – Я сегодня в ресурсе.

– И? – Парень кивнул, словно пытаюсь подтолкнуть меня к правильному ответу.

– И понятия не имею, как от этого... – помахала руками, намекая на невидимый поводок, – избавиться. С высшей магией у меня не очень.

Тут в голове появилась неожиданная мысль. У Финиста никогда не возникало проблем со сложными заклятиями. На практикумах он был первым и экзамен сдал блестяще. О том, как ослепительно сверкает «превосходно» в его таблице успеваемости, шептался весь поток.

– Ты можешь разорвать связку! – высказала я. – У тебя проблем с высшей магией нет.

– Но я-то уже *не* в ресурсе. Выложился с утра на тренировке. – Он по-мальчишески почесал затылок. – Пойдем к Рэнсводу, он погасит магию.

– Нет! – страшным голосом рявкнула я, хватая его за рукав мантии. – Только не к нему! Если Рэнсвод узнает, что я не справилась с магией, то ни за какие химеровы коврижки не пустит на передачу. Я точно вылечу! Пожалуйста, Финист.

Неожиданно его губы, сжатые в твердую раздраженную линию, дрогнули. На лице расцвела широкая обаятельная улыбка. Обычно эта улыбка, увиденная со стороны, заставляла сердце трепетать, словно предназначалась только мне и никому больше, а сейчас сделалось обидно.

– Считаешь забавным, что я в списках на отчисление?

– Ты знаешь, как меня зовут, – невпопад ответил он.

У меня вспыхнули щеки. Молодец, София! Так бесславно запалиться.

– Если ты не в курсе, то мы три года ходили на одни и те же занятия, – с наигранным холодком пояснила я неожиданную осведомленность. – Конечно, я знаю твое имя, Финист Берт.

– А я-то думал, что умница Грандэ не замечает простых смертных.

Другими словами, он все-таки в курсе, что я существую, и даже знает дурацкое прозвище, которое мне дали парни из группы по зельеварению.

– Так вот у этой умницы сейчас большие проблемы с высшей магией, – призналась я.

– Хорошо, попытаемся разорвать сами. Я скажу, что делать.

– Отлично!

Быстро выглянув из-за колонны, я проверила полупустой холл. До начала занятия оставались жалкие минуты. Если кто и торопился к учебным аудиториям, то на нас не обращал внимания. Вольнослушателям тем более не было никакого дела до студентов, шепчущихся в уголке.

Сунув опустевший термос в сумку, я сжала кулак и призвала магию. Между нами медленно и нехотя разгорелась лента.

– Гаси здесь. – Он указал нужное место на поводке.

– Угу.

Я сжала inferнальный поводок в ладони, но неожиданно внутри словно открылась огромная воронка, наполненная клокочущей силой. Магия хлынула мощным потоком. Меня швырнуло вперед и припечатало к Берту.

От неожиданности он пошатнулся, я уткнулась носом в его грудь. К слову, больно. От мантии несло паленым полотном и калиной. Так себе благовоние.

– Ты должна была его потушить, а не укоротить.

В голосе Финиста больше не было раздражения, только искреннее веселье. Подозреваю, что он, как в застольном скабрёжном анекдоте, решил расслабиться и получать удовольствие от процесса.

– Прости! Не понимаю, что со мной сегодня.

Я просунула руку между нами, уперлась локтем в его каменный пресс и попыталась отклеиться: дергала, тянула, отталкивалась. Действительно, как в анекдоте. Самом страшном анекдоте ужасов!

– Полегче! – стараясь сдерживать смех, попросил Финист.

– Потерпи! – процедила в ответ. – Ты не один вообще-то страдаешь.

– С ума сойти, умнице Грандэ хоть что-то не удастся, – веселился он.

– У меня не выходит куча вещей, но именно сейчас – отцепиться от тебя, – пропыхтела я и неожиданно отскочила, как на пружине.

Финист ловко схватил меня за плечи, не позволяя упасть.

– Получилось! – выдохнула я, сдувая с лица растрепанные волосы. – В смысле, не то чтобы получилось...

Нас разделил целый шаг. Расстояние, конечно, мизерное, но хотя бы не придется передвигаться в обнимку. Не представляю, как бы мы тесным клубком вкатились в лекторий.

С другой стороны, адский магистр понял бы все с порога и не задавал дурацкие вопросы. Просто тихо-мирно принялся бы отвечать ядовитые комментарии.

В гулкой тишине разнесся часовой бой, оповещающий о начале лекции. Невольно я задрала голову, словно грозный зов, как божественный глас, лился с потолка.

– Похоже, придется просить Рэнсвода, – сдалась я.

– Не торопись, – вдруг проговорил Финист, заставив меня удивленно вытаращиться. – Когда у тебя пересдача?

– Через полчаса после лекции.

– Если до пересдачи не справимся, тогда попросим, – неожиданно сжалился он.

– Но ведь нам придется вдвоем... по коридорам... – опешила я.

– Ты же не потащишь меня к алтарю, – пошутил он.

Поверь мне, брачная чаша сейчас не самое страшное. Если – не дай божественный слепец! – кому-то из нас приспичит в уборную? Вот чего стоит опасаться!

– Спасибо, Финист! – Я постаралась не заикливаться на жизненных мелочах и от души поблагодарила: – Обещаю быть незаметной, не мешать и молчать. И еще... мне очень надо на лекцию. Иначе Рэнсвод...

– ...не пустит на пересдачу, – договорил он с улыбкой. – Знаю, он всегда так делает. Идем, зубрила.

Внутри меня клокотали взъерошенные чувства и бурлящая магия. Колени мелко дрожали, перед глазами плясали стены, и волнами накатывал жар. Господи боже, как может быть одновременно так хорошо и так же паршиво? Вот что значит прикоснуться к мечте! Теперь не издохнуть бы.

До появления Рэнсвода мы не успели. Дверь лектория была многозначительно прикрыта. Скрипела она как проклятая, не оставляя ни одного шанса войти незамеченными. Чудовищный звук, похожий на стон раненой химеры, разносился по помещению, заставляя всех присутствующих вздрагивать и оглядываться. Наверняка адский магистр специально выбрал именно эту аудиторию и не позволял зрителю смазывать петли, чтобы знать в лицо опоздавших героев.

Как и ожидалось, дверь традиционно застонала. Выпустив в мир этот чудовищный клич, мы с Финистом проникли в набитую под завязку аудиторию.

Лекции Киара Рэнсвода всегда были открытыми, и на них неизменно собиралась толпа вольнослушателей. Демонский магистр преподавал в академии два раза в неделю, а остальное время служил во дворце... кем-то там. Вообще-то, его считали большим профессионалом. Я тоже, признаться, поначалу испытывала вдохновение, пока не попала на первый практикум и не получила щедрые моральные оплеухи.

Однако сегодня то ли звезды сошлись, то ли левая гаргулья была благороднее правой, но внизу, за преподавательской кафедрой, на фоне грифельной доски стоял помощник магистра Дрю! Добрейшей души парень в больших черепаховых очках.

Я сначала не поверила своим глазам, а когда поверила, то возликовала. Рэнсвода заменяли! Может, пересдачу перенесли? Или – и мне страшно в это поверить – экзамен будет принимать кто-нибудь другой?!

– Проклятье! – между тем совершенно не вдохновился Берт. – Опять этот химеров Дрю-очкарик.

Так, стоп! Я что-то не поняла: мне радоваться за себя или расстраиваться из-за парня мечты?

– Господин Берт, добро пожаловать! – в злобной манере самого магистра протянул его помощник, неожиданно выказав себя с темной стороны. – Начало – самая скучная часть, верно? Не стойте на пороге, присаживайтесь.

Он изящно проигнорировал тот факт, что Финист опоздал не один, а в компании девушки. Зато Альма, сидящая в самом центре зала, с трудом подобрала отвисшую челюсть.

– Шевелись, Грандэ, – тронув меня за локоть, пробормотал парень.

Мы спустились к тому ряду, где вольготно заседали его приятели.

– Двигайтесь, – тихо скомандовал Финист.

Как ни странно, абсолютно все подчинились, освободив нам парочку мест, хотя самим-то пришлось поприжать локти к подтянутым бокам. На меня никто не обратил внимания. Возле Берта всегда крутились девчонки. Возможно, не всегда такие зеленые, с не шибко свежими волосами, но мне вечно везет как утопленнику.

Хотя передумала – утопленникам везет больше! Три года надеялась, что Финист бросит на меня хотя бы мимолетный взгляд, без подкрашенных ресниц ни разу не зашла в академические корпуса. И что? Один раз проспала, не успела помыть голову, и по закону подлости мы столкнулись.

– Магистр просил провести вводную лекцию, – между тем заявил его помощник. – Я кратко расскажу о программе. Весь следующий месяц вы будете изучать синергию. Слияние силы и магии...

Дрю зачитывал по листочку. Монотонное бормотание оказывало поистине успокаивающий и усыпляющий эффект. Бурлящая магия, державшая меня на ногах, затихла. Разом нахлынула слабость, руки и ноги словно налились свинцом. Не делая попыток записывать, я рисовала на листе неровные завитки и чувствовала себя ужасно больной, несчастной и обиженной дурацкими гаргульями.

— Заканчивая нашу лекцию, хочу добавить! — Неожиданно унылый голос помощника Дрю пронзила бодрость. — Господа студенты, практикумы по слиянию будут проходить в парах. До конца недели вы должны решить, с кем планируете работать в связке, и внести себя в список.

Он продемонстрировал пока еще пустой лист.

— Может, кто-то уже готов объявить себя парой? — На несмешную шутку никто не отреагировал, но Дрю понесло: — Подскажу главный секрет! Выберите человека, который вас не будет раздражать. Мы же не хотим, чтобы к концу курса вы друг друга прикончили.

— Особенно ты, очкарик, не хочешь, — с неприязнью поглядывая на Дрю, буркнул себе под нос Финист, и его приятели с трудом сдержали смех.

— Господин Берт, вы что-то сказали? — мигом ошетинился тот.

— Нет, я молчал, — опроверг парень, вызвав в приятелях настоящий восторг.

— Решили взять в пару вашу соседку?

Я мгновенно перестала вырисовывать круги и вытаращилась на помощника Рэнсвода, как на драконовую химеру.

— Кхм... — кашлянул Берт.

— Нет! — выпалила я.

— Отказываетесь? — с ехидной улыбочкой переспросил Дрю, явно желая унижить первого парня в селении, в смысле, в потоке.

Почему этот химеров очкарик раньше казался милым парнем? Рядом с Рэнсводом нормальные люди не задержатся.

— Не то чтобы я была против...

— Прекрасно! — Он щелкнул пальцами. — Решено. Уверен, из вас выйдет дивный дуэт. Вы, госпожа Грандэ, не дадите новому партнеру отвлекаться от занятий, а он поможет вам наконец справиться с экзаменом по высшей магии. Сплошная польза.

— Вот придурок, — едва слышно прошипел Финист.

– Внесите себя в список! – приказал помощник и помахал листом. Мы по-настоящему напряглись.

– Сейчас?

– Какая-то проблема, господин Берт? – деловито поинтересовался Дрю.

Не какая-то, а еще какая!

– Можете передать лист?

– То есть мне надо к вам подняться самому? Как лакею?

– Извини, Грандэ, – пробормотал Финист, – я сделал все что мог. Считай это минутой славы, а не позора.

Скажите, знающие люди, этот день уже можно записывать в самые ужасные дни моей жизни или еще стоит обождать?

Он поднялся. Совершенно не готовая к унижению, я хотела сдвинуться на край лавки, но северянин сделал шаг, чтобы потесниться в проходе... и ничего не случилось. Пока я боролась со сном, сосредоточенно прикусывая изнутри щеку, магическая связь растаяла сама собой.

– А ты молодец, – хмыкнул он, решив, что я незаметно избавила нас от позорной привязки, и быстро спустился к Дрю.

Нет, я, конечно, молодец, но понять бы, как им вдруг сделалась.

Без особого пиетета Финист выдернул лист из рук помощника магистра и, склонившись над преподавательской кафедрой, начал писать. На черной грифельной доске постепенно появлялись наши имена, накорябанные размашистым неряшливым почерком. В последней литере моей фамилии была ошибка. «Грандэ» переводилась с первородного языка как «умница», Финист же превратил меня в «тлен».

Пока он поднимался обратно, басовитый часовой бой объявил о конце занятия. Народ мгновенно начал собираться, вставать со своих мест. Гулкий лекторий наполнился разговорами.

– Пересдача не отменяется! – стараясь перекрычать гул, надрывался Дрю. – В той же аудитории, что и прошлый раз! Не опаздывайте!

– Удачи на экзамене, Грандэ! – подхватывая со стола блокнот для записей, пожелал мне Финист и неожиданно подмигнул.

Переговариваясь с приятелями, он начал подниматься по ступеням к выходу, а я все пыталась понять, не привиделось ли мне это

кокетливое подмигивание.

– Берт с тобой флиртует! – охнула подскочившая Альма, забыв о конспирации. Более того, ее совершенно не смутило, что нас можно было услышать.

– Тс! – шикнула я.

– Как вы оказались вместе? – она понизила голос до громкого шепота. – Хочу знать все, во всех грязных подробностях!

– Встретились возле дверей. Он тоже опоздал.

– И всего-то? – разочарованно протянула подруга.

Я пожала плечами, дескать, обычное дело, и вручила ей пустой термос из-под калинового отвара.

– Спасибо, калина возродила меня к жизни.

– А выглядишь так, будто готова с этой жизнью попрощаться, – с подозрением заметила Альма, словно догадываясь, что ни капли отвара не попало ко мне в рот.

– В лечении всегда так: сначала становится хуже, а потом резко лучше, – сумничала я, убоявшись, что она хранит в сумке еще один термос и немедленно мне его всучит. – У тебя есть еще калина?

– К сожалению, нет.

Какое счастье!

– А надо? – оживилась подруга. – Я еще успею перед тренировкой добежать до общежития и заварить.

– Ни в коем случае! Вдруг опоздаешь?

– Тут ты права. Тренер ненавидит, когда пропускают разминку. Потом будет гонять по залу, – вздохнула Альма. – Но пообещай, что после экзамена тут же пойдешь в лазарет.

– Клянусь! – Я торжественно приложила руку к сердцу. Мантия под ладонью все еще была чуточку влажная от пролитого отвара.

До пересдачи оставалось не меньше получаса, но возле кабинета уже собрался народ. Нас, провалившихся, осталось меньше десятка. Самые упорные в достижении цели! Если кто не понял, это сарказм.

Все энергично нервничали, ходили туда-сюда по коридору, повторяли теоремы высшей магии. Я пыталась справиться с накатывающей волнами паникой, выместившей даже дурноту, и бубнила под нос, как надоевшую песенку, закон преломления магии.

– У тебя получается зажигать свечку? – вдруг тихо, как на похоронах, спросила у меня девушка с факультета инженерной магии.

– А? – Я вытаращилась на ее бледное от страха лицо с дергающимся глазом.

– Ну, свечка. – Она зачем-то изобразила руками большой пожар. – У тебя выходит ее зажигать?

– Не знаю.

А свечку-то я ни разу и не пробовала зажигать! Правило вызубрила, а испытать не сподобилась! Вдруг у меня не получается?

– А у меня не выходит, – пожаловалась девушка. – На экзамене не зажглась... и до сих пор никак.

– Говорят, молния не бьет в одно место дважды, – попыталась поддержать я.

– Ты права, он наверняка придумает что-нибудь другое.

Почему эта мысль так нервировала? В панике я полезла за конспектом, чтобы еще раз повторить порядок действий, как народ вдруг подобрался. К аудитории уверенной поступью приближался магистр Рэнсвод собственной персоной. Никуда не делся, по пути в академию не потерялся, просто его адское величество не явилось на собственную лекцию.

В руке он держал термос с каким-то напитком, черное пальто было перекинута через локоть. От всей его поджарой фигуры в превосходно скроенном костюме исходило недовольство, словно каждым движением и жестом он говорил, как его достали бездарные неудачники.

Я вжала шею в плечи и постаралась уменьшиться в размерах. Узнает или нет? Но Киар не задержал на мне взгляда.

– Заходите по очереди, – мрачно бросил он на ходу и скрылся в аудитории.

Тишина, воцарившаяся в коридоре, отдавала всеобщей истерикой.

– Кто пойдет первым? – спросила девушка, та самая, с факультета инженерной магии, и нервно обтерла о синюю мантию ладони.

– На камень-ножницы-бумага? – предложил кто-то.

– Вы нелепы, – высокомерно бросил парень-алхимик в красной форме и решительно толкнул дверь.

Он скрылся в воротах ада. Мы проводили смельчака траурным молчанием, как в последний путь, но алхимик вывалился в коридор спустя пару минут. На худом лице застыло выражение глубочайшего потрясения. В руках мелко тряслась раскрытая студенческая книжка.

– Выгнал? – прошептал кто-то.

– Поставил «удовлетворительно», – прохрипел он севшим голосом. – Имя спросил и поставил.

В доказательство парень даже продемонстрировал еще не подсохший чернильный росчерк магистра, твердый и тревожный.

– Что происходит? – вопрошал алхимик у нас.

Хотела бы я знать, что случилось сегодня с Рэнсводом. С той ноги, что ли, встал?

Народ один за другим начал появляться из аудитории с заполненными графами. Я немедленно уверовала и в удачу, и в магию гаргулий, и даже в высшую справедливость. На пересдачу входила с опаской, но без паники.

Магистр стоял спиной и, сунув руки в карманы, смотрел в окно, словно в ослепшем от уличной темноты стекле мог разглядеть что-то еще, кроме собственного отражения. Пальто небрежно валялось на преподавательской кафедре.

– Добрый вечер, – поздоровалась я и без лишних просьб представилась его затылку: – София Грандэ, четвертый курс, факультет бытовой магии.

Рэнсвод развернулся резко, всем корпусом, и вперил в меня острый взгляд. Повисло неприятное молчание. Точно вспомнил вчерашнее столкновение на крыше!

Он прошел к кафедре и жестом фокусника вытащил из ящика оплавленную свечу в медном подсвечнике. В тишине тот звонко ударился о крышку стола.

– Зажигайте, – кивнул Киар.

Вот ведь мстительная сволочь!

– Но ведь остальные... – Я осторожно указала на закрытую дверь.

– Что? – резко спросил он, изогнув брови. – Что остальные?

В темных глазах плескалась бездна. Та самая, в которой отличницы топили надежды на высшее магическое образование.

– Нет-нет, – быстро уверила я. – Ничего!

– Тогда приступайте, – поторопил он.

– Ага, сейчас, – пробормотала я, суетливым движением скидывая на стол рядом с его пальто сумку и пристраивая табель, – уже приступаю.

Господи, из какого пыльного гримуара он выкопал это заклятие седой старины? Кому нужны свечи, если магические лампы сейчас продаются за сущие сантимы? Можно выбрать на любой вкус: круглые слюдяные, квадратные из лунного хрусталя или даже в виде трехрогих канделябров. Что ему, этому химеровому демону, под настольной лампой не читается?

— Зажечь свечку? — пробубнила я, встряхивая руками и настраиваясь. — Отчего же не зажечь? Сейчас зажжем.

Комментировать бормотание Рэнсворд не стал, но на шаг от кафедры отошел. Видимо, во избежание. Правильно! Я так сильно нервничала, что вполне могла затянуть на его горле узел дорогущего галстука.

— Не теряйте время, — оборвал он приготовления, не догадываясь о кровожадной идее.

Я резко призвала магию, щелкнула пальцами, как он сам делал на крыше преподавательской башни, пробуждая огонь. Сила неконтролируемым потоком выплеснулась на свободу. Свеча не зажглась, а полыхнула. Из фитиля вверх рванула пика рыжего пламени, едва не мазнувшая острием по потолку. Лицо овеяло горячим потоком, словно передо мной раскрыли раскаленную печку. От жара воск за секунду расплавился и стек блестящей лужицей с черными разводами.

— Ой! — испугалась я.

Жадный огонь, сожрав предложенное угощение, мгновенно перекинулся на преподавательское пальто.

— Гасите магию! — рявкнул магистр, подскакивая к кафедре.

Но от изумления на меня напал столбняк. Я смотрела, как дымится черное полотно, и не могла пошевелиться. Пахло оно похлеще поджаренной мантии. Сразу видно: отличная, высококачественная шерсть!

Рэнсворд схватил со стола термос и выплеснул на пальто полпинты темного сока аскарома. Пламя послушно потухло, в воздухе за клубился зловонный дымок. От воцарившейся тишины звенело в ушах.

— Почему вы не использовали заклятие?! — рявкнул взбешенный магистр.

– Испугалась, – пролепетала я. – А почему вы его не использовали?

Перекошенное от ярости лицо Киара теперь еще и вытянулось. На мгновение он прикрыл глаза, видимо, пытаясь себя убедить, что оратор в академии совершенно непедagogично, а именно эта студентка ратовала за педагогичный подход.

– Не знаете, когда стоит держать язык за зубами? – вкрадчиво спросил он.

– Но ведь свечу я зажгла, – осторожно заметила я.

Мы одновременно посмотрели на растекшуюся по столу лужицу воска.

– Я заслужила «удовлетворительно»! А что до пальто... – Я набрала в грудь побольше воздуха. – Компенсирую его стоимость!

– Вы предлагаете мне деньги? – обманчиво мягким голосом уточнил он, сузив темные глаза.

– Только взять на себя ответственность и возместить потери, – извернулась я.

Мы замолчали. Внимательный взгляд Киара остановился на моих обкусанных от нервов губах, отчего их немедленно захотелось облизать. Он словно не верил, что ему действительно предложили денег.

– Возместить потери? – Неожиданно магистр кривовато усмехнулся, отчего стал похож на демона... очень сексапильного демона. – Поднимитесь ко мне в кабинет. Нам в любом случае надо поговорить.

– Сейчас?

– У вас есть срочные дела?

– Нет!

Пока он не передумал, я схватила со стола сумку и на ходу сунула в нее студенческую книжку с единственной пустой графой. Стоило выйти в коридор, как ко мне кинулись товарищи по несчастью.

– Почему так долго? – зашептали они. – Как прошло?

– Хорошо, – буркнула я на ходу и зачастила в сторону перехода в преподавательскую башню.

Самой не верилось, что Рэнсвод согласился на взятку и не послал меня прямиком в деканат за приказом об отчислении. Обалдеть!

Адский магистр никогда не выглядел человеком, нуждающимся в деньгах, но, может, проигрался и теперь не брезгует студенческими динарами? Возможно, в этом и заключался великий план пресвятой левой гаргульи.

Некоторое время пришлось подождать. Сильная, бурлящая магия заснула, вновь оставив после себя свинцовую тяжесть. Я привалилась спиной к стене возле двери с именной табличкой и прикрыла глаза.

Природа всегда отмеряла человеку резерв по силам. Излишек ранил. Видимо, зимняя лихорадка кипятила не только тело, но и колдовской дар, намекая, что мне со всех ног пора бежать в лазарет.

На лестнице раздались шаги. Я встрепелась, испугавшись, что столкнусь с профессором по зельеварению, обитающим в соседнем кабинете, но появился Рэнсвод. Испорченное пальто вновь было перекинуто через локоть. Термос, судя по всему, остался в аудитории.

Киар молча отпер замок, открыл дверь и кивнул мне, приглашая в темную комнату. Стоило переступить через порог, как на потолке вспыхнула магическая лампа. Смотрите-ка, никаких дурацких свечей!

Полукруглый большой кабинет со стрельчатыми окнами казался совершенно обезличенным и ничем не пах: ни табаком, ни магией. Полки книжных шкафов сиротливо пустовали. Массивный стол выглядел идеально убраным, но по факту им просто не пользовались. Стоял письменный набор, возможно, оставшийся от предыдущего владельца кабинета, лежала стопка учебников. Похоже, Рэнсвод здесь не работал, а только оставлял вещи.

Неожиданно в тишине раздался щелчок запертого на ключ замка. Я вздрогнула и почувствовала себя в клетке. Со зверем. Теперь оставалось за этим самым зверем следить и не впадать в панику.

Рэнсвод повесил пальто на рогатую вешалку в углу и, стягивая пиджак, бросил:

– Снимите одежду.

Глава 2

Потомок избранного

Поверить в реальность происходящего не удавалось. В шоке я следила за тем, как зверь в человеческой личине переместился к столу. Небрежно бросил на крышку пиджак, с невозмутимым видом вытащил из манжет белоснежной рубашки драгоценные запонки и начал закатывать рукава. Сначала один, потом взялся за второй.

У него были красивые сильные предплечья. На левой руке от запястья до локтя тянулся столбик нечитаемых, почти стершихся символов. Татуировка у уважаемого магистра высшей магии как нельзя лучше вписывалась в происходящий театр абсурда.

– Что вы сказали? – едва слышно выдавила я.

– Не нужно полностью раздеваться, я хочу увидеть вашу спину. – Он обернулся и поморщился: – Напомните, как вас зовут?

Другими словами, ты, химеров негодяй, предложил мне расплатиться за экзамен телом, а имя запомнить не сподобился!

– София Грандэ, – внезапно севшим голосом назвалась я.

– Умница София, значит, – безошибочно перевел он мою фамилию с первородного языка и бесстрастно добавил: – Я знаю, что нужно делать, чтобы вам стало лучше.

– Не сомневаюсь в вашем опыте, но я не готова дать вам то, что вы просите! – твердо заявила я.

Долгую секунду мы смотрели глаза в глаза. Надеюсь, что вид у меня был решительный, а не жалобный. Даже брови у переносицы сдвинула, но руки тряслись. Безусловно, от возмущения.

– Подожди-ка. – Рэнсвод словно что-то просчитывал в уме и вдруг спросил в лоб: – Так ты решила, что я пытаюсь тебя соблазнить?

– Вряд ли ваше предложение можно назвать политесным словом «соблазнение», – отрезала я.

На его лице заходили желваки, взгляд четвертовал.

– Не знаю, каким ты меня рисуешь в воображении, но я не развращаю студентов. И меня совершенно точно не привлекают дети.

– Если вы не заметили, то я давно не ребенок.

– Вы удивитесь, госпожа Грандэ, – как-то вмиг успокоившись, он вновь перешел на официоз, – но под вашими мантиями не всегда угадывается возраст.

– Поэтому вы попросили раздеться?

– Так... – Он упер руки в бока и, на секунду опустив голову, глубоко вздохнул. – Видимо, вы не увидели рисунок.

Взгляд невольно переместился с его мрачного лица на незнакомые символы, неряшливыми кляксами пятнающие крепкое предплечье.

– Как вы себя чувствуете, София? – резковато спросил Рэнсвод. – Жар, ломота в теле. Нехарактерные вспышки магической силы. Стихийные, бесконтрольные заклятия, на которые вам никогда не хватило бы магии. Такие плетутся подсознательно и исчезают сами по себе. Первый признак, что не маг управляет даром, а наоборот. У вас болит плечо. Я заметил, как вы морщились на экзамене. Ничего не пропустил?

– Плечо действительно болит, – покусав нижнюю губу, через паузу призналась я и промолчала о связующих чарах, наложенных на Финиста.

– Когда вчера вы шустро сбегали с крыши, то забрали с собой мой магический дар. Вы должны были почувствовать изменения, – резюмировал он.

– Вы пытаетесь меня обвинить в краже? – скривила я губы.

– Я пытаюсь помочь, София, потому что сейчас моя магия вас сжигает.

В кабинете поселилось молчание. Я силилась что-нибудь сказать или хотя бы проблеять, но меня покинул дар речи. Да и в голове стало пусто. Не каждый день узнаешь, что вместо простуды на крыше преподавательской башни подхватила чужую магию и пришло время обрядиться в покойницкий саван.

– То есть у меня не лихорадка. Я по-простецки тут стою перед вами и тихо умираю? – дрогнувшим голосом переспросила я.

– Вы уловили суть.

Рэнсвод говорил так серьезно, что не оставалось сомнений: не обвиняет, не врет и не запугивает.

У меня опустились руки. Сумка соскользнула с плеча и упала под ноги. На пол выкатились самописные перья, и выскользнул дурацкий табель успеваемости.

– Выходит, вы были в курсе, чем мне грозит ваша магия, но почему-то не попытались найти. Я даже не пряталась!

– А я не разглядывал вас в темноте, – признался он. – Вы в любом случае появились бы на пересдаче.

Обвинения отскакивали от Рэнсвода, как мячи – от стены. И внутри всколыхнулась волна гнева.

– Что нужно сделать, чтобы вернуть вам дар? – с ледяными интонациями спросила я. – Показать метку, на этом все закончится? Отвернитесь, я сниму одежду.

Рэнсвод невозмутимо наблюдал, как я со злостью стаскиваю мантию, швыряю ее на диван и трясущимися руками поспешно хватаюсь за ворот простого платья. Верхняя пуговка, самая тугая, выскальзывала из влажных нервных пальцев.

– Остановитесь, София. Все гораздо сложнее, чем вы думаете, – спокойно попросил он притормозить с раздеванием. – Я должен объяснить, с чем вы столкнулись.

– Очевидно. Ту часть разговора, где вы что-то объясняете, мы незаметно пропустили.

– Сядьте, – приказным тоном скомандовал он и кивнул на старый диван. – Вы выглядите отвратительно.

Как этот товарищ, прости господи, дожил до своих лет, если до сих пор не знает, что честность и прямолинейность не всегда уместны?

– Спасибо, мне и стоит неплохо.

– Как пожелаете, – вздохнул Киар, словно разговаривал с капризным ребенком, а не с разгневанным магом (ладно, без пяти минут магом). – Вы слышали легенду о Рэноне?

– Сказку о первородном огне знают даже дети.

В ней рассказывалось, что в темные времена на землю опустились полчища драконовых химер, но избранный воин был отмечен божественным первородным огнем и спас кучу людей. Мне много раз попадались книжки с похожими сюжетами, авторам нравилось переписывать старые небылицы.

– Это не легенда, а изрядно приукрашенная реальная история, – спокойно объявил он. – Рэнон действительно существовал, охотился на драконовых химер и сохранил много жизней, но на несколько веков его особенный дар был утерян. Пока в роду не появился ребенок, достаточно сильный, чтобы управлять древней магией.

Он многозначительно примолк.

– Пытаетесь намекнуть, что вы тот самый потомок избранного? – У меня вырвался смешок, но магистр никогда не был весельчаком, любящим пошутить со студентами, и ерничать расхотелось. – Вы серьезно?

– Более чем.

– Во мне действительно сейчас первородный огонь?! Из детских легенд? И он меня сжигает, как проклятие черной магии, потому что... В отличие от вас, я недостаточно сильная, – договорила упавшим голосом.

– Я сказал, что реальная история мало напоминает сказку, – развел руками Рэнсвод. – После потери дара нашей семьей пришлось изменить фамилию. Как понимаете, быть потомками легендарного Рэнона, но без первородного огня, довольно обременительно.

– Знаете, господин магистр... Вы были правы, некоторые новости стоит узнавать сидя. – Я плюхнулась на диван, однако перед глазами все равно плясали темные мушки. – Ох! Сесть что-то не помогло. Мне надо выругаться.

– Ни в чем себе не отказывайте.

– Матом.

– В таком случае лучше выругайтесь шепотом, – серьезно посоветовал он.

– На азрийском языке...

– Что вас останавливает? – терпеливо спросил магистр.

Дескать, любой каприз, лишь бы дама сначала не впала в истерику, а потом в прострацию.

– Я не знаю азрийского, – чистосердечно пожаловалась источнику всех проблем в моей недолгой жизни.

– Могу подсказать пару крепких выражений.

– И видимо, уже никогда не выучу, – с отчаянием прошептала я, не понимая, какого демона прицепилась к дурацкому азрийскому, этот язык мне даже не нравится.

– Послушайте, София. Мы в одной лодке, и я сделаю все, чтобы вы были в порядке, – не скатываясь в увещевания, проговорил Рэнсвод. – Пока я выясняю, что произошло и, главное, как вернуть вещи на свои места, буду забирать излишек магического резерва. Достаточно прикоснуться к метке. Просто доверьтесь мне.

Магистр протянул руку. Думала, предлагал закрепить соглашение рукопожатием, но оказалось, что он хотел помочь мне встать с дивана. Ладонь у него оказалась горячая и сухая. Всегда считала, что теплые руки были только у хороших людей, но Рэнсвод умудрился эту замечательную теорию разрушить.

Он отвернулся без лишних просьб. Не к слепым окнам, где отражалась моя изломанная фигура, а к портрету его величества на стене. Наверняка картина тоже досталась ему в наследство от бывшего владельца кабинета, и вряд ли он любовался королем из чувства глубочайшей привязанности.

Я расстегнула платье. Рукав с натугой съехал с ноющего плеча, тонкую лямку нижней сорочки тоже пришлось приспустить.

– Все, – позвала я, переступив с ноги на ногу.

Смущаться было нелепо, ведь никто не мнется, раздеваясь на приеме у лекаря. Да и Рэнсвод, уверена, видел не одну голую женскую спину. Вряд ли моя отличалась от других особым шармом или уникальностью... Но какое же счастье, что спина не краснела от неловкости, как щеки!

Киар подошел. Казалось, под его взглядом кожу начало печь, и неожиданно даже для себя я поежилась.

– Метка есть?

– Да, – ровным голосом, тщательно пряча эмоции, ответил он.

– Но вы были до последнего не уверены? – внезапно догадалась я и извернулась, чтобы посмотреть, как выглядит эта самая метка.

Толком ничего разглядеть не удалось, только рваный край точно бы вытатуированного неровным пятном рисунка.

– Вам лучше не двигаться, – уклонился он от ответа.

– Простите.

Когда Рэнсвод прикоснулся кончиками пальцев к моей обнаженной спине, я вздрогнула.

– Я не сделаю вам ничего плохого, София, – тихо вымолвил он.

– Знаю.

В следующее мгновение из меня начала утекать магия. Пугающее ощущение, ничего приятного – сплошная паника! Захотелось броситься наутек, но усилием воли я удерживала себя на месте. Представляла, что выросла в пол, как дерево – корнями в скалистый

уступ, и сдвинуть меня не сможет даже самый сильный ураган, только сломать. Хотелось верить, что Рэнсвод не собирался этого делать.

В люстре затрещали огни, замигали, угасая и вновь разгораясь. Не сдержавшись, я вновь посмотрела на стеклянную дверцу шкафа, где отражался Киар. Вокруг его руки хаотично кружились огненные символы на незнакомом мне языке, на предплечье светился рисунок. Глаза тоже светились, как у демона, алым цветом. Один раз такое увидишь, три недели спать не будешь! Я поспешно отвернулась.

Все закончилось внезапно. Магистр убрал руку, люстра перестала трещать, огни тотчас разгорелись.

– Одевайтесь, – бросил он, ей-богу, как на приеме у лекаря.

Я поспешно привела одежду в порядок. Лихорадка ушла, болезненные ощущения полностью исчезли, и появилась кипучая энергия. Не выматывающая и нервная, когда носишься кругами, как бешеная белка, но толком ничего не делаешь, а здоровая, пробуждающая желание если не свернуть горы Крушвейской гряды, то хотя бы их покорить.

В отличие от меня, Рэнсвод застыл, опершись о стол. Напряженные широкие плечи, вздутые вены на руках, побелевшие костяшки пальцев на сжатых кулаках, опущенная голова – вся поза доказывала, что магия ему не зашла и встала колом. Рисунок же на предплечье, словно напившись силы, вернул яркость. Это были крупные символы древнего языка, гораздо древнее даже первородного.

– Как вы себя чувствуете? – отрывисто бросил он, не догадываясь, что за ним внимательно и испуганно наблюдают.

– Лучше, чем неделю назад. А вы?

– Хуже, чем неделю назад, – не стал лукавить он, но резко выдохнул и выпрямился.

Преображение случилось буквально за мгновения. Передо мной вновь предстал привлекательный, но пугающий взрослый мужчина с острым взглядом, умеющим подмечать любые мелочи. Разве что лицо осунулось.

Пока он спускал рукава рубашки и вдевал запонки, я собрала в сумку рассыпанные самописные перья. Подняла студенческий табель с выдавленным гербом Академии общей магии на мягкой кожаной обложке и задумчиво покрутила в руках.

– Какие у вас планы на вечер? – бросил магистр.

О, мне предстоит насыщенный вечер! Я планирую пройти пять стадий принятия неизбежного, но в ритме шай-эрского вальса, иначе застопорюсь на депрессии и к утру впаду в черную хандру. Может, еще подумаю, кому завещать кошку. Конечно, умирать в ближайшие дни я все-таки не планировала, но во избежание сиротства хвостатого демона стоит позаботиться о ее будущем.

Рэнсвод не дождался внятного ответа.

– Поужинайте со мной. Нам надо многое обсудить, но не в стенах академии.

Как всегда, он прав: тема для разговора у нас была. Я молча протянула табель. Магистр вопросительно изогнул брови.

– Вы сказали, что мы сейчас в одной лодке и самое время сотрудничать. – Я кивнула на документ в своей руке. – Поставьте мне «отлично» за экзамен.

– Да вы умеете расставлять приоритеты, госпожа Грандэ, – с иронией хмыкнул он.

А вы профукали древний дар, господин потомок избранного, но заметьте, я не тыкаю вам в лицо этим вселенским провалом.

– И припишите три плюса, – невозмутимо попросила я.

– А плюсы зачем? – искренне заинтересовался он.

– Моральная компенсация за каждую пересдачу.

– Хорошо.

С едва заметной улыбкой Рэнсвод забрал книжку и шагнул к столу. Сдвинув пиджак, он вытащил из письменного набора чернильное перо. Признаться, я полагала, что оно вообще не пишет и даже не заправлено. Стоит просто так, для интерьерной гармонии.

– Подождите! – заволновалась я, пытаюсь подглядеть, что он черкает в моем табеле. – Так «хорошо» или «отлично»?

Рэнсвод вернул мне студенческую книжку. На секунду показалось, что из воспитательных потуг он все-таки отвесил «отвратительно», но в графе напротив высшей магии стояло «превосходно» со всеми вытребованными плюсами. Выше разве что «восхищен до глубины души», но такой оценки еще не придумали.

– Довольны, госпожа Грандэ? – любезно уточнил он.

– Вполне.

Я спрятала табель в сумку, забрала брошенную на диван мантию и замялась, не понимая, куда ее деть. Не пойдешь же в ресторацию в

академической форме.

– Оставьте мантию здесь, – предложил Киар, надевая пиджак. – Завтра заберете.

Пока я пристраивала форму на вешалку, видимо, забыв об огненном казусе на экзамене, он натянул пальто и расправил воротник. На черной дорогой ткани, в самом видном месте, естественно, зияла дыра с опаленными краями. В молчании мы воззрились на это живописное доказательство моего неумения справиться с сильной магией.

– Извините, я не нарочно подожгла, – попыталась я заполнить многозначительную паузу. – Просто ваша магия внезапная, как городские голуби!

Ответом послужил знакомо-убийственный взгляд, на занятиях вызывавший у меня паралич дыхания. Киар стащил с плеч испорченное пальто.

– Вы замерзнете в одном костюме, – вымолвила я и тут же поняла, насколько неуместно прозвучало замечание. Словно мы превратились не в вынужденных сообщников, связанных одним большим секретом, а в близких друзей.

– Дадите шаль? – хмыкнул он и накинул пальто на рога вешалки. Оно вспучилось, словно на спине, не тронутой огненной магией, вырос горб.

– Нет, ну, если очень надо...

– Не мнитесь. Я не пытаю детей холодом.

Рэнсвод отпер дверь и кивком указал мне в коридор, дескать, идите – путь свободен.

– Буду ждать вас в экипаже.

– За воротами, – добавила быстренько. – К слову, как выглядит ваш экипаж? Чтобы не перепутать и не сесть в чужой.

– Мой экипаж неприязнителен, с затемненными окнами, – подсказал Рэнсвод, мало что проясняя.

– Значит, буду отгадывать, – пробормотала себе под нос.

Я забрала из гардероба пальто и, пока шла под зажженными фонарями к академическим воротам, пыталась избавиться от дурацкого ощущения, что попала в страшный сон. Еще вчера мне в кошмаре не привиделось бы, что мы с Киаром Рэнсводом заговорим о чем-то, кроме законов высшей магии, а сегодня он прикасался к моей

обнаженной спине. Прежде мою спину трогала только мама! И то когда ставила банки от простуды.

Вечером перед академией всегда царило оживление. В торговых лавчонках светились витрины. Сновали студенты и горожане, а неприятельных экипажей городских возниц в ожидании пассажиров стояла целая вереница.

Встав на пешеходной мостовой, я осмотрелась в поисках самой неприятельной кареты, но непременно с затемненными окнами. Дверца одной многозначительно приоткрылась, намекнув, что можно не страдать муками выбора.

Рэнсвод протянул руку и помог мне забраться в салон. Усевшись, я пристроила на коленях сумку и попыталась задвинуть ноги под сиденье, чтобы случайно не соприкоснуться с магистром коленями.

– Далеко ресторация? – спросила я.

– В какое время вас ждут дома? – уточнил он.

– Я живу в академическом общежитии.

– Значит, вы вернетесь раньше, чем закроются ворота.

Он невозмутимо постучал в стенку, приказывая кучеру трогаться. От первого рывка я едва не съехала с кожаного сиденья. Сумка выпала из рук и плюхнулась на колени Рэнсвода. Кажется, что-то высыпалось на пол.

– Простите! – охнула я, схватив несчастную торбу с такой скоростью, словно она могла прожечь дыру на штанах у магистра, и вжалась в спинку сиденья.

Лучше бы мне прилипнуть к этой спинке намертво!

– Вы напуганы, София? – вдруг спросил Киар, никак не прокомментировав неловкость.

Его лицо скрывалось в глубокой тени, но я все равно ощущала прямой, испытывающий взгляд.

– Да, – не стала лукавить. – Не могу понять, как вы случайно могли утратить первородный огонь?

– Я не верю в случайности, – честно ответил он. – В искусстве черных заклятий существует не меньше десятка способов отобрать у мага силу и почти три сотни – имеющих подобный побочный эффект.

– То есть кто-то специально лишил вас дара?

– Или ненамеренно. Я не имею права кого-то огульно обвинять, пока не будет доказательств, – мягко, но непреклонно отказался

строить предположения Рэнсвод.

– Но почему магия перешла ко мне? Я вроде как... оказалась ближе всех?

Повисла странная пауза, словно мне следовало самой догадаться о причине неожиданного приобретения.

– Видимо, вы меня по-настоящему ненавидите, София, – в его голосе сквозила знакомая ирония.

– С чего вы решили? – смутилась я, поблагодарив божественного слепца, что в темноте не разглядеть, как вспыхнули щеки.

– Дар покинул меня, но отозвался на яркие эмоции и принял их за зов. Я вам настолько не нравлюсь?

– Вовсе нет! – выпалила я.

Боже мой, что соврать-то?

– На самом деле, я в вас влюблена!

В салоне повисла настороженная тишина. Было слышно, как звонко стучат по промерзшей дорожной мостовой копыта лошади, а на проспекте постовой истошно дует в свисток, ругаясь на зазевавшихся извозчиков.

– Но эти неуместные чувства не ваша проблема, – торжественно заявила я. – Обещаю, что я вас ничем не побеспокою и очень быстро с ними справлюсь.

– То есть я действительно вам глубоко неприятен, – выслушав мою пламенную речь, резюмировал Рэнсвод.

К счастью, докапываться до причин он посчитал лишним. Не уверена, что мне хватило бы такта соврать что-нибудь вежливое и не высказать накопленные претензии обо всех нападках, что пришлось пережить за последние полгода. Да меня так не отчитывали... Вообще никогда не отчитывали.

Он ругался, когда заклятия удавались, а уж если не удавались, то обрушивался с такой критикой, что я съеживалась от осознания собственной никчемности. Едва не заработала комплекс профессиональной неполноценности! А он, как оказалось, даже мое имя не помнил. Мило. Как раз в духе натурального тирана.

Карета катилась по извилистым столичным мостовым. Сквозь затемненные окна было почти не видно монументальных, тяжелых зданий, фонари казались размытыми пятнами.

Но-Ирэ переводилось с первородного языка как «город ветров и скал». Он действительно зародился в скалистой купели и день за днем отвоевывал место у гор: вращал в каменную твердь мощными башнями, окружал себя толстыми стенами, прорубал дороги, растекался площадями.

Королевский дворец нависал над столицей, довлел, внимательно наблюдал. Его длинные шпили, протыкающие облака, на рассвете в ясную погоду вспыхивали, ловя первые солнечные лучи. С высокомерием монарших вассалов из-за густых хвойных садов казали ухоженные лики верхние кварталы с богатыми особняками и фешенебельными гостевыми дворами.

Альма считала большой странностью, что меня не тянуло к красивой жизни и за четыре года я ни разу не поднималась в Стрэй-Лейн, в самый известный и дорогой район магических мастерских. Но настоящая жизнь, какая она есть у обычных людей, бурлила внизу, в переплетении змеевидных улиц. Здесь теснились разновеликие дома с двускатными черепичными крышами, кричали рыночные зазывалы, дымились тележки торговцев уличной едой, а воздух в любое время года пах острыми шай-эрскими пряностями.

Ресторация, куда мы приехали, пряталась на тихой улице, в отдалении от Восточных ворот. В этом облюбованном студентами квартале, тесном и шумном, были едальные ряды, библиотечная площадь и недорогие торговые лавчонки. В них продавалось абсолютно все, начиная от готового платья и заканчивая мелкими артефактами, а потому было просто встретить знакомых.

– Это заведение закрыто для посторонних, – проговорил магистр, помогая мне выбраться из кареты. – Здесь нас не побеспокоят.

В дверях нас встретил распорядитель. Он поздоровался с Рэнсводом с большим пиететом и в обход непритязательного, на первый взгляд, обеденного зала провел нас на верхний этаж, в отдельный кабинет.

Как-то незаметно мне помогли избавиться от пальто и отодвинули тяжелый стул перед большим прямоугольным столом. Жестом фокусника распорядитель сдернул с пустых тарелок салфетки в тон скатерти изо льна и с любезной улыбкой объявил:

– Сегодня шеф-повар превзошел себя! У нас нежнейший ягненок с черносливом, первосортные говяжьи стейки, и к вечеру доставили

ледяного окуня из Норсента. Подается на подушке из разваренной ячменной крупы и с лимонным муссом. Очень рекомендую.

Я проглотила слюну и упустила момент, в котором прошу принести мясо с кровью. За меня выбрал Рэнсвод:

– В таком случае девушке окуня, а мне стейк.

Он заказал мой ужин для себя. С другой стороны, кто платит, тот и заказывает еду, а я такая голодная, что уже без разницы: мясо, рыба или куриное крылышко.

– Вчера из королевского погреба доставили превосходное белое вино, – доложил распорядитель. – Прекрасно сочетается с рыбным блюдом.

Киар бросил на меня быстрый взгляд и покачал головой:

– Принесите графин с охлажденным яблочным соком.

– А вам? – невозмутимо уточнил он у Рэнсвода.

– На двоих, – с явным сожалением добавил тот.

Мама тоже считала, что в присутствии детей взрослые не должны пить алкоголь, и строго придерживалась этого правила, пока мы не сравнялись с нею ростом. Даже не знаю, радоваться или раздражаться, что магистр считал меня ребенком. Наверное, радоваться. Как там говорится в пословице? Даже черный колдун дитя не обидит? Вот! Очень на это рассчитываю.

– И ни в коем случае не добавляйте аскаром, – предупредил Рэнсвод. – Ни в напиток, ни в соусы. Проследите, пожалуйста, Джером.

Вполне логично. Тонизирующей ягодой подправляли недостаток магии, а у меня имелся большой переизбыток. Не дай божественный слепец второй раз за вечер оголять спину.

– Конечно, господин Рэнсвод, – согласился Джером и, внимательно выслушав просьбу о холодных закусках, удалился.

Когда за ним закрылась дверь, магистр заявил:

– София, от кофе вам тоже лучше пока воздержаться.

Ладно, алкоголь влиял на сознание, аскаром – на магические способности, но кофе-то чем ему не угодил? Замечательный напиток действовал исключительно на скорость моего преобразования из утреннего зомби в живого человека, а не на магию.

– Что мне еще нельзя? – сухо поинтересовалась я. – Сладкое?

– Сладкое не только можно, но даже нужно, – вдруг улыбнулся он, словно собирался вытащить из кармана пиджака карамельный шарик на палочке и торжественно вручить обделенной дитятке.

Когда в кратчайший срок в обеденный кабинет внесли еду, Рэнсвод велел подавальщику:

– На десерт девушка будет теплое мороженое с шоколадным муссом. Как вы относитесь к шоколаду, София?

Ровнее только к его отсутствию. А что за нелепая штука – теплое мороженое? Если мне приспичит согреться в мороз, то лучше выпью горячее красное вино с апельсиновой цедрой и специями. Но точно не при Рэнсводе, иначе услышу тираду о вреде алкоголя на неокрепший детский организм.

– Нормально, – соврала я, постеснявшись высказать несогласие.

Мы пожелали друг другу приятного аппетита и принялись за еду. В упорном молчании. Наверное, тише было только на его лекциях – во время занятий не звенели, как сейчас, столовые приборы. От напряженной атмосферы, витающей над столом, рыба встала в горле комом. Протолкнуть ее не помогли ни лимонный мусс, ни яблочный сок.

Едва не подавившись очередным кусочком, я отказалась терзать себя едой, отложила вилку и выпалила практически на одном дыхании:

– Вам не о чем волноваться, господин магистр!

Он поднял на меня вопросительный взгляд.

– Я понимаю, что должна держать язык за зубами. И буду осмотрительной, – клятвенно уверила я и чуть не приложила ладонь к груди, но успела себя одернуть. – В моем возрасте магический резерв не меняется. Если люди заметят, что я стала сильнее, начнут задавать вопросы, а когда все вернется на круги своя, сделают неверные выводы. Не желаю, чтобы кто-то решил, будто я добавляю в свой аскаром что-то покрепче меда.

Пару лет назад несколько парней из команды по боевой магии выгорели прямо на турнире. Позже выяснилось, что они покупали какие-то алхимические эликсиры, заставляющие резерв не просто наполняться, а натуральным образом бурлить. Короче, как у меня сегодня.

Случился громкий скандал, об Академии общей магии не писали разве что провинциальные газетные листы. Хотя нет, писали... Мама

тогда присылала длинные нравоучительные послания. С трудом убедила, что на мой счет ей не стоит волноваться.

Рэнсвод по-прежнему молчал, заставляя меня нервничать и кусать губу. Что он препарирует взглядом? Все правильно ведь сказала!

– Вы об этом хотели поговорить? – изогнула я брови.

– Откровенно сказать, я не нашел другого способа извиниться за неприятности, в которые вас невольно втянул, – спокойно возразил он. – И еще хотел показать, София, что вам не стоит меня опасаться. Я не плохой человек, даже если сейчас вам так не кажется. Не бойтесь спрашивать о том, что вас волнует. Вопросы наверняка появились.

Если еще пять минут назад в голове действительно роились беспокойные мысли, то они тут же все испарились. Почему-то хотелось поинтересоваться его мнением, отчего свежий окунь такой же невкусный, как размороженный.

– Что меня волнует? – Я спрятала руки под крышку стола и нервно протерла ладони о платье. – Как часто придется повторять тот... ритуал?

– Полагаю, каждый вечер, – невозмутимо объявил Рэнсвод.

Мигом представилось, как я буду пробираться в магистров кабинет, и что-то снова поплохело. Кто-нибудь нас непременно накроет, и по академии поползут дурные слухи.

– В вашем кабинете? – осторожно уточнила я.

– Уже представили, как будете красться по лестнице? – улыбнулся он, словно прочитав мои мысли. – Не переживайте, ваша репутация не пострадает, выберем другое место. Я уже предупредил ректора, что ухожу в отставку.

– Значит, эта ситуация растянется надолго? – дрогнувшим голосом уточнила я.

Он покачал головой.

– Уверяю, что не для вас.

– В таком случае почему вы уходите? – насторожилась я.

– Это очевидно: я бесполезен сейчас и как преподаватель, и как маг. – С задумчивым видом он потер пальцами, между ними затрепетал полупрозрачный лепесток огня. – Все, что у меня есть, отдали вы.

Завороженно я наблюдала, как огненный язычок сначала дрожал, а потом медленно таял. Виртуозность, с какой Рэнсвод использовал

магию, восхищала. Но потом, как правило, он открывал рот и начинал сыпать издевками. В общем, портил все приятное впечатление.

– А как же ваша служба во дворце?

– Сегодня Ричейр отпустил меня в бессрочный отпуск, – невесело усмехнулся он.

Огромная мысль, что мужчина, сидящий напротив, близко знаком с королем и даже называет его по имени, совершенно не помещалась в голове. Сразу стало неудобно.

– Я написал ему, что перегорел.

Такое случалось, когда от неумения рассчитать резерв у мага на время исчезла сила. Не смертельно, но неприятно и унижительно. Фактически он расписался перед его величеством в профессиональной некомпетентности.

Мы встретились на секунду глазами.

– Его величество вам поверил?

– Он посоветовал прикупить ящик шариков галькою и съездить на горячие источники. – Магистр отпил сок таким глубоким глотком, словно в квадратном хрустальном бокале было что-то покрепче, и хмыкнул: – Возможно, когда все закончится, именно так я и поступлю.

– Непременно там отдохните! – с жаром поддержала я прекрасный план. – Наша с мамой соседка из Ист-Орса говорила, что там божественно. Пару лет назад она вышла на пенсию и сразу отправилась подлечиться. Когда вернулась, ее никто не узнал! Лет на десять помолодела и вылечила суставы! Правда здорово?

– Могу себе представить, – многозначительно вставил он.

– Там хорошие лечебные грязи, да и вообще разные программы для омоложения. Опять-таки минеральная водичка для тонуса.

– Мне тридцать четыре, – в воцарившейся тишине уронил магистр, намекая, что с тонусом у него полный порядок.

– Вы превосходно выглядите для своего солидного возраста! – немедленно уверила я и враз поняла: светские беседы не мой конек. Лучше жевать остывшую рыбу!

Каков на вкус десерт в закрытом клубе для избранных, где даже меню не было, я не запомнила. Для вежливости поковыряла ложкой шоколадный мусс, стараясь не задевать шарики теплого мороженого, и соврала, что больше не способна впихнуть в себя ни кусочка.

Пустой желудок начало подводить от голода уже на обратном пути, а мы, как назло, то и дело проезжали мимо многочисленных тележек с уличной едой. В салон просачивались сладкие запахи острых пирожков, варенных в бульоне сосисок и прочих вкусностей, пусть не похожих на ледяного морского окуня из самого Норсента, зато вызывающих зверский аппетит.

На углу Академической улицы обычно до ночи работала маленькая едальная на колесах. Подниматься к ней от ворот было далековато, проще сразу выйти из кареты.

– Господин Рэнсвод, попросите кучера высадить меня здесь, – кивнула я в слепое окно. – Хочу прогуляться до общежития по свежему воздуху.

Он незамедлительно выполнил мою просьбу и напоследок посоветовал:

– Постарайтесь ни о чем не думать и выспаться. Обещаю, с вами все будет хорошо.

Как только поем, со мной все будет если не хорошо, то точно сносно.

– До завтра. – Я покрыла голову шалью и выбралась из кареты на улицу.

– Спокойной ночи, София.

Едва экипаж магистра скрылся за поворотом, я поправила на плече сумку и шустренько засемила по обледенелой пешеходной мостовой к едальной.

На тележке исходили ароматным дымком два металлических чана. В одном варились длинные сардельки с воткнутыми тонкими палочками, в другом – в густом остром соусе бурлили завернутые в тончайшее тесто мясные шарики. На плоской квадратной сковороде хозяйка поджаривала масляные хлебцы, ловко переворачивая кусочки длинной вилкой.

– Доброй ночи, – ответила я на приветствие гостеприимной тетушки и, повесив на крючок сумку, ссыпала в металлическую плошку для денег горсть монет.

– Угощайся чем захочешь, – улыбнулась хозяйка.

Я поспешно вытащила из чана за тонкую палочку сардельку и с жадностью откусила. Напрочь сожгла язык, но не удержалась и схватила вторую.

– София? – проговорил за спиной тихий мужской голос.

Рефлекторно я обернулась и поперхнулась едой. В двух шагах от меня обнаружился Рэнсвод в одном костюме, словно не замечавший царившего зимнего холода. По лицу было невозможно ничего прочесть, но смотрел он на сосиски в моих руках. И, подозреваю, не из-за голода...

– Я нашел в карете вашу студенческую книжку, – проговорил магистр и показал документ. – Подумал, что лучше отдать сегодня, чтобы вы не искали ее.

С дурацким видом я посмотрела на сардельки в каждой руке и, сама от себя не ожидая, протянула одну Рэнсводу:

– Хотите?

Он медленно перевел взгляд с моего лица на съезженное от холода бледно-серое нечто и вдруг согласился:

– Давайте.

Длинные красивые пальцы профессионального мага сжались на тонкой палочке. Он с аппетитом откусил зараз половину сардельки.

– Господин, положить мясных шариков? – тут же предложила тетушка.

– Обязательно! – Рэнсвод одарил меня насмешливым взглядом и попросил: – Хозяйка, только соуса побольше налейте.

– Девушка, а ты будешь? – спросила она, зачерпывая половником из чана кругляши.

– Буду.

Вдвоем с магистром мы теснились возле узкой полки, заменявшей в едальной столик. Шипели от огненного масла, дули на шарики, уже не разбирая, горячие они или просто острые. У Рэнсвода от холода покраснели нос и уши, а очередной порыв ледяного сквозняка от проезжающей мимо кареты заставил поднять ворот пиджака.

– Подождите, – пробормотала я и стянула с головы шаль. – Знаю, что вы не пытаете женщин и детей холодом, но возьмите, пока не замерзли намертво.

– Я не ношу бабушкины шали, – отказался он.

– Она не бабушкина, а мамина, придирчивый человек! – возмутилась я и сунула ему насильно. – Заворачивайтесь! Мне все равно не холодно.

И он действительно нацепил шаль на плечи поверх этого своего модного костюма. Оставалось только концы крест-накрест через пояс повязать. Я с трудом сдержала смешок и с самым заинтересованным видом начала вылавливать из маленькой тарелки мясной шарик, практически выскочивший из разваренного теста.

– Я выгляжу как болван, – прокомментировал магистр, с шипением прихлебнув огненный травяной чай.

– Открою секрет: тем, кто в мороз выглядит как болван, не грозит зимняя лихорадка, – парировала я.

– У вас удивительный талант находить правильные слова. – Рэнсвод двумя пальцами подхватил из стопки чистый лоскут и, вытерев руки, бодро позвал: – София!

– Кхм?

Вообще, не очень-то вовремя. Я как раз успела запихнуть норовистый мясной комочек в рот и повернулась к магистру красивущая: с нелепо оттопыренной щекой. Судя по серьезной мине, Рэнсвод хотел сказать что-то важное. Пришлось проглотить еду, как удаву, практически не жуя.

Он протянул раскрытую ладонь:

– Мир?

– Согласна. – Я с улыбкой ответила на рукопожатие, по-мужски крепкое и действительно необъяснимым образом вселяющее доверие.

Глава 3

Насмешить богов

В комнате меня ждал подозрительный порядок. В смысле, относительный. Валялось все, что я сама не успела убрать, когда утром в спешке собиралась на занятия. Трехцветная кошка растянулась на кровати и только недовольно сощурила желтые круглые глаза от вспыхнувшего на потолке светильника.

— Как ты провела день? — стягивая с ног ботинки, заговорила я с хвостатой соседкой.

Судя по всему, день она провела плодотворно. На подушке в цветочек лежало что-то маленькое, желтое и... в перьях. Я подскочила к кровати и двумя пальцами подняла задущенную канарейку. Еще днем эта милая птица чирикала в комнате у комендантши мадам Фалко.

— Дуся, опять?!

Кошка спрыгнула на пол и принялась тереться о ноги, дескать, прости, подруга, зов помоечных предков затмил разум. В третий раз.

Когда пару лет назад я подобрала на улице дрожащего найденыша, жрущего даже хлебные корки, думала, что он станет источником радости — не жалко доплатить за содержание питомца в общежитии. Но что-то пошло не по плану... Сначала мальчик оказался девочкой, а когда эта девочка окрепла, выяснилось, что характер у нее примерно как у Рэнсвода, вразумляющего неразумных студентов. Окажись эта парочка демонов в одном доме, точно сживутся!

— Фалко нас выставит! — простонала я. — Прямо сейчас возьмет и выставит!

Раздался тревожный стук в дверь, и пронзительный голос комендантши проник в комнату:

— Грандэ, немедленно открой! Я видела, как ты поднималась по лестнице.

Божественный слепец, почему ты решил оставить меня бездомной с такой умопомрачительной скоростью? Морально не дал настроиться.

В панике я глянула на приотворенную оконную створку, но избавиться от птичьего трупа уже не успевала. Пришлось сунуть умертвленное создание в карман пальто и открыть.

Мадам, высокая и худая, с туго стянутыми в идеальный пучок седыми волосами, едва не взрывалась от гнева.

– Твоя кошка сегодня своровала мою канарейку! – рявкнула она, потрясая тяжелой звенящей связкой ключей. – У нас был уговор, что ты не выпускаешь это животное из комнаты!

На вопли Фалко никто из соседей не выглянул. Все предпочитали пережить шторм в безопасности, чтобы, не дай божественный слепец, случайно не задело.

– И я строго соблюдаю ваше требование, – с жаром закивала я.

– У тебя открыто окно! – Она даже на цыпочки встала и ткнула длинным ключом куда-то поверх моего плеча.

– Вы же сами сказали проветривать, раз очень душно. – Изображая дурочку, я пару раз моргнула.

С приходом осени и до самого мая мадам отчаянно мерзла, а женское крыло общежития издыхало от духоты. Теплые жилы в стенах нагревали до такого состояния, что камни становились горячими. Не помогали ни жалобы, ни просьбы убавить жар, на все был один ответ: проветривайте.

– И потом, почему вы обвиняете именно мою кошку? – нахально спросила я, начиная догадываться, что Дусе повезло не попасться с поличным и мадам решила просто надавить.

– Других в этом общежитии нет. И больше никогда, помани мое слово, не будет!

Напугала драконовую химеру вилкой! Мне одной кошки за глаза.

– А как же кот смотрителя из мужского крыла? Полосатый такой. – Я решительно пустила Фалко по ложному следу. – Сама видела, как он охотился за голубями.

Мадам сузила глаза, пожевала губами и молча погрозила ключом. Она словно искала причину выставить нас с кошкой и всем скарбом взащей, но ни взащей, ни другим способом что-то не получалось. За проживание я платила аккуратно в срок.

– Мадам Фалко, да что же вы делаете? – разнесся по всему коридору громогласный голос Альмы. – Подняли с кровати больного человека!

Одетая в домашнее платье и с корзинкой для снеди в руках, она торопилась к моей двери.

– У меня зимняя лихорадка, – охотно согласилась я с подругой, и комендантша немедленно отошла на пару шагов. Во избежание, так сказать.

– Ладно, Грандэ, – заторопилась она уйти, – выздоравливай. И следи, чтобы кошка не шлялась по общежитию!

Мадам промаршировала по коридору к соседней комнате, видимо, намереваясь отыскать новую жертву, но замерла, напряглась всем сухопарым телом и громко чихнула. Она резко повернула голову и проткнула меня злым взглядом, словно за минуту успела подхватить скверную хворь. Мы с Альмой дружно промычали «будьте здоровы» и моментально захлопнули дверь.

– Почему она орала так, будто Дуся сожрала ее любимую канарейку? – деловито спросила подруга.

Молча я выудила за хвост придушенную птичку.

– Ты прятала птичий труп в кармане? – С деланным недоумением айтэрийка указала на канарейку пальцем с крупным янтарным перстнем. Никак, он достался подруге от священных предков Сатти.

– Фалко застала меня врасплох. Я запаниковала.

Судя по воплям, доносившимся из коридора, та нашла нового претендента на жертву, и пытаться перепрятать труп сейчас было самоубийственной ошибкой. Лучше дождаться ночи. Я завернула птицу в носовой платок и засунула обратно в карман, не придумав места получше. Надеюсь, птичьи боги меня простят.

– Что ж, карманы она точно не стала бы проверять, – хмыкнула Альма и, сделав стремительный выпад, пощупала мой лоб: – Жара нет. После тренировки я тебя искала, но не нашла ни здесь, ни в лазарете. Ты ходила в городскую лечебницу?

– Да, – согласилась я с версией подруги и стянула наконец душное пальто. – Пошла в городскую сразу после пересдачи. Напоили каким-то чудесным снадобьем, через пару часов лихорадки как не было.

– Кстати, слышала, что на пересдаче вам сегодня повезло, – выказала она характерную осведомленность – в нашей академии слухи разлетались со скоростью черного заклятья в осажденном замке. – Что поставил?

– «Превосходно».

– Бреешь, – опешила подруга. – Что ты ему сделала?

Превратилась в холодильный шкаф для его древнего дара. Сушная мелочь! Впрочем, никому не советую повторять. Очень опасно для жизни.

— Впечатлила огненным заклятием и наглостью, — туманно ответила я.

— Вот! Это магия гаргулий! — торжествующе воскликнула подруга. — Говорила же, что они всегда помогают, а ты отнекивалась! Не будет вся академия просто так на крышу забираться.

Пока я приводила себя в порядок, Альма успела сдвинуть со стола учебники и расставить на белой салфетке с ай-тэрийскими узорами глиняные тарелки. В воздухе остро и знакомо запахло мясными шариками в тонком тесте. Полный желудок протестующе заурчал, намекая, что третий за сегодняшний вечер ужин доведет меня до несварения.

— Знаю, что у тебя сейчас нет аппетита, но поесть надо. И вот! — Альма вытащила из корзинки мой забытый днем термос с незнамо откуда взявшейся крышкой. — Заварила тебе свеженькую калину.

Потом подруга с помощью простенькой магии мастерски довела томатный соус в тарелке до кипения и, посчитав приготовление ужина окончанным, уселась на кровать — вкушать. Дуся, спрятавшаяся как раз под кроватью, недобро сверкнула глазами. Громогласную Альму она не любила как-то по-особенному: близко подходить опасалась, но каждый раз недобро щурилась, словно примерялась, как впиться ей в ногу.

— Как прошла тренировка? — спросила я, присаживаясь к столу.

— Из-за химерова Эзры Ходжа из команды сбежала последняя девушка. С воплями! — недовольно проворчала подруга, подхватывая вилкой тонкое тесто вместо шарика.

— Ты поскандалила и ушла из команды? — не поверила я своим ушам.

Альма задумалась на секунду, посчитала в уме и исправилась:

— В смысле, предпоследняя.

Капитана команды по турнирной магии Альма величала исключительно кретином или по имени и фамилии. Дескать, предки завещали называть дурных людей именно так, иначе три года счастья не видать. Эти три года как раз захватывали окончание академии, и ей не хотелось так подставиться к диплому.

– Скоро турнир, а мне тренироваться не с кем, – сердито пожаловалась она.

– В таком случае преврати Эзру в мешок для битья.

– Пока я готова превратить его в умертвие, – проворчала она.

Остатки недоеденного ужина я заставила подругу забрать с собой. Заодно попросила избавиться от птичьего трупa. Удивительно, но она не отказала «больному зимней лихорадкой» человеку и пообещала проводить жертву со всеми почестями, как завещали ай-тэрийские предки.

– Закопаю ее в снег и прочту молитву, чтобы птичка попала на божественную радугу, – торжественно объявила она, весьма небрежно записывая сверток с канарейкой в карман платья.

– Просто выброси в мусорный короб, как в прошлый раз.

– Хороший вариант, – согласилась новоявленная шаманка.

Я заперла дверь на замок, задернула шторы на слепом от темноты окне и стянула через голову платье. Маленькое зеркало на стене над раковиной отразило чистую спину. Ни на лопатке, ни на плече не было никаких символов. Видимо, магическая метка исчезла после ритуала.

* * *

Весь следующий день академия стояла на ушах от новости, что Рэнсвод подал в отставку. Об этом шептались везде: в холле, столовой и аудиториях. Люди строили предположения, что случилось с его величеством адским тираном. Кто-то озвучил мысль, мол, ему предложили место декана в академии Ос-Арэт с самой сильной школой высшей магии во всем Шай-Эре. Народ подхватил жаркую сплетню, и к середине дня она обросла мелкими подробностями. Знающие люди, не объяснявшие, откуда они, собственно, об этом знают, утверждали, что в провинцию магистр отправляется по личному поручению короля. Пожалуй, если бы Рэнсвод услышал, сам поверил бы.

– Знаете, почему он всем вчера подмахнул пересдачу не глядя? – с умным видом проговорил один из моих вчерашних сотоварищей по экзамену. – Это был его прощальный подарок. Точно вам говорю!

В тесном лектории мы ждали начало лекции по теоретической магии, но профессор где-то задерживался. Никак, тоже обсуждал с коллегами отставку Рэнсвода и, может, начал праздновать.

– Зато теперь ясно, отчего умница Грандэ получила «превосходно», – громко зашептался кто-то за моей спиной.

Они еще про плюсы не знают. Нужно было попросить скромное «удовлетворительно». Вот до чего доводит жадность!

Я тяжело вздохнула и обернулась к сплетникам:

– Отчего же?

– Так все видели, как он тебя полгода изводил почему зря, – ни капли не смутился парень. – Ты же ему вчера пальто сожгла, а все равно поставил «превосходно».

– Может, он искал способ от него избавиться, – пожала я плечами и отвернулась.

Сидящая рядом со мной Альма с ехидной улыбочкой пробормотала:

– Ты это имела в виду под наглостью?

Развить тему ей не удалось: профессор все-таки появился. После лекции подруга унеслась в оранжерею за растениями для завтрашнего практикума по зельеварению и напрочь забыла о сожженном пальто. Я воспользовалась удобным моментом и, пока никто из преподавателей не перепутал меня с вольнослушательницей, поднялась в кабинет Рэнсвода за мантией.

Дверь с именной табличкой была приоткрыта. Я осторожно постучалась и заглянула внутрь. Помощник магистра Дрю освобождал ящики письменного стола и складывал стопками какие-то бумаги. Выходит, я ошибалась: все-таки магистр не просто оставлял здесь вещи, а изредка работал.

– Заходите, госпожа Грандэ, – позвал слабым голосом Дрю и шмыгнул носом.

Откровенно сказать, выглядел он так, словно три часа кряду рыдал, как кисейная девица над письмом о расставании.

– Я вчера оставила мантию, – проговорила осторожно и указала на вешалку. Зеленая мантия была на месте, а пальто исчезло.

– Да, магистр меня предупредил, что вы заглянете, – согласился он. – И попросил передать вам записку.

Дрю вытащил из внутреннего кармана аккуратно сложенный конвертом и опечатанный лист. Пришлось пересечь кабинет. Я схватилась за уголок послания, но помощник его не отпускал. Как два болвана, мы замерли, держась за записку с двух сторон.

– Представляете, он нас покидает! – с надрывом произнес Дрю, словно провожал Рэнсвода не в отставку, а в последний путь. – Такая потеря!

– Я слышала, – сдержанно согласилась я и потянула письмо на себя. – Можно забрать?

– Ах, конечно! – Он наконец выпустил листик и, подняв очки, вытер платком покрасневшие глаза. – Собираю его бумаги. Завтра уже приходит новый преподаватель.

– Вот как... – пробормотала я, поглаживая большим пальцем твердую сургучную печать с личным оттиском магистра. – Ну я пойду?

– Вы должны быть очень осторожны, госпожа Грандэ, – неожиданно проговорил он мне в спину.

– Простите? – тщательно следя за выражением лица, обернулась я.

– Магистр сказал, что вы вчера пришли на пересдачу с лихорадкой и вам сделалось дурно, – пояснил Дрю. – Вам надо лучше заботиться о себе. Сейчас такое время, что легко подхватить какую-нибудь гадость и потерять здоровье.

– Да, – медленно кивнула я. – Спасибо за совет.

– До свидания, госпожа Грандэ, – попрощался он и вернулся к бумагам.

Перекинув через локоть мантию, я вышла из кабинета, спустилась на один пролет и вскрыла на послании печать. Рэнсвод оказался немногословным: никаких напоминаний об осторожности и ответственности, просто написал, что сам меня найдет. И поставил быстрый росчерк.

Однако Киар не появился ни после обеда, ни к последнему занятию. На практикум по бытовой магии я пришла наполненная силой. Странно, как в разные стороны не сыпались разряды, а волосы не стояли дыбом.

– Ой, ты бьешься магией! – поморщилась Альма, случайно задев мою руку.

Ах, нет. Разряды все-таки сыпались. Оставалось надеяться, что гладкий хвост не поднимется над макушкой, как длинный острый

шпиль королевского дворца.

Практикумы по магии всегда проходили в просторных залах, чтобы никто не задел заклятием соседа. Мы с подругой разошлись в разные стороны. Я заняла привычное место, убрала на полку сумку, и на столе мигом сам собой появился ящичек с подсобными материалами.

В аудиторию постепенно стягивался народ. Вошел Финист с приятелями. Из всей компании он единственный всегда носил мантию строго по уставу: застегнутой на все пуговицы. Он зашагал по проходу в мою сторону, и я немедленно принялась открывать ящик.

– Привет, Грандэ. – Финист остановился возле моего стола.

Я отвлеклась от выламывания крышки и подняла голову. Он улыбался, опершись ладонью о край столешницы. Невольно в глаза бросался черный след от женских пальцев на мантии, в самом центре груди. Понятия не имею, почему Финист его не убрал, по-прежнему рассекал с этим отпечатком, как с медалью за заслуги перед Шай-Эром.

– Помочь? – предложил он и немедленно начал действовать. Крепление хрустнуло, но крышка сдвинулась с мертвой точки и натужно заскользила в полозьях. – Держи.

Внутри ящичка лежал моток обычной бечевки. Видимо, сегодня предполагалась работа с изменением материалов.

– Спасибо.

Финист не торопился отойти.

– Ты что-то хотел сказать? – не поняла я.

– Твое предложение еще в силе? – Он выгнул одну бровь. – Я подумал на досуге и решил согласиться.

– С чем? – вытаращилась я, лихорадочно пытаюсь припомнить, чего необычного пообещала вчера парню мечты. Лекции, что ли, поклялась за него писать до конца года и напрочь забыла?

Он указал пальцем в выжженный след на мантии и потребовал:

– Исправь, что испортила.

Сила бурлила, непрозрачно намекая, что исправлять я сейчас не в состоянии, только портить. Вряд ли Финист обрадуется, если вместе с отпечатком исчезнет и половина мантии.

– Ты размышлял об этом целые сутки?

– Некоторые судьбоносные решения нельзя принимать на горячую голову, – улыбнулся он.

– Страшно представить, как ты выбираешь, что съесть на обед, – иронично протянула я. – За неделю, поди, с мыслями собираешься.

– Ну так исправишь?

– Нет, – покачала я головой. – Предложение имело срок давности, и он вышел еще вчера.

– А сегодня? – ухмыльнулся Финист.

– Сегодня я бесплатно чужие мантии не чищу.

Без заминок, словно ожидал такого поворота, он потешно задрал эту самую мантию, вытащил из кармана брюк динар и положил на стол. Крупная монета задорно поблескивала в свете магических ламп.

– А за деньги?

– Городская прачечная обойдется тебе дешевле, – заметила я, – еще благовоением на выбор сбрызнут, и сдача останется.

Несколько бесконечных секунд мы как дураки смотрели глаза в глаза. Финист улыбался, у меня под ложечкой сладко сводило.

– Начинаем практикум! – разнесся по аудитории зычный голос преподавателя бытовой магии, и нам пришлось разорвать зрительный контакт. – Господин Берт, самое время занять свое место. Вы заслоняете свет госпоже Грандэ.

– Деньги не забудь, – кивнула я на монету.

– Отдашь после занятия, – хмыкнул он и отправился в противоположный угол аудитории, откуда за нами наблюдали его приятели. Да что там приятели, сегодня за нашим обменом колкостями следил весь зал! Альма даже украдкой выставила два больших пальца, отвешивая весьма сомнительную похвалу.

Задание оказалось несложным: поделить веревку на несколько частей и преобразовать в разные материалы. Я так боялась выдать себя, показать чужим глазам много, что отмеряла магию по капле, словно сила не бурлила, а едва-едва теплилась. В итоге вообще ничего не показала. Половина веревочек расплелась, а вторая часть превратилась в пыль. Это был оглушительный провал на предмете, в котором я считалась лучшей в потоке!

– Госпожа Грандэ, останьтесь на пару слов, – сердито велел магистр, когда часовой бой возвестил об окончании практикума.

Альма кивнула на дверь, намекая, что подождет меня в коридоре. Я собрала записи, взяла монету, чтобы ее вместе с ящиком и испорченной бечевкой не сцапали хозяйственные домовики, и зашагала к преподавательской кафедре.

– София, я понимаю, что в вашем возрасте нормально думать не только об учебе, – с отеческой душевностью принялся отчитывать меня профессор, – но мне всегда казалось, что вы умеете расставлять приоритеты.

Почему я переживала, будто придется всем напропалую врать? Люди сами придумывали превосходные версии того, что со мной происходит. Вот и профессор решил, будто у девушки в середине зимы началась весна с сопутствующей любовной лихорадкой. Удобно, хоть и унизительно.

– Простите, магистр, – зажимая в кулаке дурацкий золотой динар, покаялась я.

– Сегодня я запишу, что вы пропустили занятие по болезни, но к следующему практикуму постарайтесь сосредоточиться на главном.

– Благодарю. Я буду прилежнее.

– Всего доброго, – сердито попрощался он.

Я вышла в людный коридор и осторожно прикрыла дверь.

– Распекал? – с сочувствием спросила Альма.

– Еще как, – хмуро согласилась я. – А где Финист?

– Ушел с приятелями, – неопределенно махнула рукой подруга. – Вы так мило ворковали, подруга. Я всегда говорила, что тебе надо самой сделать первый шаг, иначе так и окончишь академию, ни разу не поцеловавшись с Финистом Бертом.

Мы влились в поток студентов, торопящихся покинуть учебный корпус. Навстречу, что-то энергично обсуждая, двигались парни с факультета инженерной магии. Темно-синие одежды кричаще выделялись на фоне зеленых мантий.

Возглавлял процессию Эзра Ходж, высокий и мощный, как все профессиональные участники турнирных поединков. Черные длинные волосы были собраны на макушке невразумительной дулей.

– Они-то что в нашем корпусе забыли? – буркнула Альма, воинственно сдвинув брови.

Что характерно, когда мы поравнялись, эти двое даже не подумали поздороваться. Зато столкнулись плечами. Удивительно, как от удара в

разные стороны не полетели искры. Подруга не поморщилась, хотя, по-видимому, хотела бы.

– Эй, Сатти! – рыкнул Ходж, заставив нас обеих обернуться.

Заодно и половину коридора. Некоторые, «особо смелые», сразу отступили к стене.

О конфликте капитана с единственной айтэрийкой в команде, а теперь и единственной девушкой, ходили легенды. С тех пор как Альма на отборе уложила Эзру на лопатки, сверху припечатав торцом тяжелого тренировочного шеста, так они и начали собачиться с агрессией химер во второй ипостаси.

– Что тебе? – нахально спросила она.

– Не видишь, куда идешь?

– Извините, ваше величество Эзра Ходж, – неожиданно подруга отвесила парню традиционный ай-тэрийский поклон, – забыла дома очки. В следующий раз рассмотрю получше и постараюсь обойти стороной, чтобы потом не стирать мантию.

Не дожидаясь, когда к капитану вернется дар речи или хотя бы его подобие, она с презрительным видом пошла дальше, в сторону столовой.

– Драконша! – как-то слишком по-детски для мощного парня выругался Эзра.

– Купи себе словарь, кретин! В шай-эрском языке нет такого слова! – не осталась в долгу Альма, но ногами перебирать не забывала. – София, ты видела? Он всегда начинает первым.

– Да, но ты от него не отстаешь, – справедливо заметила я, старательно поспевая за ее шустрой поступью. Говорить о том, что со стороны наш поспешный уход выглядел побегом, было опасно для жизни.

– Подруга, я не пойму: на чьей ты стороне? – взвилась она.

– На стороне добра! Я, как герой в ночи, несу исключительно добро и благодать!

– Чушь ты какую-то несешь, – обиженно огрызнулась айтэрийка.

Столовая располагалась в бывшем тронном зале. Высоко над головой выгибал гладкую спину изукрашенный полустертыми фресками потолочный свод. С толстых темных балок свисали магические лампы.

Раньше, когда в академическом дворцовом ансамбле была резиденция короля, здесь принимали гостей, а теперь в несколько рядов стояли массивные длинные столы с широкими лавками и пахло едой. Кормили всех одинаково. Меню писали на грифельной доске на входе в столовую, и оно менялось четыре раза в день.

Мы с Альмой подсели к однокурсницам Лее и Тее. Делая знак невидимым замковым домовикам, я постучала по столешнице, и передо мной тут же появился круглый поднос с едой.

В глиняном горшочке под крышкой булькало традиционное шай-эрское рагу, на тарелочке лежали крошечные, на один укус, пирожки с мясом, исходила дымком высокая кружка с травяным чаем. Мне пришлось достать собственный термос с порядком остывшим морсом: в напитки наш повар любил растолочь аскаром.

– Вы в этом году участвуете в «Тайном Чародее»? – спросила одна из девушек.

– Конечно, – с умным видом кивнула Альма, хотя громче всех вопила, что больше – ни-ни.

На День схождения лун, праздник, после которого в Шай-Эре обычно начинало теплеть, в академии устраивали обмен секретными подарками. Все желающие складывали сувениры в большой сундук, установленный посреди центрального холла, а в праздничный день замковые домовики разносили свертки, коробочки и ящички по случайным получателям.

Содержимое подарка всегда было сюрпризом. В прошлом году подруге достался набор потомственной истерички: бутылочка с успокоительным, капли от головной боли и нюхательная соль. Она возмущалась так, будто получила пустую коробку. А мне от «Тайного Чародея» принесли скабресный роман с подписью, сделанной явно мужским почерком: «Самоучитель по соблазнению».

Потом книженция полгода ходила по этажам женского общежития, пока к весенней экзаменационной декаде не осела у какой-то из восторженных читательниц. Страшно представить, если она использовала ее как руководство к действию.

– Мы собираемся за подарками на торговую площадь. Поедем с нами? – предложили девушки.

– Нам готовиться к зельеварению, – с фальшивой грустью вздохнула Альма, поди, мысленно уже потратив половину месячного

содержания на разную белиберду.

Зельеварение подруга терпеть не могла, долгие практикумы, иногда по четыре часа, вызывали в ней смертельную скуку, но «отлично» с тремя плюсами очень нравилось бабуле Сатти.

Альме повезло, что опыты всегда велись в паре. Она никогда не проходила в мастера и с честью носила звание моего подмастерья. Собирала ингредиенты, отдавала список нужных инструментов на склад. Да пожалуй, и все.

За остальное приходилось отдуваться исключительно мне. Писать подробные рецептуры с этапами, схемами и отчеты о зельях тоже. Минимум на три страницы убористым почерком, иначе снизят оценку. Но свои обязанности подруга выполняла с педантичной аккуратностью, ни разу не забыла ни реторты, ни какого-нибудь незначительного, но необходимого для эликсира семечка.

– Ты езжай с девочками, – немедленно отослала я подругу в центр города. – Я напишу рецептуру.

Что угодно, лишь бы не врать, какого химерова демона этим замечательным морозным вечером от меня понадобилось Рэнсводу.

– А как же ты?

– Куплю что-нибудь на выходных, – пожала я плечами.

Сначала я честно сидела в библиотеке, обложившись учебниками по зельеварению, и изредка поглядывала на часы. Время подходило к семи. Магия, потраченная на укрощение непослушной веревки, вернулась вдвойне. Снова начинало ныть плечо.

Привычным жестом я протянула расставленные пальцы, чтобы просушить чернила на исписанных листах, но в последний момент остановилась. Вдруг полыхнет? Пришлось по-простому на записи подуть. В какой-то момент, с азартом раздувая щеки, я глазами встретила со зрителем. Он спустил к кончику носа очки и наблюдал за мной как за полоумной. Кашлянув в кулак, я выпрямилась и с деятельным видом собрала вещички.

Кошка Дуся, как всегда, поприветствовать хозяйку не пожелала. Мало что не спрыгнула с лежанки – даже ухом не повела, сладко дрыхла, растянувшись во весь рост. Ни на кровати, ни на подушке никаких придушенных канареечных сюрпризов не обнаружилось... Обглоданное с обеих сторон кольцо колбасы было аккуратно припрятано в шкаф, как раз под праздничным красным платьем.

Некоторое время я в недоумении разглядывала кошачий схрон. Не то чтобы Дуся раньше не тащила от соседей еду, словно запасалась на голодный год, если вдруг у нас закончатся динары и окажется совершенно нечего есть. Ни крошечки, ни кусочка... Я просто не очень понимаю: анатомически как ей удалось просочиться через узкую щель в оконной створке и еще протащить ломоть колбасы, которого хватило бы нам на двоих? На неделю!

– Зайка моя... как?! – громко призвала я к ответу хвостатое исчадие.

– У вас было открыто, – ответила Дуся мягким голосом Рэнсвода.

Я резко развернулась и устоялась на магистра, по-хозяйски запирающего дверь на ключ.

– Добрый вечер, София.

Обнаружить его в общежитской комнате было так же нелепо, как ничего не наколдовать на занятии по бытовой магии.

– Почему вы здесь? – обалдело выпалила я, судорожным движением смыкая за спиной реечные створки одежного шкафа. Чуть локти не вывернула, плечо опять-таки резануло болью.

– Полагаю, это риторический вопрос? – усмехнулся Рэнсвод.

– Я думала, вы пришлете записку и скажете, где мы встретимся.

– У меня был долгий день, не хотел терять время.

Он снял пальто. Внизу оказались простой джемпер из дорогой шерсти и неожиданно модные брюки. Магистр был хорош в строгих костюмах, но в повседневной одежде выглядел еще лучше. И я пребывала в настоящем шоке от этого неожиданного знания. Не знаю, что теперь с ним делать. Видимо, гордо нести через всю жизнь.

– А как вы оказались здесь?

– Поднялся по лестнице, – любезно подсказал он.

Понятно, что не забрался через окно, господин очевидность!

– В смысле, каким образом вы прошли мимо коменданта?

– Она решила, что мне надо на верхний этаж в преподавательский пансион, – охотно поделился Рэнсвод. – Я посчитал лишним разубеждать даму в ее заблуждении.

Он осмотрелся, пытаясь понять, куда пристроить пальто. В тишине раздалось шипение. Кошка стояла, напряженившись, и издавала такие странные звуки, каких от нее не слышала даже Альма в худшие дни.

– Кто это? – Рэнсвод изогнул брови.

Химера в замшевом пальто! Кошка у меня живет, а что шипит, как сиплая змея, так у нее изредка случаются помутнения рассудка.

– Это Дусэя, – назвала я питомицу полным именем, посчитав, что домашнее «Дуся» звучит несолидно.

– Что за странное имя?

– Оно не странное, а иностранное. Ай-тэрийское! У него даже перевод есть.

– Какой? – искренне заинтересовался Рэнсвод.

Как неудачно соврала! Вообще-то, имя кошке придумала Альма. Я до сих пор не была уверена, что она не назвала мою хвостатую подружку неприличным ругательством.

– «Подаренная судьбой», – на ходу сочинила я и шикнула на кошку: – Дусэя, прекрати вести себя как хулиганка! Знаете, она не очень любит незнакомых людей. Вообще, она в принципе людей не очень любит.

Исключительно канареек, чужую колбасу и мужские мокрые носки. Понятия не имею, как она их воровала в соседнем крыле, но по весне я обязательно находила под кроватью погрызенный носок. К счастью, кошка тащила только выстиранные, пахнущие щелоком. Не удивлюсь, если по мужскому общежитию ходила какая-нибудь дурацкая байка о грабителе с подозрительными предпочтениями.

Дуся решила, что достаточно устроила захватчика, и направилась его обнюхивать. Заинтригованный, Рэнсвод с интересом следил, как хвостатое существо, вытянувшись длинным телом, с опаской тянется носом к его модным брюкам.

– Она очень породистая! – упреждая вопросы, уверила я, хотя по простецкой морде Дуси, особенно когда она выразительно шипела, легко вычислялось, что ни один благородный предок в ее родословной не отметился. – Настоящая аристократка.

– В общем, выудили себе аристократку в помойном коробе, – резюмировал он. – Если вы не в курсе, то породистые кошки трехцветными не бывают.

Если все знаешь о кошках, господин магистр, зачем спрашиваешь? Заведи собственную, голубых кровей, и критикуй хоть с утра до вечера, что уши не торчком и окрас не соответствует строгому канону прекрасного.

– Почему же сразу в помойке? – обиделась я за любимую подружку. – Корзинка стояла возле короба. Так что не считается!

– Конечно, вы просто обязаны подбирать брошенных котят, – со вздохом пробормотал магистр, и почему-то стало ясно, что это не комплимент. – Она хотя бы химера?

– Ну... повадки у Дусэи, как у двуликой химеры, – уверила я. – У вас тоже есть кошка?

– Рыбки.

Странно, что не крокодил из зоопарка Эл-Бланса.

– Говорят, они успокаивают, – с видом профессора вставила я.

– Скорее, не шумят, – насмешливо ответил он, следя за ходящей вокруг него кошкой.

– Давайте повешу пальто в шкаф, – предложила я, решительно меняя тему, но вспомнила, что в шкафу лежит обгрызенное «аристократкой» кольцо колбасы, и передумала: – Лучше кладите на кровать, вы ведь все равно ненадолго. Но если хотите чаю...

– Благодарю, но не надо хлопот, – к счастью, отказался он. – Как ваши дела?

Пальто было аккуратно переброшено через спинку кровати. Дуся оставила подозрительного гостя в покое и заинтересовалась его не менее странной вещью.

– Все хорошо. Не спалилась... в смысле, ничего не подпалила, никто не заметил странностей, – отчиталась я.

– Я имею в виду, как вы себя чувствуете, София?

– Неплохо, – смутилась я, что решила, будто он волнуется за наш секрет. – А вы? Как прошел ваш день?

– Во дворце. Ричейр решил лично вручить ящик с галькою, – как-то буднично, словно рассказывал, что на досуге сходил в аптекарский двор за снадобьем от кашля, поделился Рэнсвод, закатывая рукава джемпера. – Вы готовы?

– Да.

Я повернулась к нему спиной, расстегнула ворот платья и кое-как оголила плечо. Надо бы переходить на блузки с брюками, у них ворот шире, проще открыть спину.

И снова я вздрогнула от прикосновения, хотя его ожидала и даже затаила дыхание. Магия хлынула потоком, заставляя сжимать кулаки и удерживать себя на месте. Замигала лампа. Кошка испуганно нырнула

под кровать. Обряд занял жалкие десять секунд — я считала, — но каждая из этих секунд казалась растянутой до бесконечности.

Внутри снова воцарился покой, плечо перестало ныть. Киар замер на месте, уперев руки в бока и запрокинув голову. Он открыл глаза, резко выдохнул и вымолвил, словно речь шла не о взаимопомощи, а о большом одолжении:

— Благодарю, София.

— Знаете, давайте я действительно напою вас чаем, — решила я. — Вы выглядите, мягко говоря, не очень хорошо.

В этот момент, когда я проявляла буквально чудеса человеколюбия, заботы и гостеприимства, в коридоре громогласно заговорила Альма. Захихикали Лея и Тея, походившие на попугайчиков-неразлучников: где одна, там обязательно другая. Все это женское сборище остановилось напротив моей двери.

От лица отхлынула кровь.

— Они сейчас постучат, — прошептала я, в панике глянув на Рэнсвода. — Что делать?

— Открыть, — невозмутимо предложил он, натягивая пальто. — Они ваши подруги и придут в восторг, увидев в комнате мужчину. Поверьте, я знаю юных девушек.

Рэнсвод действительно двинулся к двери, словно не понимал, на пороге какой глобальной катастрофы мы оказались. Конец света по сравнению с ней покажется детским утренником!

Сама от себя не ожидая, я повисла у него на локте и умоляюще забормотала:

— Вы не абы какой мужчина, а наш бывший преподаватель! Я понимаю, что вы уже в отставке и сплетни вас не беспокоят, но мне-то с этими людьми еще полтора года жить.

— Что вы всполошились раньше времени? Возможно, они пройдут мимо, — попытался уговорить меня этот странный мужчина, словно не ведающий о том, насколько любопытны и болтливы девушки. А главное, какой чудовищно богатой фантазией обладают!

— Почему вы так громко говорите? — пискнула я. — Они же услышат!

Запертую дверь толкнули, а потом и постучали.

— София, ты дома? — позвала из коридора Альма. — Открывай, я кое-что принесла.

– Сказала же! – сдавленно прошептала я.
– София, ты спишь там? – настаивала подруга.
– Подожди, я не могу найти ключ! – крикнула ей в ответ.
– Хорошо, – вздохнул Рэнсвод, действительно перейдя на шепот, – что вы предлагаете?

В панике я посмотрела на приоткрытое окно. В красках представилось, как уважаемый магистр высшей магии свисает на вытянутых руках, а его ноги в начищенных туфлях маячат в окне на этаж ниже. Свитер задрался, торчит упитанное пузо. У Киара не было намека на опрятный круглый животик, более того, он весь казался твердым и подтянутым, но жестокое воображение не делает скидок на реальность.

– Нет, это плохой план, – пробормотала я.
– Рад, что вы так решили, – тихо хмыкнул он и покачал головой, когда заметил, как я кошусь под кровать: – Нет.

Дуся, засевшая в любимом укрытии, недовольно сверкнула глазами, соглашаясь, что ему в принципе там не позволят поместиться. Даже если он сгруппируется и закатится, как бревно.

– В шкаф! – решила я и, отцепившись от локтя Рэнсвода, бросилась к створкам.

Открыла их резко, судорожно раздвинула в разные стороны плечики с одеждой. Получился вполне приличный зазор.

– Я просто выйду через дверь, – приглушенно проговорил Рэнсвод.

– Так и сделайте, когда я их выпровожу. Пожалуйста, господин магистр, всего на минутку! Клянусь, я унесу этот секрет в могилу.

Сдаваясь из чистой жалости, он шагнул к убежищу и остановился. Одновременно мы уставились на обглоданное кольцо колбасы, мирно возлежащее на дне шкафа.

– Вы прячете ее, чтобы не угощать гостей? – больше не скрывая иронии, хмыкнул Рэнсвод.

Не время обижаться, София! Пакуй мужика быстрее!

Носом туфли я отпихнула дурацкое колбасное кольцо в угол шкафа и указала руками, мол, путь свободен. Забираясь внутрь, он пригнул голову, чтобы не треснуться лбом о деревянную перекладину, и пробормотал едва слышно:

– Поверить не могу, что согласился.

– Не ворчите, для меня это тоже впервые.

Я захлопнула створки и бросилась открывать.

– Представляешь, ключ-то в замочной скважине! – крикнула подруге.

Девчонки полным трио стояли под дверью.

– Так и скажи, что прятала мужика. Мы слышали, как ты бормотала, – пошутила Альма, не догадываясь, что попала в самое яблочко. Подружки весело захихикали.

– Я ругала кошку. Зачем потревожили хворого человека? – изображая недовольство, спросила я.

– Мы решили тебя взбодрить и отметить большой праздник! Да, девочки? – Альма продемонстрировала звенящую бутылками корзинку и буквально смела меня с пути, как бронированная вагонетка.

Она ворвалась в комнату, а следом с хитрыми улыбками проникли Лея с Теей.

– Какой еще праздник? – не поняла я.

Девчонки шустро скидывали одежду. Альма, не раздеваясь, принялась расставлять на столе темные бутылки и ящички с эмблемой едальных рядов в Восточных воротах.

– В смысле, какой праздник? – удивилась она, словно услышала несусветную чушь. – Ты сдала экзамен, а Рэнсвод подал в отставку! Ты же всегда говорила, когда этот химеров демон свалит из академии, на радостях напьешься черемуховой настойки за упокой его карьеры.

– Когда я говорила такие глупости? – Я испуганно покосилась на шкаф.

– Да постоянно! – хохотнула Альма. – Три раза в день желала ему переломать ноги и свернуть шею!

– Не было такого! – принялась отпираться я.

– Было-было, – с ехидными улыбками подтвердили девчонки. – Мы тоже слышали, как ты его костерила в столовой.

– Послушайте... – Я запнулась, понимая, что совершенно потеряла контроль над ситуацией. – Почему вы решили праздновать в моей комнате?

– А где еще? – удивилось трио.

Согласна, подружки часто у меня собирались. В отличие от стипендиатов, вынужденных ютиться по трое, те, кто оплачивал учебу, всегда жили поодиночке.

До сих пор помню ошарашенное лицо ректорского секретаря, когда я принесла отказ от стипендии. Он даже очки платочком протер и перечитал заявление два раза подряд.

– Но в чем причина? – с искренним недоумением спросил он. – Это же прекрасная возможность получить образование за счет казны. У вас же превосходные баллы!

– Не хочу, – ничего не объясняя, пожала я плечами.

После окончания академии стипендиаты пять лет служили на корону. Не хотелось терять драгоценную молодость ни на катание по провинциям, ни на пыльные стылые архивы. Мама решила, что мы вполне способны оплатить учебу, а я училась не покладая рук, чтобы не спустить наши сбережения, фигурально выражаясь, в клозет.

Пока мы выясняли, что за праздник случился на нашей улице, когда до Дня схождения лун еще почти две недели, Дуся нервничала, всерьез опасаясь, что конкурент в шкафу разворует ее колбасный тайник и слопает ужин в одну морду... В смысле, в одно лицо (простите, магистр).

Кошка ловко подцепила когтями речную створку, и та начала беззвучно открываться. В просвете я увидела Рэнсвода со скрещенными на груди руками и самым красноречивым выражением на лице. Закрыться самостоятельно он и не подумал!

Кажется, до шкафа я допрыгнула одним широким прыжком. Резко захлопнула дверцу, привалилась к ней спиной и рявкнула:

– Подруги!

Те удивленно оглянулись, отвлекаясь от распаковки закусок.

– Вечеринка отменяется! Время неподходящее.

– С чего бы? – удивилась Альма.

Я набрала в грудь побольше воздуха и призналась на одном дыхании:

– Вы были правы: в шкафу сидит мужчина. И если вы немедленно не уйдете, то он там задохнется. Вместо вечеринки нам придется прикапывать в снег труп.

Пауза была длинной и ошарашенной.

– Ну, знаешь, Грандэ, – с обидой протянула Тея. – Даже не смешно. Мы просто пошутили, а ты могла бы что-нибудь поприличнее соврать. Так бы и сказала, что мы с Леей здесь не к месту.

– Девочки, вы всегда к месту, но я хочу позаниматься, – сдалась я. – Сегодня провалила практикум по бытовой магии, завтра буду исправлять.

– И надо было поднимать столько шума, – забормотали они, забирая с кровати верхнюю одежду.

Оскорбленные в лучших чувствах, словно их выставили не из чужой комнаты, куда они вломились без разрешения, а из их собственной, закадычные подружки вышли.

– Мне тоже уйти? – Альма не поняла моего выразительного молчания. – Ну ладно, перенесем праздник на выходные. Но с тебя закуска!

– Договорились, – вздохнула я.

Она быстро собрала корзинку, сунула бутылки и направилась к двери.

– Может, помочь с рецептурой? – спросила подруга уже на пороге.

– Я справлюсь.

Наконец в комнате никого не осталось, кроме узника в шкафу и кошки, пытающейся прорваться к колбасе. Я заперла замок, дождалась, когда в коридоре все стихнет, и объявила:

– Они ушли.

Рэнсвод изнутри распахнул реечные створки, вылез из шкафа и оправил пальто.

– У вас настолько бурная личная жизнь, что они вам не поверили? – съехидничал он на мою попытку быть честной с подругами.

– А вы не можете не прокомментировать, – сердито буркнула я. – Идите, пока они не вернулись.

Но магистр двинулся в противоположную сторону – к столу. Раздраженным жестом вытащил из стопки листик, достал из внутреннего кармана пальто самописное перо, хотя таких стоял целый деревянный стаканчик буквально перед его носом, и что-то быстро написал.

– Здесь мой адрес, – вымолвил он, протягивая мне лист. – Завтра после занятий приезжайте ко мне.

Я пробежала глазами по записке. Рэнсвод жил в верхнем квартале Стрэйн-Лейн, в десяти минутах подъема от королевского дворца. Что

ж, вряд ли в собственном доме ему придется залезать в душный шкаф, чтобы пережить нашествие девчонок.

– Завтра зельеварение, практикум может растянуться на несколько часов.

– Приезжайте, как освободитесь.

Как и всегда, занятие действительно растянулось. Началось в полдень, когда гулкий зал заливал прозрачный дневной свет, а ко второму перерыву за узкими стрельчатыми окнами начало смеркаться. Над длинными рабочими столами, отчасти напоминающими кухонные прилавки, дружно вспыхнули лампы. Мастерская, едва погрузившись в сумерки, снова оказалась наполнена светом.

Котелок с травяным тонизирующим зельем тихонечко булькал на круглом огненном камне. В часах, напоминающих песочные, медленно перекатывались маленькие красные шарики, отсчитывающие минуты. Я осторожно помешивала длинной ложкой темное варево и сверялась с рецептурой, утвержденной магистром в самом начале занятия. Альма готовила флаконы для готового зелья.

– Эй, София, глянь, – тихо позвала она и украдкой указала пальцем куда-то наверх.

Невольно я подняла голову. На широком балконе, откуда за практикумом могли проследить все желающие, но, как правило, никто не появлялся, стоял Дрю с незнакомым мужчиной в черном костюме и с рыжими волосами, собранными в опрятный низкий хвост. Помощник преподавателя что-то объяснял незнакомцу, а на худом лице того застыло выражение глубочайшего презрения, словно в мастерской под надзором профессора зельеварения студенты гнали паршивый самогон.

– Кто это? – заинтересовалась Альма.

– Новый преподаватель по высшей магии? – предположила я, вспомнив, как вчера со слезами на глазах Дрю рассказывал о новом магистре.

– Смотри-ка, мы отставку старого не успели отметить, а уже нового с экскурсиями водят, – съехидничала подруга.

Я вновь украдкой глянула на балкон, там было пусто.

Практикум закончился вечером, когда академию окутала темнота. Я перелила остатки зелья в термос, крепко-накрепко завинтила крышку.

– Наконец-то закончили. – Альма потянулась и пожаловалась: – Не хочу идти на тренировку. Может, прогуляемся?

– Не могу, – пряча термос в сумку, бросила я и на ходу сочинила: – В Но-Ирэ приезжают мамины знакомые. Она просила их встретить и проводить до гостевого дома в Восточных воротах.

Пока мы ковырялись со сборами, почти все столы опустели. Финист с напарником тоже направлялись к открытым дверям зала. Вообще-то, я пыталась перехватить его до начала практикума, но парни пришли практически к звонку.

– Альма, закончишь без меня? – попросила я, хватая сумку, и заторопилась следом за Бертом.

Нагнать его, правда, получилось только в коридоре.

– Финист!

Он обернулся, что-то сказал приятелю. Бросив на меня насмешливый взгляд, тот пошагал дальше.

– Милый фартук, – ухмыльнулся Берт, кивнув на кожаный рабочий фартук, о котором я напрочь забыла.

– Химерово проклятье, – пробормотала я, хватаясь за узел на спине, но его завязывала Альма, так что борьба сразу была обречена на провал. – Помоги, пожалуйста, развязать.

Чувствуя себя полной дурой, я повернулась к Финисту спиной. Он с легкостью распутал завязки и промурлыкал:

– Ты за этим меня догоняла?

– Нет, конечно! Сам, что ли, никогда не выходил из мастерской в фартуке? – Я вытряхнулась из рабочей формы и вытащила золотой динар, весь день валявшийся в кармане брюк. – Ты вчера забыл деньги.

Некоторое время Финист с интересом разглядывал протянутую монету.

– И все?

– Что тебе еще надо? – не поняла я.

– А проценты? – с ухмылкой спросил он. – Обычно долг возвращают с процентами.

– Ты что-то попутал, Финист. Я целые сутки хранила твои деньги, как монетный двор. По логике, ты мне должен заплатить проценты.

– Согласен. Давай поужинаем сегодня? В счет процентов, – немедленно предложил он.

Божественный слепец, почему ты создал этот химеров мир таким вселенски несправедливым? Не отвечай, это риторический вопрос. Боюсь, если ты действительно заговоришь, меня посчитают чокнутой. Да я уже сама себя считаю чокнутой, иначе никогда не сказала бы парню мечты то, что собираюсь сказать.

– Нет, у меня уже есть планы.

Магистр, клянусь, ты мне по гроб жизни теперь должен!

– Тогда завтра, – мгновенно предложил Финист. – Я вечером свободен, а ты?

Представилось, как я сбегая со свидания, теряя по дороге туфли, лишь бы успеть на ритуал в Стрэйн-Лейн, и вдруг сделалось ужасно обидно.

– Ничего не выйдет, – покачала головой. – В субботу у меня тоже планы. И в воскресенье, если что.

– Грандэ, если ты не в курсе, то в библиотеке по выходным ужасно скучно, – наклонившись, с ироничной ухмылкой тихо проговорил он, словно делился огромным секретом.

Конечно, что еще зубрилка может делать в выходные? Естественно, зубрить!

– Спасибо, – копируя его тон, отозвалась я. – Ты открыл мне глаза на жизнь. Она теперь никогда не станет прежней. Забирай деньги.

Неожиданно он склонился еще ниже, отчего мы едва не ударились носами. Отстраняясь, я выгнулась в пояснице. Удивительно, как не потянула ни одной мышцы – гибкости мне всегда несколько не доставало.

– Заберу, когда мы пойдем на свидание. – Он резко выпрямился и подмигнул: – Веселых выходных, Грандэ.

В растрепанных чувствах, не веря, что мы действительно стояли посреди коридора и флиртовали, я следила за неспешным уходом Финиста.

– Ты разоришься на процентах! – крикнула ему в спину.

– Тогда не тяни. – Не оборачиваясь, он помахал рукой.

В Стрэйн-Лейн отправилась сразу, не заходя в общежитие, и через полчаса выбралась из наемного экипажа перед воротами респектабельного особняка. Улица была опрятной и тихой. Аккуратная мостовая, с гладкими прилаженными камнями, какой внизу, в царстве обычных людей, днем с огнем не сыщешь, была вычищенная ото льда

и снега. Ярko светили фонари со стеклянными колпаками-венчиками, похожими на опустившие головки колокольчики. Кажется, здесь даже от высоких сосен пахло не хвоей, а богатством.

Я толкнула кованую калитку. Стоило оказаться за оградой, как вспыхнули утопленные в снегу круглые фонарики. Двухэтажный дом с остроконечной крышей, со стороны казавшийся строгим и основательным, стоял к воротам углом. Пришлось его огибать, чтобы попасть к двери. Она открылась сама собой, едва я постучала бронзовым молотком. Конечно, в аристократических жилищах всегда обитали домовики.

Почему-то казалось, что в таком старом доме обязательно холодно и гуляют сквозняки, но я ошиблась. В утопленном в полумраке холле было тепло и неожиданно уютно. От приглушенного света ночников на темной стенной ткани поблескивали серебристые узоры. Узкую лестницу на второй этаж, словно стеснявшуюся занимать много места, устилал узорчатый ковер.

– Господин магистр! – замявшись, позвала я.

Куда идти и что делать-то?

– Проходите, София, – позвал он из глубины комнат.

Войти в верхней одежде я постеснялась, но пока вешала пальто на совершенно пустую рогатую вешалку в углу, Киар появился в дверях. Он был в простых брюках и рубашке с закатанными рукавами. Увидеть его в домашней обстановке оказалось не меньшим потрясением, чем обнаружить вчера в моей общежитской комнате.

– Почему вы замерли на пороге как бедная родственница? – подчеркнуто игнорируя странную атмосферу, хмыкнул он. – В доме никого нет.

Он запер семейство в компании слуг на втором этаже, чтобы не мешались под ногами?

– Я живу один. Прислуга приходящая.

Господи, я что, выдала все это вслух?

– Следовало сказать еще вчера, чтобы сегодня вы так красноречиво не смущались, – усмехнулся магистр.

Вообще-то, теперь я выяснила, что мы остались наедине в пустом доме, и уже прикидывала, как сбежать обратно в нижние кварталы Но-Ирэ. Желательно, не вопя на всю улицу, чтобы не испугать спокойно отдыхающих богачей.

Честно говоря, мне ни разу не пришло в голову узнать, женат Рэнсвод или холост. Видимо, он один из тех вечно помолвленных женихов, которых еще в отрочестве обручали на бумаге с незнакомой девицей, и ему все равно придется на ней жениться. Лет через сто. Когда невесте начнет чудиться, что она превратилась в соломенную вдову.

Я посеменила за ним в комнаты, украдкой разглядывая обстановку. В гостиной обнаружился огромный камин с аккуратно сложенными поленьями, на кофейном столике стоял круглый аквариум. Вода мерцала таинственным золотистым свечением, и в ней лениво плавали три ярко-красные рыбки с длинными плавниками. Те самые тихие питомцы.

Столовая с массивным столом и задвинутыми стульями утопала в недоброжелательной темноте. Очевидно, комнатой совсем не пользовались. Зато рабочий кабинет был наполнен жизнью, в нем ощущалась сильная, одновременно притягательная и отпугивающая энергетика, присущая Рэнсводу.

Обстановка резко отличалась от той, что царила в преподавательской башне. Воздух пах дорогим табаком и строгим мужским благовонием. За стеклянными дверцами шкафов теснились книги и рукописные гримуары. На широком письменном столе были разложены бумаги, какие-то карты, лежали стопки старых пожелтевших документов. Похоже, до моего прихода Рэнсвод работал.

— Я выяснил, какой именно ритуал нам подойдет, — перехватив мой любопытный взгляд, вымолвил он. — Придется на пару дней уехать из Но-Ирэ в семейный замок. Его построили в том месте, где, по легенде, Ренона одарили божественным огнем.

— Это же отличная новость! — обрадовалась я, но он что-то радости не разделял. — Или плохая? Вы не выглядите особенно вдохновленным.

Он прошел к столу и, жестом подозвав меня, указал в растрепанный, испещренный потекшими чернильными строчками блокнот. Я с вежливым интересом уставилась в нечитаемые записи, сделанные на дикой смеси шай-эрского и первородного языка. Накорябанные неразборчивым почерком слова перемежались с неряшливыми, торопливыми символами. Понятия не имею, как Рэнсвод в этом разобрался. Поди, весь день расшифровывал.

– Если верить дневнику моего прадеда, – он указал в какую-то строчку, подчеркнутую жирной неровной линией, – ритуал можно провести только в день рождения избранного.

Чудесно! Причем настолько, что дальше от этих самых чудес только страшнее.

– И когда знаменательная дата? – осторожно уточнила я.

– Через три недели.

Мы на секунду встретились глазами.

– Хотите сказать, что нам придется прятаться почти месяц?

– Мне жаль, София.

Не зря умные люди говорят: хочешь насмешить божественного слепца, расскажи ему о своих планах.

– Вы же не выбирали дату рождения по календарю, – пробормотала я себе под нос, хотя радоваться расхотелось. – А этим записям можно доверять?

– Прадед, Эрвидар Рэнсвод, был помешан на идее первородного огня. Похоже, у него действительно получилось им завладеть. Он сгорел за неделю от резкого закипания магии.

– Ваш прадед был сильным магом?

– Весьма.

– Что ж... – медленно проговорила я, вспомнив, как сама решила, будто подхватила зимнюю лихорадку. – Во всем есть положительный момент.

– Находите? – Рэнсвод выпрямился, сунул руки в карманы брюк и посмотрел на меня с улыбкой.

– Какое счастье, что вы родились в феврале, а не в середине июля! Еще хуже было бы, родись вы в конце года. Полагаю, к этому времени мы практически стали бы родственниками.

Неожиданно я поняла, какую чушь сморозила. Стараясь не встречаться с магистром взглядом, отошла от стола и проговорила:

– В отличие от вашего прадеда, у меня в запасе недели нет, так что, похоже, пора раздеваться.

Почему-то прозвучало еще хуже, чем шутка о родственниках. Отчаянно краснея, я посмотрела на Рэнсвода и промычала:

– В смысле, не то чтобы раздеваться...

– Я понял, – с иронией хмыкнул он и подчеркнуто внимательно принялся рассматривать строгие полосы на стенной ткани. – Как

сегодня прошел ваш день?

– Неплохо, – развязывая бант на вороте блузки, охотно поделилась я. – Магией почти не пользовалась, поэтому чувствую себя недурно.

– Я имею в виду, как прошел практикум по зельеварению? – с улыбкой в голосе пояснил Рэнсвод.

Химерово проклятье, опять не угадала!

– Удачно, но суетно.

Сегодня я не вздрогнула от его прикосновения, но невольно выпрямила спину и опять затаила дыхание. Вновь трещали огни в люстре, а алое свечение древнего дара отражалось в стеклах книжных шкафов.

Ритуал закончился. Я спешно привела одежду в порядок. Киар медленно приходил в себя. Через некоторое время он выдохнул и спросил будничным голосом:

– Вы голодны? Составите мне компанию за ужином?

Напряжение спало, и стало ясно, что живот подводило вовсе не от переизбытка магии, а от банального голода. Из-за долгого практикума с утра во рту не было и маковой росинки, но вдруг вспомнился ужин в ресторации, и еда заранее отказалась уютно укладываться в желудок.

– Уже поздно, – попыталась отпереться я.

– Я в любом случае отвезу вас в общежитие, – заметил он.

Других причин для отказа придумать не удалось.

Большая кухня оказалась вычищенной до блеска. Изразцовые плитки на стенах блестели, плоские огненные камни на очаге были выскоблены. Даже у моей мамы, помешанной на порядке, никогда очаг не сверкал по-настоящему нетронутой чистотой. Невольно возникала мысль, что кухней пользовались чуть чаще, чем столовой. По всей видимости, та самая приходящая прислуга следила за порядком, но не за ежедневным меню хозяина.

Я устроилась за добротным столом с массивной столешницей и с интересом наблюдала, как Рэнсвод по-хозяйски доставал из холодильного сундука закрытые круглые емкости, вытаскивал большие тяжелые тарелки. Он двигался с ленивой грацией, расслабленно и свободно.

– Вы умеете готовить? – из любопытства спросила я, наблюдая, как он снял с крюка тяжелую разделочную доску.

– Я умею заказывать еду в ресторации. – Он бросил на меня веселый взгляд. – Поможете?

Пока он, хрустко надламывая поджаренную корочку, нарезал по-мужски большими ломтями хлеб, я разложила в тарелки еду. Простые и сытные блюда.

– Заметил, что больше всего вам нравится шай-эрская кухня, – объяснил Рэнсвод отсутствие ресторанных изысков вроде окуня с лимонным муссом и коротко велел: – Разогрейте.

– Боюсь, в этом случае вы останетесь без ужина и придется есть мясные шарики на улице.

– Ничего не имею против уличной еды, но вы не можете три недели не использовать магию.

– Думаете, сейчас удачное время для тренировки?

– А когда оно настанет? – Он внимательно посмотрел на меня. – Это ваше удачное время.

– Ладно, но я предупредила. – Я пожала плечами, осторожно дотронулась до края тарелки и призвала магию.

Сила отозвалась, хлынула к рукам таким сильным потоком, что глиняный край, покрытый светло-голубой эмалью, начал биться магическими разрядами. Киар внимательно наблюдал за моими тонкими нервными пальцами, окутанными заклятием, а потом бросил:

– Не бойтесь магии и не торопитесь.

От еды пошел ароматный пряный дымок, густой соус стал жиже.

– Получилось! – восхитилась я. – И ничего не спалила!

– Вы молодец, София, – улыбнулся магистр и как ни в чем не бывало продолжил терзать хлеб.

Я вытаращилась на него, практически уверенная, что поймала слуховую галлюцинацию.

– Повторите.

– Что именно? – не понял Рэнсвод.

– Вы меня похвалили! Впервые! Хочу услышать еще раз, чтобы поверить.

Он покосился на меня, с трудом сдерживая улыбку.

– Вы большая умница.

– Так какого химерова демона вы заставляли эту умницу четыре раза сдавать экзамен? – сама от себя не ожидая, с претензией выпалила я.

– Идемте есть, пока не пришлось подогревать заново, – ловко свернул он с темы своего педагогического, с позволения сказать, промаха и кивнул на резной комод: – В верхнем ящике должны лежать салфетки. Достанете?

Большие льняные салфетки покрыли стол, сверху примостились тяжелые тарелки, и обстановка стала совершенно домашней, словно мы постоянно ели вдвоем. Я покосилась на Рэнсвода, когда он отпил из стакана с толстыми стенками глоток воды, и вдруг вспомнила:

– У меня есть подарок!

Он вопросительно изогнул брови и с интересом проследил за тем, как я суетливо вытаскиваю из сумки термос и отвинчиваю крышку. От снадобья все еще шел дымок, отчего-то пахнувший сельдереем вместо вишни.

– Возьмите, – подвинула открытый термос в сторону Рэнсвода. – Это тонизирующий эликсир.

– Не стоит, – осторожно отказался он, видимо, боясь, что ему подсунули бормотуху.

– Поверьте, с зельеварением у меня гораздо лучше, чем с высшей магией, – уверила я и, со звоном подхватив с подноса чистый стакан, перелила темное снадобье.

С некоторой заминкой Рэнсвод поднес стакан ко рту и сделал глоток.

– В маминой лавке этот тоник всегда пользуется большим спросом, – прокомментировала я.

– На вкус неплохо, – вымолвил он.

– Тогда на здоровье, – кивнула я. – Вообще, он не должен пахнуть сельдереем. Это случайно вышло. Я в первый раз его варила сама.

Магистр поперхнулся.

– Но много раз наблюдала за мамой!

– К тому же я все равно его уже выпил, – добавил Рэнсвод с иронией, отставляя стакан. – Вы хотели что-то спросить?

Я замерла и посмотрела на него.

– Скажите честно: вы умеете читать мысли?

– Нет. – Он улыбнулся. – У вас исключительно говорящее лицо. Спрашивайте.

Коль сам предложил, то смешно отказываться.

– Почему каждый раз вам становится плохо после ритуала?

Он задумался на пару секунд, словно высчитывая, как объяснить закон высшей магии трехлетнему ребенку, и произнес:

– Женская энергетика отличается от мужской. И потом вы подсознательно сопротивляетесь слиянию. Это естественно для любого мага, – уверил он прежде, чем я начала спорить. – Чтобы не причинить нам обоим вред, приходится забирать часто и понемногу.

– А есть способ встречаться редко и отдавать сразу много?

– Есть, – медленно ответил он, – но он нам точно не подойдет.

– Почему?

– Не задавайте вопросов, ответы на которые не хотите слышать, – снисходительно изрек он.

– Но я хочу! – настаивала я.

– Близость.

Как-то враз стало ясно, что речь идет не о чувствах.

– В смысле... спать вместе? – через паузу пробормотала я.

– Вы забыли приставку «пере», – бросив на меня насмешливый взгляд из-под ресниц, поправил он. – Самый простой и, несомненно, приятный способ слияния с женщиной – физическая близость.

Если я думала, что покраснеть сильнее просто не в состоянии, то после слова «слияние» в контексте секса стала совершенно, непередаваемо пунцовой. В зеркало себя, конечно, не видела, но по ощущениям вспыхнули даже уши.

– Как понимаю, вы согласны, что этот способ нам совершенно точно не подходит, – посматривая на меня с понимающей улыбкой, полушутя заключил Рэнсвод. – Но у меня появилась идея, как облегчить нам обоим жизнь.

Облокотившись о стол, он сузил расстояние между нами, словно собирался рассказать большой секрет, но в итоге просто огорошил:

– На следующие три недели переезжайте ко мне, София.

Глава 4

Гости с привилегиями

– Переехать сюда? – уточнила я, хотя ответ был очевиден. Вряд ли у Рэнсвода имелся еще один совершенно пустой особняк.

– Считайте этот дом пансионом для благородных девиц. – Он развел руками.

– А вы будете вроде коменданта?

– Могу стать вашей дуэньей, но, на мой взгляд, лучше быть соседями, – развеселившись моим замешательством, поправил магистр и откинулся на спинку стула. – Наверху приличная гостевая комната с ванной. Вас никто не потревожит.

– Но как я объясню, что переезжаю? – совершенно испугалась я, когда тотчас не сумела сочинить ладную ложь, почему собрала вещички и сбежала в верхний район Но-Ирэ.

С другой стороны, если бы Альме выпал шанс провести хотя бы пару денечков в Стрэйн-Лейн, она не раздумывала бы ни секунды.

– Вы живете в общежитии. Кому вам что-то объяснять? – удивился этот странный мужчина.

– Но у меня есть друзья.

– Помню, очень любопытные молодые особы, – многозначительно кивнул он, невольно заставив меня во всех красках и оттенках позора припомнить вчерашний вечер. – Скажите им, что устроились временным секретарем к престарелому магистру. Зимой он не выходит на улицу – боится свернуть шею или переломать ноги.

Мстительная скотина! Удивительно, как вчера промолчал. Видимо, действительно торопился уйти, чтобы не окопаться в шкафу и с голодухи не начать обглаживать припрятанную кошкой колбасу.

– Простите, – на мгновение прикрыв глаза, выдавила я. – Следовало еще вчера извиниться. Мне правда неловко, что вы все слышали. Вы же знаете, девчонки все время болтают разные глупости. За глупости тоже извините.

Он бросил на меня насмешливый взгляд и рассудил:

– Я искренне считаю, что лучший выход в нашем положении – поселиться вместе. Вы можете ездить на занятия отсюда, и никому не

придется прятаться. Спору нет, шкаф у вас вместительный и опыт вышел интересный, но вряд ли нам обоим его захочется повторить.

– Вы правы, этот дом будет побольше моего шкафа, – вздохнула я и сама не поверила, что действительно согласна с этим совершенно безумным, на мой взгляд, планом.

К академии мы приехали поздно, практически к закрытию ворот. По дороге Но-Ирэ накрыла непогода: сверху начал сыпать мелкий снег, заполнивший улицы слепой круговертью. Мы еще раз условились, что Рэнсвод придет завтра днем карету, я накинула на голову шаль и выскользнула из теплого салона.

– Эй, София! – немедленно услышала голос Альмы, словно бы дежурившей на улице.

Мгновенно запаниковав, я с такой силой хлопнула дверцей, отрезая сидящего в салоне магистра от чужих взглядов, что удивительно, как та не выпала на заметенную снегом брусчатку.

Подруга со своими соседками по комнате стояла в воротах. Все трое были кое-как покрытые, распахнутые и с промасленными свертками в руках. Видимо, решили устроить ночной перекус.

– Давай шустрее, пока ворота не закрыли! – скомандовала Альма.

Прячась от колких снежинок под козырьком из ладоней, я шустро доскакала до девчонок.

– Поселила своих? – спросила она.

– Каких своих? – не поняла я.

– Знакомых из родного города, – подсказала она.

Врунишка из меня никудышная! Ляпну что-нибудь на голубом глазу, тут же забуду и начинаю путаться в показаниях. И что мне сразу не пришло в голову сказать, будто я еду на собеседование к старому магистру-маразматику? Ой! Затворнику!

– Да, встретила, поселила... – туманно промычала я. – Пойдем шустрее, а то погода, как в Норсенте.

Вообще-то, мне ни разу не приходилось бывать на северном полуострове, но, подозреваю, зимы там именно такие: щедро снежные и отвратительно неприятные.

Не стесняясь бежать по дорожкам, мы ринулись к общежитию. Ворвались в ярко освещенный шумный холл и принялись стряхивать снег. Правда, помогало мало – снежинки мгновенно таяли, оставляя темные влажные кляксы на одежде.

Неожиданно замковые домовики погасили люстру, на редкость помпезную бандуру, спускавшуюся каскадом с высокого потолка. На каменных стенах кое-как затеплились ночники.

Отсутствие яркого магического освещения означало, что ворота закрылись и всех жителей общежития разгоняли по комнатам. Не то чтобы жители действительно разгонялись, но обычно минут через десять двери перехода в мужское общежитие сами собой запирались.

Холл начал пустеть, и мы спешно зашагали к лестнице. Альма жила этажом выше. Не останавливаясь, она махнула рукой на прощанье и даже поднялась на пару ступенек следом за соседками, но резко остановилась, развернулась и уперла руки в бока.

– София Грандэ, ты правда не собираешься мне ничего рассказывать?

– Я устроилась временным секретарем и завтра переезжаю! – сама от себя не ожидая, выпалила я как на духу. Но когда айтэрийка смотрела так, словно мысленно насылала древнее проклятие предков Сатти, и в лучшие времена возникало непреодолимое желание три раза поплевать через плечо.

– Вообще-то, я спрашивала про Финиста, но это тоже неожиданный поворот. – Она спустилась обратно и, встав рядышком, прошептала с сочувствующим видом: – В лавке у матери совсем плохо идут дела, да?

– Вовсе нет, – уклончиво пробормотала я, отводя взгляд, – но, сама знаешь, жизнь в Но-Ирэ дорогая. Это ненадолго. Всего на три недели, пока не вернется постоянный секретарь.

– А занятия?

– Я буду работать в свободное время. Там несложно: письма отправить, черновики начисто переписать...

Ненавижу врать! Даже ложь во спасение остается не более чем ложью. Представляю, какой душой себя почувствует Альма, если – не дай божественный слепец – узнает, что лучшая подруга водит ее за нос.

В особняк на Стрэйн-Лейн я входила в середине дня. Со скромным по размеру, но не по весу саквояжем, прилично помятой коробкой шоколада и с совершенно непристойно мяукающей кошкой в корзине. Дуся вопила всю дорогу, словно ее везли на живодерню, а

стоило поставить плетеную переноску под ноги, начала из нее выбираться. Дерзкий побег сдерживала тщательно замотанная крышка, но и та была готова сдаться под кошачьим натиском.

Сунув руки в карманы брюк, Рэнсвод некоторое время разглядывал ходящую ходуном корзину, а потом спокойно резюмировал:

– В приют бездомных химер.

– Ладно, – бодренько согласилась я, немедленно заматывая шею шалью. – Вернусь в общежитие.

– Стой...те! – Он вздохнул, почесал бровь и неохотно согласился, внезапно отбрасывая вежливое «вы»: – Просто следи, чтобы она не приближалась к аквариуму.

– Дусэя не ест рыбу! – с улыбкой соврала я и протянула ему коробку с шоколадными конфетами, которую прежде сжимала под мышкой. – Это вам.

Некоторое время он внимательно разглядывал несколько помятый подарок.

– С пустыми руками в новый дом не переезжают, – подсказала непонятливому хозяину.

– Ты не с пустыми руками, а с моей магией, – не очень-то вежливо напомнил он.

– И с коробкой шоколада. – Я многозначительно кивнула, дескать, бери уже, ночью с чайком насладишься. В крайнем случае передаришь. – Возьмите, это же не корзинка батата.

– Да, в корзину ты сунула кошку. – Он наотрез отказался от неопикуемой студенческой роскоши и поднял с пола саквояж, только с виду легкий, а на деле неподъемный. – Дай угадаю: батат в сумке.

– Там учебники, – буркнула я, сердито сжимая помятую коробку с шоколадками под мышкой. Сама съем! Когда-нибудь, когда полюблю шоколад. Надеюсь, не испортится до этого знаменательного дня.

По лестнице мы поднялись на второй этаж. Рэнсвод указал вглубь длинного коридора и объяснил:

– Мои покои.

Мы прошли в противоположную сторону. Он толкнул двустворчатые двери и кивнул:

– А здесь теперь твои.

Комнаты разделяло такое пространство, что, живя в одном доме, столкнуться случайно было практически невозможно. Меня такой расклад вполне устраивал.

Покои оказались двухкомнатными, по размеру не уступающими нашей с мамой квартирке над торговой лавкой. В гостиной с камином стоял секретер, через арочный проход была видна спальня с высокой кроватью.

— Ванную комнату и гардеробную найдешь, — заключил Киар, ставя саквояж на изящный светлый диванчик с резными ножками. — Помнишь, где кухня? В холодильном шкафу всегда есть какая-нибудь снедь. Утром я попросил домоправительницу что-нибудь приготовить. Стряпня у нее на большого любителя, но проголодаешься — не стесняйся. Ключ в двери. Если что-то понадобится — спрашивай.

— Шайку, — немедленно попросила я.

— В ванне есть раковина.

— Вряд ли раковину стоит засыпать песком, — намекнула я на кошачьи удобства.

Мы синхронно посмотрели на корзинку. Дуся умудрилась вытащить голову из-под крышки, а теперь пыталась освободиться полностью, но застряла. Таращила круглые желтые глаза и, кажется, особенно ненавидела хозяйку, притащившую ее в подозрительное место.

— Сложно не согласиться, — хмыкнул Рэнсвод. — Обживайтесь. Обе.

Когда за ним закрылась дверь, я выпустила обалделую подружку из корзиночного плена. Она не подумала забиваться под кровать и с недоверчивым видом начала обследовать вверенную территорию.

— Только не жри его рыбок! — проворчала я. — Слышишь? Рыбки неприкосновенный артефакт!

Разобрать вещи и осмотреться много времени не заняло. Пара платьев, пальто и академическая мантия бедными родственниками повисли на плечиках в сиротски пустой гардеробной. Бутылочки с косметическими притирками и баночки с мыльными пенами скромненько притулились на большой мраморной столешнице возле раковины. Учебники пристроились на совершенно пустые полки секретера. Я встала посреди комнаты, уперла руки в бока и громко проговорила:

– Дуся, что мы еще не сделали?

Оказалось, что, собственно, дела закончились, и я понятия не имела, чем заняться в чужом доме. Решила самой себе устроить экскурсию, раз хозяин не оказал любезность. Взяла с собой учебник по магической механике, дескать, я не просто слоняюсь по дому, а слоняюсь с книжкой и умным видом.

– Господин Рэнсвод, – позвала магистра, спустившись по лестнице в холл, но дом отозвался гробовой тишиной, даже духи не пожелали пошевелить занавески.

В общем-то, комнаты на первом этаже со вчерашнего дня никак не изменились. Рыбки в прежнем составе плавали в аквариуме, похожем на стеклянный пузырь. Камин никто не зажигал, в столовой не завтракал. Кабинет пустовал. В идеально вычищенной кухне только фарфоровая супница на каменной столешнице намекала, что с утра кто-то готовил.

Из любопытства я подняла крышку и обнаружила прозрачный бульон с крупно нарезанными овощами. Выглядело, мягко говоря, не особенно аппетитно и съедобно. Зато сразу стало ясно, отчего Рэнсвод предпочитал рестораны.

– Ладно, кошка сама себя не накормит, – пробормотала я себе под нос.

Конечно, голодная Дуся вполне способна накормить себя сама, но в доме магистра это наверняка плачевно отразится на рыбьем поголовье.

Через пятнадцать минут в кухне царил вполне уютный домашний хаос. Подозреваю, что уютным он был только для меня. Сила неожиданно подчинилась, и я использовала бытовые заклятия. Нож сам собой нарезал маленькими кусочками индейку, лопатка переворачивала хлебцы на раскаленной сковородке. На очаге закипал ковшик с водой для чая, такого крепкого, чтобы наверняка заменить кофе.

Я исследовала посудную горку, пытаюсь найти кружку побольше наперстка. Потомки избранного предпочитали есть из старинного звонкого фарфора, а пить чай и кофе из крошечных чашек на один глоток.

– Развлекаешься? – прозвучало за спиной.

Чуть не вмазавшись лбом в ребро открытой дверцы, я обернулась. Рэнсвод с интересом наблюдал, как домашняя утварь живет собственной жизнью. Пространство мигом замерло, только гудел ковш и шипело масло на сковороде.

– Придерживаетесь принципа воздержанности от магии? – с вызовом спросила я.

Дома мы с мамой постоянно спорили из-за бытовых заклятий, по-хорошему, сильно портящих вещи. Она верила в правило, что лучше делать все своими руками.

– Нет. – Он выстрелил веселым взглядом. – Какой смысл столько лет учить заклятия, если потом ими не пользоваться. Проще купить новые ножи.

– Хорошо, – деловито улыбнулась я и щелкнула пальцами, заставляя кухонную утварь отмереть. – Хотите чай?

– Нет, но ты ни в чем себе не отказывай. – Рэнсвод махнул рукой, словно гостя действительно стеснялась и вела себя как должно госте. – Я уеду, вернусь поздно. Не переживай, в дом никто чужой не войдет.

– Откровенно сказать, меня больше беспокоят свои, – призналась я, снимая с очага ковш с кипятком.

– А свои без предупреждения не появляются.

В общем, он не только студентов успешно дрессирует, но и все окружение, вместе взятое.

– Тебя вечером куда-нибудь подбросить? – видимо, только из вежливости предложил он.

– Вообще, я хотела позаниматься, – несколько приукрасила я отсутствие планов на вечер и мстительно ляпнула, припомнив тираду на крыше преподавательской башни: – Знаете, когда усердно учишься, выходных не бывает.

– Смотрю, ты умеешь принимать добрые советы, – со странной улыбкой хмыкнул он.

– Усердно учиться – нормально для будущего бытового мага, – чопорно проговорила я, словно продекламировала девиз нашего не шибко популярного факультета.

– Кстати, – Рэнсвод кивнул в сторону кухонного прилавка, – мясо уже превратилось в рубленый фарш, госпожа бытовой маг.

– Химерово проклятье!

Я бросилась спасать кошачий ужин от уничтожения, и, пока усыпляла озверевший тесак, методично выбивающий щепы из деревянной разделочной доски, Рэнсвода уже и след простыл. А когда с подносом перекуса и кошачьим ужином поднялась на второй этаж, возле двери в комнату скромно стояла емкость с песком.

Магистр появился перед самым отъездом. Тихо постучался и вошел. Сама от себя не ожидая, я чуть не подавилась остывшим чаем. Рэнсвод был одет в черный элегантный костюм, подчеркивающий подтянутую худощавую фигуру, и выглядел как столичный щеголь, а не преподаватель высшей магии.

– Мне пора, – кивнул он.

Потрясающе короткое приглашение расстегнуть платье! Я так удивилась, увидев его при полном параде, что даже забыла смутиться во время ритуала.

– Можно воспользоваться вашей библиотекой? – спросила я, неловко задрав руки, чтобы застегнуть пуговичный ряд на спине.

Дурацкие кругляши выскальзывали из-под пальцев. Раскрывались они куда бодрее. Даже злость брала, что в моем гардеробе почти не было платьев с застежками спереди, хоть в одежду лавку беги.

– Замри, – вдруг приказал Рэнсвод.

– А? – Я оглянулась через плечо.

С самым бесстрастным видом он шагнул ко мне и со сноровкой умелой дуэньи застегнул пуговицы. Понимаю, что в жесте не было ничего, кроме дружеского желания помочь, но тут-то на меня и нахлынуло. От легких небрежных касаний, никак не связанных со слиянием магии, я перестала дышать.

– Библиотека и кабинет в твоём распоряжении, София, – проговорил Киар, отступая на шаг. – Чувствуй себя как дома.

– Ага, спасибо, – пробормотала я, боясь повернуться. Иначе он точно увидит, что лицо вновь превратилось в сигнальный фонарь.

После ухода магистра в комнате витал тающий запах его ледяного благоговения. Я старалась им не наслаждаться, но все равно принималась. Ей-богу, как Дуся к кровяной колбасе.

А через пару часов бесполезного изучения учебника поймала себя на том, что барабаню самописным пером по крышке секретера, стараясь создать фоновый шум. После общежития в огромном доме,

где меня никто не дергал, подсознательно не хватало разговоров, хлопающих дверей и взрывов смеха в коридоре.

Неожиданно послышалось, будто внизу кто-то ходит. Я бросила быстрый взгляд на деревянные часы, изящным резным домиком стоящие на узком столике. Время едва подходило к десяти вечера. Рановато Рэнсвод вернулся. Может, важные дела в городе оказались не то чтобы очень важными?

Недолго думая я шустренько вышла в коридор. Наплевать, если магистр удивится, что его встречают. В нашем с мамой доме принято выходить из комнаты, если кто-то вернулся... Конечно, при этом не приходится нестись со второго этажа, но расстояние – мелочи.

По мере того как я спускалась по лестнице, все больше изумлялась. В конечном итоге встала у подножия и попыталась вернуть челюсть на место. На полу, от входной двери до гостиной, тянулась дорожка из маленьких круглых свечек, засыпанная розовыми лепестками.

В тишине было слышно, как кто-то шуршал в глубине комнат. Чувствуя себя если не чокнутой, то где-то очень близко, я тихонечко приблизилась к гостиной и замерла в дверном проеме.

На каминной полке, возле аквариума с обалдевшими рыбками, на кофейном столике и на подоконниках, в общем, куда ни посмотри, трепетали свечи. В самом камине плясал огонь. По стенам танцевали тени. Светловолосое создание в искрящемся серебристом платье, мурлыкая под нос невнятный мотивчик, раскидывало лепестки роз из плоской корзины с короткой ручкой.

Вообще-то, я понимала, что Рэнсвод взрослый мужчина и у него есть личная жизнь. Он же не скопец и не монах. Но, признаться, никак не ожидала столкнуться с этой самой личной жизнью в первый же вечер после переезда. Ведь очевидно, что женщина, устроившая в гостиной пошлый беспорядок, устраивала его не из любви к искусству... По крайней мере, не к искусству в общепринятом понятии.

Ситуация была, мягко говоря, неловкая. Я попятилась назад, чтобы так же тихонечко вернуться в покои, но, увы, не успела. Женщина заметила движение в дверях и, громко выругавшись, от неожиданности выплеснула себе в лицо рой розовых лепестков.

– Я пойду, – пробормотала я и махнула рукой: – Вы тут... кхм... продолжайте.

– Стоять! – рявкнула она.

Сначала замерев, а потом обернувшись, я удивленно уточнила:

– Простите?

Незнакомка уперла руки в бока и начала приближаться. В тишине постукивали каблуки. Невольно я устояла на искрящемся платье и методично выглядывающую из длинного выреза голую ногу в белой туфельке. Интересно, дамочка бежала по снегу в этой обуви или переобувалась в холле?

А еще вблизи было заметно, что наряд полупрозрачный и фактически не скрывает кружевного исподнего. Эти самые кружева тоже не особенно что-то прятали. В общем, одежда явно не для тихих игр. Не то чтобы кто-то сомневался, будто в гостиной устроили взрыв розовых лепестков ради размеренного пасьянса.

Она дернула головой.

– Ты кто?

– Секретарь Рэнсвода, – не задумываясь выдала я ложь, придуманную Рэнсводом.

– Какой еще секретарь? – поморщилась женщина.

– Новый.

– Он мне о тебе ничего не рассказывал. – Она скривила ярко накрашенные губы в сардонической усмешке и окинула меня нарочито придиричивым взглядом. – Хотя ты точно его секретарь. Киара не тянет на заморышей.

Ну все! Я честно пыталась быть вежливой и деликатной с этой неожиданной личной жизнью магистра, но оскорблять себя не позволю.

– О вас он тоже не упоминал, – копируя ее тон, отозвалась я. – И как вы попали в дом? Он сказал, что никого сегодня не ждет.

– А я сюрпризом. – Женщина театрально развела руками, отчего декольте стало особенно глубоким. – Не поняла, кто я?

– Догадываюсь, что не горничная, иначе не стали бы мусорить в гостиной.

«Личная жизнь» несколько поменялась в лице.

– Му-мусорить? – От возмущения она начала чуток заикаться. – Ты издеваешься или правда меня не узнала?

Для наглядности мадам помахала растопыренными пальцами у себя перед носом, видимо, намекая на подкрашенное лицо. Не исключая, что откровенный наряд был магическим и вместе с платьем в комплект шли прическа, маникюр и вечерний макияж. Надеваешь такое и стоишь красивая, как кукла в неопределенном возрасте.

– Нас не знакомили, – покачала я головой.

– Я. Прима. Королевского театра! – Чеканя каждое слово, она приблизилась ко мне настолько, что в нос ударил запах ее духов. – Мой портрет украшает первые полосы всех газетных листов Но-Ирэ.

Сама от себя не ожидая, я звонко чихнула и промычала:

– Отодвиньтесь, пожалуйста, мадам прима. От вашего благоволия у меня свербит в носу.

– Мадам?! – рыкнула она. – Ты назвала меня «мадам»? Мы почти ровесницы!

– С первого взгляда, конечно, не скажешь, но, выходит, к тебе можно по-свойски? – отодвигаясь от этой доморощенной актрисы, пробормотала я. – Ты знаешь, меня искренне беспокоит, кто именно будет убирать безобразие, которое ты тут навела.

В воцарившейся на секунду тишине щелкнул замок. Отворилась входная дверь. Злой сквозняк задул половину свечных огоньков, а следом прозвучал более чем сдержанный голос хозяина дома:

– Какого демона здесь устроили жертвенный алтарь?

У меня вырвался громкий издевательский смешок. Если до этого магистра интересовало лишь неожиданное преображение интерьера, то теперь он заметил нас с примой. Категорично вспыхнула люстра, залив холл безжалостным ярким светом. Надо было стереть с лица глумливую ухмылку, но я просто не успела.

– Хэйзер, – прокомментировал Рэнсвод и поморщился: – Что...

– Я пришла к тебе! – с театральным надрывом воскликнула она.

– Это ясно, – сухо отозвался он. – Я не пойму, что на тебе надето. Прикройся чем-нибудь, бога ради.

Она испуганно моргнула и скрестила руки на груди. В общем, прикрыла, как сумела, полуголое декольте.

– София! – рявкнул магистр таким тоном, словно мы вновь оказались в учебной аудитории и он планировал распылить меня за плохо сплетенное заклятие.

– Я полностью одета! – намекнула, что мой внешний вид с момента, как его пальцы застегнули пуговицы на платье, не претерпел никаких изменений.

– Вижу, – вкрадчиво, словно раздумывал, кому из девиц первой свернуть шею, отозвался он.

– И к ритуалу не имею никакого отношения, – на всякий случай открестилась я от романтического распределения свечек между комнатами.

– Жди меня в кабинете, – наконец проговорил он.

– А можно мне подождать наверху? – Я указала пальцем на потолок и немедленно двинулась в озвученном направлении. В смысле, не полезла на потолок по стене, а юркнула к лестнице.

– Она здесь, что ли, живет?! – охнула мне в спину актриса таким пронзительным голосом, что я сбилась с шага и пнула круглый стеклянный подсвечник. Шайбой он отлетел к туфле магистра.

– Хэйзер, создай минуту молчания!

Ага, как на поминках. Свечи горят, розы раскиданы, самое время хоронить любовный роман. Атмосфера, так сказать, располагающая.

– Простите, – пробормотала я, перешагивая нестройный свечной ряд, и взлетела по лестнице с такой скоростью, словно магистров взгляд подталкивал в спину.

Едва я скрылась с их глаз, как Рэнсвод заговорил. Он не кричал и не рывкал, как бывало в академии, но его голос с ледяными интонациями, каких в нем никогда не звучало по отношению к студентам, буквально пробирал до костей.

– Я просил тебя больше никогда не приходить в этот дом.

– Да, но, как видишь, твои домовики по-прежнему открывают мне двери.

– Удивлен, что тебе пришло в голову это проверить, – сухо вымолвил он.

– Подумала, что ты просто пошутил.

– Что во фразе «я разрываю с тобой отношения» намекало на то, что я шучу? – уточнил он тем самым страшным вкрадчивым голосом. – Когда я был похож на весельчака, Хэйзер?

– Она причина, да? Ты завел любовницу помоложе и тут же отправил меня в отставку! Так ведь, Киар? – Она пыталась говорить спокойно, но в голосе прорывался гнев.

– Хэйзер, не приплетай сюда мою временную помощницу. В наших отношениях поставлена точка, потому что ты поехала в Норсент к шаманке и попыталась наложить на меня любовное проклятие, – с раздражением проговорил он.

А вот это уже действительно интересно! Я резко затормозила на верхней площадке и внимательно прислушалась. К счастью, в пустом безмолвном доме голоса звучали четко и резко.

– Я что должен был сделать в ответ? – задал он риторический вопрос. – Предложить повязать обручальные нити?

– Было бы неплохо, – манерно фыркнула она. – Магия все равно не подействовала. Почему тогда ты злишься, Кирри?

Кирри?! Господи, магистр, я бросила бы ее только за это пошлое прозвище!

– Неудача в корне меняет дело, – издевательски протянул он.

– Но ведь ничего страшного не случилось! – в отчаянии выкрикнула она.

Еще как случилось! И теперь это самое «случилось» вынуждено три недели жить под одной крышей с ее ненаглядным магистром, чтобы, фигурально выражаясь, не отойти в мир иной вместе с древним даром.

Возникшая в скандале пауза между тем могла украсить любую постановку королевского театра. И выдержал ее магистр, далекий от актерства, а не прима.

– Кирри, ты действительно так сильно злишься? – простонала актриса.

– Хэйзер, просто оденься и выйди за дверь.

– Я уже отпустила извозчика.

– Поймай наемный экипаж, – спокойно предложил он.

– Ты отправишь меня на мороз в таком виде? Химерова сволочь ты, Рэнсвод! Я же замерзну насмерть.

– Как-то ты ведь до дома добежала и ничего не отморозила.

– Ты издеваешься?! – взвизгнула прима, выходя из образа страдальцы.

– Нет, я вполне серьезен. Помочь тебе выйти?

Внизу раздались шаги, и я метнулась в свои покои. Тихонечко прикрыла дверную створку и плюхнулась на мягкий стул перед раскрытым секретером, не сразу понимая, что за учебник открыт и

почему весь лист разрисован кривоватыми схемами. Кажется, до трагической встречи внизу я что-то пыталась учить. По крайней мере, весьма продуктивно делала вид, что пытаюсь.

В комнате царила тишина. Или скандал не проникал сквозь стены, или бывшие любовники убавили интенсивность воплей. Вдруг с яростным грохотом бабахнула входная дверь, словно петли ее не удержали и она вылетела. Кошка, дремавшая на подоконнике, немедленно подняла голову и наострила уши.

– Не пугайся, – хмыкнула я, обращаясь к Дусе. – Хозяин дома избавляется от проблем в личной жизни.

Перед взором нарисовалась чудная картина: заснеженный сад утопает в глубокой темноте, а полуобнаженная прима семенит по узкой обледенелой тропинке на высоких каблуках, для равновесия расставив голые худые руки.

Хотелось верить, что Рэнсвод ей хотя бы плед выдал. Зимы в Шай-Эре, может, не такие суровые и длинные, как в Норсенте, но ведь дамочка отморозит себе... вообще все.

Разгулу фантазии помешал деликатный стук. Я выпрямилась на стуле, ожидая, что Рэнсвод войдет, не дождавшись разрешения, даже напустила на себя равнодушный вид, но он не торопился озарить светлым ликом нашу с Дусэей обитель. Пришлось открыть самой.

Магистр стоял, прислонившись спиной к стене, как раз напротив двери. Руки были спрятаны в карманы, поза, на первый взгляд, расслабленная.

– Удивилась? – спросил Рэнсвод.

– Не особенно, – пожала я плечами. – Очевидно, что у взрослого мужчины должны быть отношения с женщинами.

– Извини за сцену в холле. Хэйзер всегда была склонна к театральности, но она не болтлива.

– Она не поверила, когда я назвалась вашим секретарем. У вас настолько бурная личная жизнь? – вернула я фразу, брошенную им самим после десяти минут заточения в шкафу с колбасным кольцом. Подозреваю, для Рэнсвода эти минуты были такими же незабываемыми, как для меня – сегодняшнее знакомство с его личной жизнью.

– Обещаю, что эта сторона моей жизни тебя больше не коснется.

– Откровенно сказать, я не имею никакого права лезть ни в вашу личную жизнь, ни в обычную. Но...

– То есть «но» все-таки есть, – иронично хмыкнул он.

– Если вы захотите пригласить гостей...

– Каких? – любезно уточнил он, явно наслаждаясь тем, как я тщательно подбираю слова.

– Любых гостей, какие вам нравятся. Вы просто намекните, что вечер будет шумный. Я где-нибудь прогуляюсь, чтобы никого не смущать и не отвлекать. Мы в общепитии всегда так поступаем: освобождаем территорию.

– София... – Он с трудом проглотил улыбку, тронувшую уголки губ.

– Кхм?

– Когда ты научилась язвить?

– Вы же сказали, чтобы я чувствовала себя как дома, – развела я руками. – Или мне следует вспомнить, что я в гостях?

– Доброй ночи, – не поддался на провокацию Рэнсвод и собрался отправиться восвояси, так и не поделившись со мной великим знанием о выверте бывшей подружки.

– Магистр, честное слово, я не подслушивала! Просто в доме хорошая слышимость, – вырвалось у меня, и Киар вопросительно изогнул брови. – Вы... мы действительно оказались в такой ситуации из-за шаманской ворожбы?

– Разочарована, что не существует вселенского заговора? – усмехнулся он, пропустив тот факт, что я действительно бессовестно подслушала ссору.

– Наоборот, испытываю облегчение, – призналась я. – Можно не беспокоиться о причине, просто позаботиться о последствиях.

А еще мне чуточку жаль Рэнсвода. Наверняка потомок избранного ощущал себя полным кретином, что профукал легендарный дар из-за любовной интрижки. Как он там говорил, когда со вкусом отчитывал меня на занятиях? Серьезнее надо относиться к выбору!

– Завтра мы узнаем наверняка, действительно ли причиной стала Хэйзер или нет, – спокойно ответил он. – С рассветом я уеду в семейный замок, проверю одну теорию, к вечеру вернусь. И обещаю, что, кроме горничной, в этот дом точно никто не войдет.

– Нет, само собой, я вам верю, но, как показал сегодняшний опыт... – Я многозначительно примолкла.

– Все-таки доброй ночи, – улыбнулся он, явно не желая развивать тему.

Следующее утро началось в обед. Просторную комнату заливал солнечный свет. Счастливо щурясь, я со вкусом потянулась в необъятной, исключительно удобной кровати и тут замерла от тревожной мысли. Время давно перевалило за полдень... Где Дуся?

Я резко села и вытянула шею, пытаюсь разглядеть трехцветную подружку в соседней комнате.

– Дуся!

Стыдно признавать, но в минуту пропажи кошки из покоев я больше всего опасалась не за нее, а за сохранность магистрава имущества. Особенно водоплавающего.

Слома голову выскочила в коридор как была, в ночной сорочке, с расплетшейся косой и босая. Немедленно вспомнила, что вряд ли, предлагая мне чувствовать себя как дома, Рэнсвод имел в виду, что можно носиться по особняку в естественном виде, и втянулась обратно в комнату. Вдруг столкнусь с каким-нибудь гостем, который ни в коем случае не может появиться здесь без особого приглашения?

Ругая себя за то, что поленилась прихватить халат, я кое-как втиснулась в платье и уже, пусть не особенно приличная, но точно не настолько, чтобы кого-нибудь шокировать, бросилась искать кошку.

Дом традиционно оказался тих. Холл прибран. Вряд ли Рэнсвод с утра сам размахивал метелкой, наверняка появлялась неуловимая горничная. В гостиной тоже царил идеальный порядок. Кошка спокойно возлежала на антикварной кушетке. Определенно сытая и довольная. В аквариуме такие же сытые и довольные плавали рыбки.

Две штуки. Одной не хватало.

Уверенная, что меня подводит зрение, я приблизила нос к стеклянному пузырю и пересчитала еще раз. Из дуэта никак не выходило трио. Хоть справа начинай считать, хоть слева.

– Ду-уся... – выпрямляясь, протянула я страшным голосом.

И это была грубая тактическая ошибка! Кошка, знающая, чью рыбу сожрала, моментально сорвалась с кушетки, с грохотом сбила с кофейного столика стопку книг и рванула на выход с проворностью

драконовой химеры. Прямым, не пытаясь закладывать петель, чтобы сбить врага со следа. Только по полу заскрипели когти!

– Стоять! – рявкнула я страшным голосом и с помощью магии захлопнула дверь.

Та шарахнула с таким оглушительным грохотом, что с потолка посыпалась какая-то труха, а со стены сорвалась картина.

Кошка крутанула вираж, заскользила по паркету и рванула к окну. Молнией вскарабкалась по дорожке портьера и, пока я неслась на спасение проклятой шторы, угнездилась на карнизе высоко над полом.

– Дусенька, – ласково засюсюкала я, вытягивая руки. – Иди ко мне, деточка. Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто давай проверим: ты скушала рыбку или рыбка сама сбежала.

Хвостатая мегера, обалдевшая от гонки, таращила большие круглые глаза и не шевелилась. От раздражения я дернула за полотнище. Карниз вдруг вместе с кошкой ухнул вниз и уперся одним концом в мраморный подоконник. Я ловко подхватила вопящую воровку на руки, покрепче сжала и принялась к морде. От Дуси явно несло рыбным запахом. Так и есть – слопала!

– Зараза! Какого демона ты сожрала священного зверя?! Плавал себе, никого не трогал!

В ответ «аристократка» недвусмысленно зарычала, как натуральная химера.

– Не смей огрызаться! – охнула я. – Ты хоть представляешь, во сколько нам обошелся твой завтрак?

К слову, очень интересный вопрос. Правда, во сколько?

Закрыв кошку в комнате (на ключ!), я вернулась в гостиную. В оголенное окно беспрепятственно лился солнечный свет. В стене вместо крюка для карниза зияла дыра. Картина выпала из рамы. Книги валялись на полу, варварски вывернутые наизнанку. В общем, разруха царила такая, словно по комнате носилась стая кошек и отряд бытовых магов.

Зато теперь я доподлинно знала, почему студенткам магических академий, особенно с домашними питомцами, наотрез отказывались сдавать приличные меблированные комнаты в хороших домах и отправляли прямым ходом в переполненные женские пансионы. Одним взмахом руки мы способны ввергнуть жилище в хаос, а в

общежитии все, что можно было сломать и починить с помощью магии, уже было поломано и починено до нас.

Возвращать в гостиную порядок пришлось, тоже размахивая руками. И не один раз. Магистр же сказал, что не использовать бытовые заклятия – большая глупость. Вот! Мы разделяем эту важную жизненную позицию.

– Чудесно! – стряхивая с ладоней остатки заклятия, довольно улыbnулась я. – Как новенькая.

Понятно, что через месяц все «новенькое» снова рухнет, но с колдовством я управлялась куда лучше, чем с молотком и гвоздями. А потом поди докажи, что карниз упал не сам, а когда-то его совершенно случайно сорвали.

Через час, растрепанная и несколько ошалелая, я стояла возле прилавка единственной известной мне торговой лавки, где рыбок продавали не на еду, а для услады глаз, и пыталась объяснить, как выглядел ныне покойный пловец.

– Красненькая такая, с плавниками-крылышками. – Для наглядности я помахала пальцами, изображая дрожание плавников, но, кажется, больше напоминала ядовитую медузу. – Выпученная!

Снулый бледный продавец посмотрел на меня с живым интересом, словно ждал, когда ему продемонстрируют степень выпучивания рыбки.

– С золотым отливом! – в отчаянии дополнила я описание и сунула ему к носу сжатый кулак: – В половину такого размера!

– Все! – ухнул он.

– Что? – Я с опаской убрала руку и даже засунула в карман пальто.

– Я знаю, что вам нужно!

– Серьезно?

– Атлас тропических аквариумных рыб! – Он щелкнул пальцами и немедленно нырнул под прилавок, где сначала долго ковырялся, а потом шибанул на крышку толстую потрепанную книгу со стертыми буквами на кожаной обложке. – Показывайте эту вашу выпученную!

Чувствуя себя если не душой, то где-то очень близко, я подвинула к себе том и начала страница за страницей просматривать. Когда в глазах зарябило от ярких иллюстраций, а надежда почти накрылась медной лоханью, как на очередном развороте нашелся рисунок той самой сожранной, красной, выпученной и с плавниками.

– Она! – потыкала пальцем в картинку.

– Алверийский шелкопрэйн, – с видом профессора ихтиологии важно проговорил продавец, но, по-моему, просто прочитал название на первородном.

– А по-шай-эрски?

– По-простому «потомок избранного».

У меня вырвался громкий смешок.

– Извините, не принимайте на свой счет. – Я помахала рукой, кусая губы, чтобы подавить глумливую улыбку. – Название такое... говорящее. Так что, у вас тут потомки избранных продаются?

– Ну, под заказ недели через две привезу, конечно, – протянул он, почесывая острый подбородок.

Веселье как рукой сняло.

– Когда, простите? – тихо уточнила я.

– А что вы хотели, девушка? Они дорогие, капризные, требуют специального ухода, – начал перечислять с флегматичным видом продавец. – Да и стоят по тридцать динаров за штуку.

– Сколько? – У меня глаза полезли на лоб.

Выходило, что Дуся благополучно слопала почти половину нашего ежемесячного содержания. Это был самый дорогой завтрак в ее недолгой жизни! Да и в моей, пожалуй, тоже.

– В Но-Ирэ их разводят только в королевском питомнике, – пожал он плечами. – Вы же знаете, как у нас принято: редкое дешевым не бывает.

– Обалдеть, – пробормотала я и потерла переносицу.

– Я к тому, девушка, что сдалась вам эта дорогая безвкусица, – оживился продавец, вмиг отбросив снулость, и указал пальцем в стеклянный куб, где плавали мелкие полосатые рыбешки. – Возьмите лучше рыбку-клоуна.

Перед мысленным взором появился красивый круглый аквариум в гостиной Рэнсвода. Со дна тянулись тонкие бордовые водоросли, поднимались мелкие пузырьки воздуха, в золотистой подсветке нежно трепетали крыльями-плавниками сказочные потомки избранного, а между ними... затесался клоун.

– Нет! – рывкнула я, изгоняя из воображения страшный образ.

– Нет так нет, зачем голосить? – обиделся продавец. – Я от чистого сердца предложил.

– Скажите, любезный, а где-то можно купить этих химеровых рыб без заказа? Чтобы заплатить и забрать.

– В верхних кварталах есть аквариумные студии, – недовольно проворчал он. – Поищите в них, но цены там будут не в пример нашим.

– Может, адрес подскажете? – жалобно попросила я. – Понимаете, это дело жизни и смерти. Если я не куплю до вечера эту рыбку, то случится конец света.

– Вы хотите, чтобы я поделился адресом конкурентов? – изогнул брови лавочник.

– Любезный, они торгуют рыбами по цене золотых украшений. Поверьте, им целый рыбный рынок не конкурент.

– Хорошо, – неожиданно согласился тот. – Пятьдесят сантимов.

– За что? – возмутилась я.

С высокомерным видом, словно объяснял идиотке принцип сложения простых чисел, он сначала продемонстрировал вырванный из блокнота клочок бумаги, а потом самописное перо с обгрызенным кончиком.

– За расходные материалы.

– Ой, да не надо ничего расходовать. У меня такого добра навалом. – Я живенько вытащила из матерчатой сумки блокнот и грифельный карандаш. – Диктуйте!

В верхних кварталах, в отличие от нижних, уже ощущалось приближение Дня схождения лун. Улицы и витрины оделись в алый цвет – символ грядущего праздника. Между фонарными столбами растянулись гирлянды. Вокруг – ни одной привычной и милой сердцу тележки с быстрым перекусом.

Я до последнего думала, что продавец отправил меня не по нужному адресу, а в известном направлении, но он оказался порядочным парнем и даже с номером дома не обманул. Шикарная аквариумная студия нашлась быстро. В подобных местах на меня все время нападал дурацкий комплекс самозванца. Заранее чувствуя себя не в своей тарелке, я открыла дверь с изящной табличкой.

Первое, что бросилось в глаза, – блестящий мраморный пол и стены, отделанные особенным камнем, испускавшим тусклое серебристое сияние, отчего небольшое помещение казалось

наполненным холодным светом. В больших цилиндрических аквариумах вальяжно плавали экзотические рыбы, специально подобранные по цветам. Видимо, здешние клиенты выбирали безмолвных домашних питомцев исключительно из интерьерной необходимости, а не по велению души...

Вот почему бы Рэнсводу не поступить как нормальному богатому аристократу и не завести себе рыбок-клоунов? Они прекрасно вписались бы в гостиную.

– Могу я чем-то помочь? – прошелестел откуда-то сбоку вкрадчивый голос.

Возле меня стоял высокий и блеклый молодой мужчина. От продавца из квартала Восточных ворот его отличал разве что аккуратно подогнанный по фигуре костюм и идеально причесанные волосы.

– Я ищу потомка избранного, – проговорила я и для чего-то добавила: – Рыбку такую красненькую с плавниками...

Через десять минут я смотрела на красную рыбку с золотым отливом, порхающую в круглой склянке, и мысленно прощалась с деньгами. Хотя нет – с деньжищами! Умела же Дуся выбирать деликатесы.

– Скажите, а у вас нет отбраковки? – все-таки решилась высказать крутившуюся в голове мысль. – Может, с одним плавником или с погрызенным хвостиком, но подешевле? Мне, честное слово, непринципиально.

Всегда же можно сказать, что эти «избранные» в рэнсводском аквариуме подрались, доказывая, кто из них самый любимый у хозяина питомец.

– У нас рыбки самого высокого качества! – оскорбился продавец, словно лично выращивал этих доморощенных «потомков» в королевском питомнике, а потом, отрывая от сердца, как родных детей, продавал по сорок два динара за штуку.

Больше сорока динаров! Да мне хватит сгонять на горячие источники и там неделю беспробудно пировать в приличной едальной, ни в чем себе не отказывая. Но попировала Дуся, а хозяйке оставалось затянуть потуже ремень. В смысле, оставалось бы, не застегни я мамин подарок на шее гаргульи в химерову ночь, когда моя жизнь полетела этой самой гаргулье под хвост.

– Передумали брать? – любезно уточнил продавец и попытался забрать склянку.

– Ни в коем случае! – Я вцепилась в стеклянную емкость, отчего рыбка заболталась и, кажется, получила головокружение. Если, конечно, у нее в голове было чему кружиться.

– Расплатитесь чеком или прислать счет по домашнему адресу? – поинтересовался продавец.

– Наличными, – проскрипела я, вытаскивая из сумки кошель.

В особняк пришлось возвращаться пешком, потому как все деньги, до последнего сентима, и даже припрятанный в тайном кармашке динар Финиста, были уплачены за восстановление рыбьего трио в хозяйском аквариуме.

Новый «избранный» и впрямь ничем не отличался от собратьев. Более того, выжившая парочка даже не обнаружила подмены! Плавала себе спокойно, не замечая, что в стеклянном домике снова стало тесновато. Хотелось верить, что их хозяин тоже не различал их по каким-нибудь мелким пятнышкам на хвостах.

Когда численность питомцев была восстановлена, а напряжение спало, я почувствовала страшный голод. Переодевшись, спустилась вниз и обнаружила в гостиной Киара. Перекинув через локоть пальто и засунув одну руку в карман, с задумчивым видом он любовался на этих своих «потомков избранного». Или сличал?!

– Магистр, вы вернулись! – вымолвила я, по дурацкой привычке пряча руки за спину, как всегда делала, когда очень сильно нервничала.

– Добрый вечер, София, – кивнул он. – Как прошел день?

– Непривычно тихо. В компании кошки и учебников.

– Никто не приходил?

Откуда мне знать, если я весь день носилась по городу в поисках этих ваших избранных? Удивительно, что каблуки не стоптала! А уж на сколько динаров стала беднее, даже вспоминать больно. Вот как подумаю, сразу под ребрами щемит.

– Нет, а что-то случилось?

Невольно я покосилась на портьеру. Она висела ровно – не прикопаешься.

– Не то чтобы случилось... – Рэнсвод снова в задумчивости посмотрел на аквариум. – Рыбок три.

– А что вас смущает? – Я недоуменно изогнула брови.

– С утра одна сдохла.

Простите, что?! Я почувствовала, как невольно меняюсь в лице, а в груди перестает хватать воздуха. Никогда в жизни не думала, что выражение «душит жаба» окажется не просто шуткой.

– В каком смысле сдохла?

– Если тебя интересуют подробности, то всплыла брюхом вверх, – в голосе магистра, хоть он очень старался говорить серьезно, сквозила ирония. – Уже хотел написать Ричейру, что его подарок долго не прожил, а ты посмотри-ка, возродилась. Живенькая такая. Снова в аквариуме появилась.

– Я знаю, откуда взялась третья! – махнула рукой в сторону аквариума. – Вам ее принес Тайный Чародей.

– Полагаешь? – с откровенной иронией хмыкнул он.

– Конечно! – Никогда в жизни я не несла бред с такой омерзительно уверенной интонацией. – Впереди День схождения лун. На него Тайный Чародей всегда делает сюрпризы. Знаете, такое продолжение Нового года для тех, кто остался недоволен подарками.

Киар кашлянул в кулак, пытаюсь замаскировать смешок, и уточнил:

– Тайный Чародей всем приносит такие щедрые подарки?

– Только тем, кто себя хорошо вел... Но вы-то вели себя, прямо сказать, не очень. – Я перехватила его откровенно смеющийся взгляд и с умным видом напомнила об ужасах педагогики, пережитых мною лично: – Особенно со студентами! Так что Чародей просто...

– Просто что? – открыто веселился он.

Да химеров божественный слепец! Откуда мне знать? Я еще не придумала. И вообще запуталась!

– Но вы же потомок избранного. Он поощрил вас на будущие добрые дела.

– Занимательная версия, – резюмировал он.

– Мне тоже очень нравится, – согласилась я. – Вообще, это большая удача! Теперь не придется объяснять его величеству, почему королевский подарок двинул кони. Фигурально выражаясь, конечно. Рыбки-то ничего двинуть не могут...

– Ричейр утверждал, что эти твари переживут моих внуков и его, пожалуй, тоже, так что я хотел позлорадствовать.

– В таком случае просто не затягивайте с внуками и от души позлорадствуйте. – Я пожала плечами, тут же осознала, что именно ляпнула, и немедленно перевела разговор: – Кстати, как прошла ваша поездка? Что-нибудь удалось выяснить?

От задорной атмосферы не осталось и следа. Рэнсвод враз посерьезнел.

– Ничего нового, – медленно произнес он и, бросив пальто на спинку кресла, привычно шагнул к столику, где стояли графины с алкоголем. – Ничего особенного выяснить не удалось. Магический круг в замке не трогали и ритуалов не проводили.

Забывшись, он вытащил из узкого горлышка графина стеклянную пробку, но покосился на меня и вернул эту самую пробку на место. Мысль, что выпивать при юных институтках непедагогично, по всей видимости, по-прежнему его не отпускала. Выглядел Рэнсвод при этом откровенно разочарованным.

– Похоже, мы действительно стали жертвами любовного проклятия. Это настолько нелепо, что даже не вызывает раздражения, одно недоумение. – Он растер лицо ладонями и спросил: – У меня есть полчаса? Или нужно сейчас...

И чтобы ты потом свалился без сознания от этого своего адского слияния? Пожалуй, на сегодня хватит с меня и рыбной трагедии. Второго магистра Киара Рэнсвода в торговом доме точно не купишь.

– Пока все хорошо, – уверила я и невольно повела плечом, с удивлением отмечая, что практически не ощущаю привычной ломоты. – Вы голодны? Хочу приготовить омлет.

– На меня не рассчитывай, – отказался он, поднимая с кресла пальто. – Кстати, я сегодня накормил твою кошку рыбой.

– Той, которая сдохла? – вырвалось у меня.

– Твоя аристократка, конечно, пыталась вытащить ее из мусорного короба, но я решил, что кусок лосося подойдет больше.

Что ж ты записку-то не оставил, дескать, Дусэя накормлена, как королева, и ни один потомок избранного от ее когтей не пострадал? Сэкономил бы мне прорву денег и столько же нервов.

Магистр двинулся к открытым дверям гостиной, но притормозил и повернулся.

– София, позволь тебе дать совет.

Я согласно кивнула.

– Женщина должна готовить только для одного мужчины: своего мужа.

Неожиданная, прямо сказать, мудрость. Не пойму, он пытается изящно намекнуть, что успел набить торбу где-то по дороге от замка до дома? И отлично! Все равно я готовлю весьма посредственно, а без кулинарной книги частенько и вовсе получается малосъедобная белиберда.

– Почему? – искренне заинтересовалась я.

– Мужчины легко приходят к выводу, что хороши сами по себе и без брачных нитей. Зачем ему жениться, если он и так получает все привилегии?

Какая свежая мысль! Даже не понимаю, как прежде существовала без этого важного знания.

– Благодарю за совет, магистр, – мило улыбнулась я. – Если что, вам не о чем беспокоиться: я предложила ужин просто из вежливости, но обещаю пронести мудрость старшего поколения через всю свою жизнь.

– Все-таки ты язва, – беззлобно хмыкнул он и отправился в свои покои.

* * *

На следующее утро я стояла на балконе тренировочного зала и сквозь защитный купол следила, как капитан команды по турнирной магии Эзра Ходж пытается справиться с моей ловкой подругой.

Полог, страхующий зрителей от случайных заклятий, приглушал цвета. Фигуры внизу, в турнирном кругу, казались блеклыми, словно я смотрела на них через запыленное стекло. Ослепительные вспышки боевой магии тоже не вызвали желания прикрыть глаза ладонью. Лишь кипенно-белые ленты в косицах у Альмы оставались нахально яркими.

Она была великолепна, настоящая воительница! Играючи управлялась с тяжелым тренировочным шестом, то и дело вспыхивающим от незнакомых мне заклятий. Атаковала, легко парировала выпады противника.

За их спаррингом следили все, и в зале царил страшный галдеж, словно парни превратились в крикливых скандальных чаек.

Финист был тут же. Он что-то прихлебывал из термоса и переговаривался с партнером по тренировке. Спрятанная за пологом, я любовалась его атлетической поджарой фигурой. Ему невероятно шла спортивная форма с гербом академии на рукаве. Светлые волосы были забраны под тонкий ободок и смешно топорщились на макушке, словно гребень у ошетиненной драконовой химеры.

В общем, я залюбовалась и пропустила момент, когда Альма опрокинула капитана. Эзра грохнулся на спину. Народ взорвался одобрительными выкриками. А подруга, прокрутив в руке шест, словно он ничего не весил, приставила один конец к горлу поверженного противника. Лица ее было не видно, но, подозреваю, айтэрийка торжествующе ухмылялась.

Она что-то сказала. Неожиданно Эзра схватился за шест двумя руками, с силой дернул на себя, и Альма рухнула на капитана сверху. Не будь дураком, он обхватил ее за пояс руками, не давая подняться.

Под хохот товарищей по команде моя подруга возилась, пыталась вырваться, пиналась, но оставалась в горизонтальной плоскости, крепко-накрепко прижатая к парню.

– Да какого демона вы тут устроили?! – завопил магистр, внезапно возникший на арене. – Ходж, Сатти! Если вам нейдет, закройте в раздевалке!

Эзра немедленно расставил руки, освобождая пыхтящую от ярости воительницу. Поднимаясь, та специально уперлась коленкой ему в живот, вызвав приступ сдавленного смеха. Вскочив на ноги, Альма от души пнула парня по голени носком тренировочного ботинка.

– Чокнутая ведьма! – Он поджал ноги. – Я пошутил!

Подруга выругалась по-ай-тэрийски и, сердито убирая с лица растрепанные волосы, зашагала к брошенной на лавке сумке.

– На сегодня я закончила, – без особенного пиетета рыкнула она магистру, проходя мимо.

Останавливать он ее не стал. Видимо, на собственном опыте знал, какие внезапные и упрямые женщины в гневе.

Подозревая, что подруга будет кипеть, как оставленный на очаге чайник, я дожидалась ее возле раздевалки. Наконец дверь широко

распахнулась, и в коридор вывалилась Альма в учебной мантии. Косы были заново переплетены.

– Ты видела?! – вместо приветствия выпалила она. – За кого меня принимает этот Эзра Ходж? За девчонку?

– Ты и есть девочка, – хмыкнула я и протянула ей заранее вытащенный из сумки термос с горячим ягодным морсом.

– Почему ты его все время защищаешь? – сощурилась Альма, забирая термос.

– Я его вовсе не защищаю. Просто думаю, что вы друг другу отлично подходите, – развеселилась я. – Из вас выйдет хорошая пара.

– Как только в голову пришла такая ересь? – возмутилась она. – Даже если свихнуться и предположить, что мы неожиданно сойдемся, то – уверена! – все закончится смертоубийством. Он сделает какую-нибудь бесящую штуку, я его прикопаю и сбегу из Шай-Эра на историческую родину.

– Альма, не хочу тебя расстраивать, но вы друг к другу неровно дышите. По-моему, это очевидно абсолютно всем, кроме вас двоих.

– Только что предки Сатти поперхнулись всем конклавом, – проворчала она. – Перестань нести чушь и расскажи, как прошли первые рабочие выходные?

– Сначала суетливо, а потом еще и разорительно. – Я сжато пересказала приключения, поджидавшие меня в доме Рэнсвода.

– Старик выставил штраф в первый день?

– Не спрашивай, – вздохнула я. – Мне больно вспоминать.

Центральный холл академии за выходные успел нарядиться в красный цвет скорого праздника. На светлых стенах появились иллюзорные алые цветы, а между колонн установили большой сундук для игры в «Тайного Чародея». Круглую высокую тумбу для объявлений обклеили листовками о грядущем бале, на котором обычно проводили отбор на роль Лунной Девы.

– До бала осталось всего десять дней! Не забывайте голосовать за своих друзей, – сунув нам с Альмой по листовке, бодренько отрапортовал одетый в красный жилет первокурсник. – Имена кандидатов объявят в следующий понедельник.

– Лея сказала, что Тею собираются выдвинуть на отбор Лунной Девы. Хочу поддержать, – помахала листовкой Альма. – Тебя отпустят на вечер?

– Не уверена, – откровенно приврала я, мысленно порадовавшись, что появился отличный предлог пропустить сборище. Терпеть не могу глупые балы!

В прошлом году подруги уломали меня сходить на праздник схождения лун. Я купила красное платье, сделала прическу, полный макияж и собиралась мелькать перед Финистом подретушированным ликом. Однако еще до официального открытия наткнулась на него, со вкусом целующего хорошенькую выпускницу, и страшно расстроилась.

Вечер вышел тухлый: отбор прошел скучно, а приглашенный оркестр играл устаревшие мелодии юности моей мамы. Хотя у Альмы-то, конечно, остались радужные воспоминания – ей понравилось все.

– А сегодня? – вдруг спросила она. – Ты сможешь вырваться на полчаса? Команда собирается в едальной. Пойдем со мной?

– Не уверена, что смогу, – покачала я головой, напомнив самой себе, что после рыбного конфуза решила затянуть потуже пояс. Лучше тонкая талия сейчас, чем протянутые ноги – в конце месяца.

– Они позвали меня в первый раз за четыре года!

– Там не будет других девушек? – усомнилась я.

– Наверняка будут, но я-то айтэрийка. Понимаешь? Мне просто необходим рядом человек, который не станет коситься. Посидим всего полчаса, а потом полетишь разбирать письма к своему профессору.

– Магистру, – поправила я со смешком.

– Пожалуйста, София! – Альма состроила умоляющие глаза.

Ладно, вряд ли меня разорит одна чашка чая в недорогой едальной.

– На полчаса, думаю, можно задержаться, – сдалась я.

В лектории, где проходили лекции по высшей магии, оказалось непривычно пусто. Скрипящая дверь закрипела как-то по-особенному истошно, и этот стонущий звук разнесся в гулком пространстве, не погашенный привычным гулом голосов.

Возле доски за преподавательской кафедрой, заложив руки за спину, стоял тот самый магистр, которому помощник Дрю на прошлой неделе проводил экскурсию. Рыжие волосы были собраны в низкий хвост, а черный костюм делал его похожим на служителя тайной канцелярии. Или еще гробовщика. Он проткнул нас острым взглядом, словно нанизал букашек на иголку.

– Здравствуйте, – нестройно поздоровались мы.

Новый магистр холодно кивнул и начал разглядывать что-то в большом окне. Стараясь не тревожить царящей тишины, словно бессовестно опоздали, хотя до начала оставалось минут десять, мы с Альмой прошмыгнули на привычные места.

Оставшееся время аудитория заполнялась студентами в зеленых мантиях. Похоже, вольнослушатели были с лекций изгнаны. И едва по коридорам академии разнесся часовой бой, оповестивший о начале первого занятия, как дверь захлопнулась, даже не скрипнув, а как-то жалобно ойкнув. В воцарившемся настороженном безмолвии громко щелкнул запертый замок.

– С этого дня все, кто не успел войти в лекторий до начала, остаются в коридоре, – объявил магистр. Голос у него оказался резкий, как будто раздраженный. – Лекции теперь закрытые. Никаких вольнослушателей. Считаю, что человек, не сумевший пройти конкурс в академию общей магии, не самую выдающуюся, будем честны, в нашем королевстве, не может рассчитывать на магию высшую. Вопросы есть?

Магистр, а что вы забыли в нашей не слишком выдающейся академии?

– Меня зовут магистр Эйван Сэт, – представился он.

На черной грифельной доске за его спиной сами собой начертались крупные символы первородного языка неразборчивым, агрессивным почерком.

– «Сэт», как «избранный», – указал преподаватель пальцем на свою фамилию, – не путайте со «змеем». Я этого сильно не люблю.

Откуда вокруг меня появилось столько избранных? Не было ни одного, а тут – целая толпа. Даже аквариумные рыбки – и те особенные, с вывертом! Только я одна среди этого цветника самая обычная. Почему же страдаю, как избранная?

– Господа студенты, у меня отличная новость: вы начинаете изучать слияние, – разносился голос магистра в ошарашенной тишине. – Вводную лекцию вам по конспекту зачитали, так что приступаем к основным принципам. К практикуму вы должны выучить их наизусть.

Очнулась я только в конце занятия, когда очередной часовой бой напомнил, что можно расслабиться. Грифельная доска была усеяна

многочисленными схемами, не идеально ровными, как у Рэнсвода, а мелкими, кривоватыми. Перерисовывать их было настоящим мучением.

Где-то в середине лекции аудитория сдалась и заколдовала перья, сделав их в прямом смысле самописными. Мое так и вовсе конспектировало за этим «змеиным избранным» даже случайные слова. Потом разберусь, лишь бы ничего не пропустить!

— Теперь я понимаю, почему он ткнул пальцем в свою фамилию, — покачала головой Альма, когда мы вышли из лектория. — Спорим, его везде называют змеем, и это вообще не оговорка!

После потрясения от Эйвана Змея остальные занятия пронеслись как на одном вздохе. В четыре часа, когда на улице начало смеркаться, мы с подругой вышли из академических ворот.

— Мы правда ненадолго, — уверяла она, стискивая мой локоть так крепко, словно на полдороге я могла передумать и сбежать.

Едальная на повороте к почтовой площади считалась самой приличной из тех, что находились близко к академии. Кормили в ней действительно вкусно, и мы с девочками сюда наведывались, когда им приходила стипендия, а мне — перевод из дома. Но было удивительно, что команда по турнирной магии выбрала место для парочек, а не какую-нибудь уличную тележку, где за пару динаров можно купить не только закуски, но и кувшин горячего пряного вина. Обычно его разливали половниками из большого чана.

Мы с подругой вошли в обеденный зал, украшенный ко Дню схождения лун, и осмотрелись. Бравых боевых магов, обычно кутящих шумно до неприличия, было не слышно и, собственно, не видно. Только за одним из столов сидел исключительно приличный Финист с такой же пристойной чашкой кофе.

— А где остальные? — тихо спросила я.

— Наверное, передумали приходить, — невозмутимо предположила Альма, хотя дурак бы понял, что бессовестно врала.

Тут северянин нас заметил и с улыбкой помахал рукой, подзывая к столу.

— Ладно, ты иди к нему, а мне надо на тренировку. — Айтэрийка даже чуточку подтолкнула меня в нужном направлении. — Знаю, что ты сейчас страшно благодарна, но не благодари — Финист меня подкупил.

Сказал, что вызовет в турнирный круг проклятого Эзру Ходжа и начистит ему кофейник, поэтому не смей убегать. Удачи, подруга!

Не успела я опомниться или смутиться, как за ней хлопнула дверь. В лицо пахнуло потоком холодного воздуха, и суматошно закачались алые сердечки из фетра, свисающие с потолочных балок на блестящих нитках.

Оставалось пересечь зал и остановиться напротив Финиста.

– Ты серьезно стоворился с моей подругой?

– Решил действовать наверняка, совершенно неуловимая София, – нахально улыбнулся он.

Я начала снимать пальто и краем глаза невольно заметила движение сбоку. Господин, сидящий за столом в самом углу, опустил открытую газету. Обнаружилось, что за ней, как за щитом, прятался Рэнсвод. Встретившись с ним глазами, я замерла на мгновение. Он перевел любопытный взор на Финиста, как-то очень странно усмехнулся и снова спрятался за газетой.

Чувствуя себя по-дурацки, словно на встрече с парнем мечты притащилась и моя матушка, а теперь исподтишка подглядывала, что за мечта такая, я повесила пальто на спинку стула и уселась.

Невольно представила, как мы с Финистом выглядим со стороны: красивый парень и студентка из заучек, упакованная в академическую форму с гербом факультета бытовой магии на рукаве. Кто посмотрит, решит, что северянин покупает у отличницы готовую курсовую работу. Но ведь не станешь стягивать мантию посреди едальной.

Некоторое время мы просто переглядывались.

– Что-нибудь будешь? – спросил он, видимо, чтобы прервать молчание. – Кофе?

– Чай без аскарома! – резко выпалила я и зачем-то покосилась на Рэнсвода на другом конце обеденного зала. Хотя он ничего не делал, даже не выглядывал из-за своей газеты, но все равно его присутствие довлело.

Пока Финист с неожиданным азартом выяснял, в какой чай не добавляют энергетические ягоды, Рэнсводу принесли высокую башню, сложенную из узких прямоугольных ящичков с закусками.

Тихо поблагодарив худенькую подавальщицу, магистр свернул газету и поднялся из-за стола. Он прошел мимо нас, не бросив даже

мимолетного взгляда. Я не увидела, только представила, как за ним закрылась дверь, и перевела дыхание.

Финист и вовсе не заметил бывшего преподавателя. Все-таки договорившись о напитках, он сосредоточился на мне:

– А знаешь, Грандэ, давай сыграем на деньги!

Он первым сунул руку в карман и высыпал в блюдце из-под кофейной чашки горку медяшек по сантиметру.

– Ладно, – заинтригованно протянула я и достала мелочь, с незапамятных времен болтавшуюся в кармане мантии.

Монетки с трудом уместились в маленькой тарелочке и только чудом не рассыпались по столу.

– Это мой динар? – не догадываясь, что наступает девушке на большую мозоль, уточнил Финист.

– Твой динар был инвестирован в рыбное хозяйство, – с умным видом ответила я. – Это проценты, которые ты заработал за выходные.

Парень ухмыльнулся:

– Ты очень забавно шутишь.

– Не поверишь, но я говорю серьезно, – уверила я. – Что за игра?

– Правила простые: каждый рассказывает о себе какой-нибудь факт и берет за это одну монету. Проигрывает тот, у кого первым заканчиваются идеи. Так делают на свиданиях вслепую. Ходила?

– Сегодня впервые.

– У нас не свидание вслепую, – улыбнулся он. – У нас встреча-сюрприз партнеров по высшей магии.

– Хорошо, партнер. – Я кивнула на горку монеток. – Начинай.

Он взял монетку и положил ее рядом с собой.

– Я родился в норсентской дыре, но родители, спасибо божественному слепцу, решили переехать в столицу Шай-Эра.

– А я из Ист-Орса, милой дыры возле восточного склона Крушвейской гряды. – Я тоже переложила к себе мелкую монетку. – Но мне там нравится. В провинции уютнее, чем в Но-Ирэ.

– После диплома я собираюсь на королевскую службу, – вдруг по-настоящему удивил он. Мне-то казалось, что студенты из верхних кварталов, наоборот, всеми силами пытаются избежать пятилетней кабалы.

– Ну, а я отказалась от стипендии, чтобы потом не отрабатывать перед казной обучение.

– А как же опыт и все такое прочее? – подколот он.

– Опыта будет и так предостаточно. У нас семейная магическая лавка.

– Мне не нравится турнирная магия, – признался он, перекладывая монетку.

– Зачем ты тогда ею занимаешься? – любопытствовала я.

– Чтобы держать себя в форме. – Финист кивнул на мелеющую горку в блюде. – Твоя очередь.

– Учиться интересно, но больше всего я боюсь профукать семейные деньги. – К остальным моим медяшкам прибавилась еще одна. – Теперь ты.

Кончиком пальца Берт подвинул к себе одну монетку, словно раздумывал, что еще рассказать о себе правдивого, но не слишком личного – мы же не близкие друзья.

– Я собираюсь пригласить тебя на бал, – вкрадчиво проговорил он и бросил на меня взгляд из-под ресниц. – Чем ответишь?

По спине бежали мурашки, пульс забился с несовместимой с жизнью частотой, сердце ему отвечало заполошным стуком. Может, к демонам Рэнсвода? Он же не просил меня надеть рубище и запереться в особняке, как затворница...

Я медленно достала из блюда сантим, покрутила между пальцами. И в этот душещипательный момент, когда я уже открыла рот, чтобы согласиться, на всю едальную заголосили:

– Берт!

– Финист, а мы тебя обыскались! – дружным хором зачирикали женские голоса.

Мгновенно забывая об игре, он гостеприимно махнул друзьям рукой.

Понятно, что десять человек за столик на двоих не поместились бы, даже если все дружно впечатали бы локти в бока. Очень шустро нас захватил коллективный вихрь: сдвинули столы, поставили стулья.

Оказавшись стиснутой между совершенно незнакомыми девушками, я вжалась в спинку, лишь бы не мешать им переговариваться. Улучив момент, пока народ терзал подавальщицу, тихонечко поднялась, подхватила вещи и отправилась на выход, никем не замеченная.

На улице морозило. Круглые часы, торчащие на фонарном столбе, ехидно указывали, что свидание действительно длилось всего полчаса. На ходу застегивая пальто, я пошла к академическим воротам, возле которых обычно змеилась очередь из недорогих наемных экипажей.

– Эй, Грандэ! – послышался оклик.

Притормозив, я обернулась. Финист пересекал разделяющее нас расстояние большими поспешными шагами. Он выскочил из едальной как был, в полосатом джемпере.

– Почему ты ушла? – Стараясь спастись от кусачего холода, Берт сунул руки в карманы брюк, от дыхания шел влажный пар. – Из-за ребят?

– Мне уже пора, – неопределенно кивнула в сторону академии.

В разговоре снова возникла дурацкая пауза. Северянин смотрел сверху вниз, я стеснялась встретиться с ним глазами и любовалась выскобленной до темно-серого камня мостовой под ногами.

– Когда ты ответишь на мой вопрос? – вдруг спросил Финист.

– Вопрос? – Я удивленно подняла голову.

– Умница Грандэ, ты будешь моей девушкой на балу? Можем пойти как партнеры по высшей магии. Пусть все поразятся, какая у нас крепкая команда! – Он широко улыбнулся, кажется, позабавив самого себя этой абсурдной мыслью.

Я вдруг поняла, что тоже улыбаюсь, и от мороза неприятно лопнула нижняя губа.

– Ладно. Приглашение принято.

– Да? – Кажется, он не ожидал быстрой капитуляции и по-настоящему удивился. – Отлично! Нет, правда здорово!

– Ага.

И мы в очередной раз примолкли.

– Я тогда пойду? – Он вытащил из кармана руку и указал большим пальцем себе за плечо. – А то холодно.

– Да-да, иди! – поспешно отправила я будущего партнера (парня или кого там) по танцам обратно в тепло.

– Или, может, тебя проводить? – Он кивнул в сторону взбегающей на холм узкой улочки и шмыгнул носом.

– Не надо героически обмерзать, – отказалась я. – Мне все равно не в общежитие.

— Тогда до завтра. — Вжав шею в плечи, чтобы спастись от мороза, мелкими шагами он зачастил к дверям едальной, но вдруг повернулся и громко проговорил: — Ты согласилась, Грандэ! Не забудь!

Как же забыть? Огромная, как воздухоплавательный шар, мысль, что Финист Берт действительно позвал меня на праздничный бал, никак не хотела помещаться в голове. Я семенила, словно во сне, и не сразу осознала, что по мостовой тихонечко катится неприметная карета.

Кучер натянул поводья, экипаж остановился, заставив меня на всякий случай отодвинуться к зданию. Дверца приоткрылась. В проем выглянул Рэнсвод и скомандовал мягким негромким голосом:

— Забирайся.

Башня из ящичков была пристроена на сиденье рядом с магистром. В салоне пахло пряной едой.

— Вы меня ждали?

— Не хотел, чтобы ты поздно возвращалась одна, но вы как-то быстро управились.

Перед мысленным взором немедленно возникла толпа народа, ворвавшаяся на наши душевные посиделки. Они не спросили разрешения, а Финист не раздумывая превратил свидание в вечеринку. Да и заказанный чай без аскарома так шустро разлили по чашкам другим девушкам, что глазом не успела моргнуть. Не то чтобы мне обидно, но — демоны дери! — все-таки обидно.

— А в едальной вы как оказались? — от всколыхнувшегося раздражения резковато спросила я.

Не думала, что Рэнсвод ответит, но он пояснил:

— Заезжал в академию за бумагами и спросил у Дрю, где поблизости прилично кормят. Он отправил меня в эту едальную. Наверняка твое коронное блюдо великолепно, но ты же не можешь им питаться постоянно.

— Какое коронное блюдо? — нахмурилась я.

— Омлет, — хмыкнул он.

Хотела сумничать, что вообще-то омлет можно приготовить с разными начинками, но просто поблагодарила:

— Спасибо, магистр.

Глава 5

Чистое сияние высшей магии

На следующее утро в гордом одиночестве я стояла в просторном зале, где обычно проводили практические занятия по магии, и нервно поглядывала на двери. Ни Альма, ни Финист не появились.

Из узких стрельчатых окон струился серый свет хмурого дня. В гулком пространстве разносились осторожные разговоры однокурсников. Все гадали, чего ждать от нового магистра, но сходились в едином мнении, что точно ничего хорошего.

Лучшая подруга влетела в зал за пять минут до начала. Растрепанная, в расстегнутой мантии и в спортивной форме. На ходу махнув мне рукой, она кинулась к полкам в углу, кое-как запихнула в открытую ячейку вещи и шустро подошла.

– Успела! – выдохнула она. – Не поверишь: перепутала залы.

Вообще-то, выглядело так, будто по дороге Альма с кем-то подралась, но я мудро промолчала.

– И как? – Она многозначительно изогнула брови.

– Ты выглядишь запыхавшейся.

– Да я про вчерашний вечер! – Айтэрийка закатила глаза. – Удалось свидание?

Я пожала плечами, дескать, ничего особенного, и небрежно бросила:

– Финист пригласил меня на бал.

– Обалдеть! – завопила подруга, и народ покосился на нас как на умалишенных. – Скажи своей фее-крестной спасибо.

– Спасибо, фея-крестная. Кстати, свидание вышло не очень.

– Наплевать, главное, каков результат! Где, кстати, сейчас твой парень? – Альма огляделась. – На арене его тоже не было, но он приходит на тренировки через раз, так что никто не удивился.

– Не знаю, он с утра мне записки не присылает. – Я с тревогой посмотрела на двери, в которых как раз появился магистр Сэт.

Створки за его спиной эффектно захлопнулись. Новый преподаватель, похожий на черную ворону, но с неожиданно рыжей головой, широким шагом направился в центр зала. Он утвердился

перед нами, расставив ноги на ширину плеч, как генерал на построении, и три раза громко хлопнул в ладоши, словно никто не заметил его прихода.

– Господа студенты, затихаем и начинаем.

«Господа студенты» прикусили языки еще во время его красивого прохода, так что оставалось только начинать.

– Вы уже выбрали себе партнеров, и я не собираюсь оспаривать ваше решение. – Магистр махнул рукой. – Разделяйтесь!

Превосходно!

Народ зашуршал, расходясь в разные стороны. Альма отошла к старосте. Они оба оказались без партнера, так что пришлось двум одиночкам составить пару. Я осталась одна, чувствуя себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Где ваш партнер? – раздраженно спросил Сэт.

Внутреннее чутье подсказывало, что нейтральное «хотелось бы мне знать» его точно не устроит.

– Отсутствует по семейным обстоятельствам, – выдала я первое, что пришло в голову.

– Как вас зовут? – Он встал напротив меня.

– София Грандэ, господин магистр.

– Второе «превосходно» на этом потоке, – кивнул Сэт, пронзив меня острым взглядом. – А где первое?

Он оглядел моих однокурсников, но никто не открыл рта.

– У него как раз семейные обстоятельства, – вздохнула я, понимая, что придется отдуваться за нас двоих с Финистом.

– В таком случае, госпожа Грандэ, сегодня я буду вашим партнером. У вас, конечно, красивые глаза, но искренне надеюсь, что мой предшественник поставил вам «превосходно» не за них.

Кто-то за моей спиной, очевидно, наслышанный о сожженном пальто, прыснул издевательским смехом.

– Что смешного я сказал? – Распиливающий взгляд Сэта переместился с меня на весельчака. – Рассказывайте. Будем смеяться вместе.

– Она подожгла пальто Рэнсвода, – с трудом сдерживая смех, немедленно проговорил тот.

Неожиданно губы магистра изогнула издевательская улыбка.

– Госпожа Грандэ, вы мне уже нравитесь.

В толпе однокурсников раздались осторожные смешки.

– А вы все – нет! – рявкнул он, и в зале снова поселилась испуганная тишина. – А сейчас самый смешливый перечислит принципы слияния.

Раздалось невнятное бормотание.

– «Отвратительно» за первый практикум в этом полугодии, – спокойно заключил Сэт. – Следующий.

У меня не было слов. Я просила гаргулий вместо Рэнсвода ниспослать нам кого-нибудь нормального. Что именно они не расслышали в этой простой фразе и прислали ненормального Эйвана Змея?

– Госпожа Грандэ? – Он повернулся ко мне.

Удивительно, но слова тут же появились. К счастью, нужные.

Я отчеканила вызубренные накануне правила, словно секретное донесение: быстро, четко и без запинок. На одном дыхании. В конце воздух, правда, закончился, так что звуки выдавливала.

– С теорией закончили! – сжалился он над теми, до кого не дошла очередь, и кивком приказал мне выйти.

Вспоминая Финиста «добрым» словом, я встала перед однокурсниками и сцепила в замок нервно дрожащие руки. Закладывая вокруг меня круги, резким громким голосом Змей начал рассказывать, что слияние позволяет создавать общие заклятия, усиливать партнера.

– И делиться резервом, – добавил он, бросив на меня острый взгляд, словно знал, что каждый день за закрытыми дверями мы с Рэнсводом успешно делимся этим самым резервом. – Но это настолько высокая магия, что вряд ли вы до нее когда-нибудь доберетесь, господа бытовики. Создайте световой шар, госпожа Грандэ. Начнем с азов.

Я призвала мгновенно забурлившую магию. Сквозь сжатые пальцы вырвались лучи яркого света. Очевидно, что усердствовать не стоило, но сила первородного огня буквально рвалась наружу, желая озарить огромный мрачный зал с хмурыми тенями по углам. Притушив яркость, я раскрыла кулак, и аккуратный шар, постепенно раздуваясь в размере, завис между нами с магистром.

В следующий момент Сэт протянул руку, без страха огладил светляк. Нас учили держаться на расстоянии от созданных другим магом заклятий, но преподаватель спокойно подхватил шар. По залу разнесся единодушно-удивленный вздох. Магия медленно таяла на его

ладони, бледнела. И испарилась без следа, не причинив ровным счетом никакого вреда.

– Научитесь прикасаться к чужой магии, – проговорил он в изумленном молчании зрительного зала, и на его ладони вспыхнула идеально ровная сфера. – Возьмите, госпожа Грандэ.

Я с опаской протянула подрагивающие от напряжения руки.

– Сопротивляться – естественно, – повторил он слова Рэнсвода, сказанные недавно за ужином, а потом добавил от себя: – Но игнорируйте этот вдолбленный в голову инстинкт.

Шар скользнул в мои сложенные лодочкой ладони. Казалось, магия осторожно и податливо прикоснется к рукам, но она шарахнула с такой агрессивной силой, что странно, как не встали дыбом волосы. Вот бы, наверное, была умора.

– Химерово отродье! – в сердцах выругалась я так громко, что, наверное, услышали даже в коридоре.

Издавательское эхо подхватило вопль, вознесло к высоченному потолку, и воцарилась гробовая тишина. Погасив мерцающий в воздухе шар щелчком пальцев, с потрясающим спокойствием Сэт резюмировал:

– «Отвратительно» за это занятие, госпожа Грандэ.

Он отвернулся, всем видом показывая, что потерял интерес к неумехе, и скомандовал:

– Пробуйте, господа бытовики. У вас два часа, чтобы научиться принимать чужую магию если не с радостью, то хотя бы без бранных ругательств.

Я стояла как дура, не понимая, куда себя деть и что делать, и ловила себя на том, что постоянно обтираю о мантию зудящие ладони. В крови гудел первородный огонь, плечо безбожно ломило. Понятия не имею, чего добивался этот «избранный змей», когда вливал в обычный светляк столько силы, что хватило бы осветить переулок, но прикасаться к его магии было больно и неприятно.

Он искоса глянул на меня.

– Не замирайте, госпожа Грандэ. Идите. Ваше занятие закончено.

Рэнсвод мне казался наместником высшего демона на земле? Ха-ха три раза! Просто раньше мы не были лично знакомы с Эйваном Змеем.

– Почему? – вырвалось у меня. Не иначе как от удара чужим заклятием случилось помутнение рассудка.

– У вас же нет партнера, – кривовато усмехнулся он. – Как вы собираетесь выполнять упражнение?

С непроницаемым видом я направилась к стеллажам с вещами.

– Господа бытовики, в следующий раз вы заходите в этот зал или с партнером, или вообще не заходите. Это всем ясно?

Ответом послужил нестройный хор унылых голосов.

До конца занятий дотянуть не вышло. К вечеру сила совершенно перестала слушаться, и последний практикум по бытовой магии грозил перерасти не в копошение с веревочками, а в магическую катастрофу. Наскоро попрощавшись с Альмой, я сбежала домой – в смысле, домой к Рэнсводу.

Стрелой пронесшись по комнатам, ворвалась в кабинет. Обстановка в нем царила умиротворенная. На диване, уютно свернувшись клубочком, дремала Дуся. Сам магистр читал за столом какую-то потрепанную временем рукопись. В воздухе остро пахло дорогим табаком. С той ночи на крыше преподавательской башни Киар при мне не курил, но вторжение в его уголья определенно оказалось внезапным.

Не произнося ни слова, я швырнула пальто на диван и схватилась за застёжки на мантии. Обалдевшая кошка соскочила на пол. Рэнсвод не донес до рта дымящуюся тонкую сигариллу. Сняв ее в большой хрустальной пепельнице, он поднялся из-за стола и с сочувствием уточнил:

– Настолько плохо?

– Мягко сказано.

Напрочь забыв, что надо бы стыдливо повернуться спиной, я спустила с плеча широкий ворот...

Не знаю, что именно изменилось, но после сегодняшнего слияния магии Киар, похоже, не почувствовал ставшую привычной слабость. Деликатным, вкрадчивым движением поправил мне блузку и спросил мягким голосом:

– Что у тебя сегодня стряслось?

– Практикум по высшей магии, – со вздохом отозвалась я и оглянулась через плечо: – Вы знакомы с нашим новым преподавателем?

– Эйваном Сэтом? – Рэнсвод изогнул брови. – Он мой бывший однокурсник. Превосходный маг и очень хотел получить эту должность. Что-то не так?

– По сравнению с ним вы были настоящей душкой! – объявила я. – Если что, это не от слова «душила», а от «душевного человека».

– То есть ты мне сделала комплимент? – в его словах сквозила ирония.

– Еще какой! – Я сгребла с дивана вещи. – Кстати, как Дусэя оказалась в кабинете?

– Твоя Дуся, – со смаком он подчеркнул плебейское имечко хвостатой аристократки, – орала под дверь. Жестоко оставлять животное взаперти.

– Вы сильно рискуете. Если она сожрет рыбок, то вряд ли Тайный Чародей расщедрится на новых, – намекнула я, что потери «избранных» окажутся невосполнимы. По крайней мере, не за счет моего кошелька.

– Полагаю, Тайному Чародею и в первый раз не стоило суетиться.

– Вы буквально прочитали мои мысли! – совершенно искренне согласилась я со здравым утверждением. – Пойду переоденусь.

Я вышла, но вновь вернулась и заглянула в кабинет. Магистр подносил ко рту новую сигариллу и с обреченным видом смял ее в кулаке.

– Что? – коротко спросил он.

– Добрый вечер, магистр, – наконец поздоровалась я.

Лицо Рэнсвода все-таки озарила та самая улыбка, превращавшая его в преступно привлекательного мужчину. Хотя – надо признать – он и хмурым был ничего.

– И тебе, София.

Ранний ужин прошел в компании Дуси. Даже стол не стала накрывать, просто положила в тарелку и слопала с аппетитом все, что на ней было, стоя возле кухонного прилавка. Потом засела за теорию магической механики и снова попала в студенческий ад, когда вроде слова в задаче знакомые, а как будто написаны на азрийском языке.

Исчеркав четыре листа, я с раздражением швырнула самописное перо на стол. И тут в голову пришла гениальная мысль: у меня же в доме целый неоприходованный магистр сидит! Всяко он разбирается в теории магических механизмов лучше запутавшейся девушки.

Как говорит моя мама, если чего-то хочешь добиться от мужчины – действуй хитростью. Я и не торопилась вламываться к Рэнсводу с горой учебников, оставила стопку на тумбе в коридоре и сварила крепкий черный кофе. Прежде чем войти, с самым кротким видом постучалась в кабинет и тихонечко приоткрыла дверь.

– Магистр, чем занимаетесь?

– Заходи.

Положив ногу на ногу, Рэнсвод сидел на диване и читал все тот же фолиант. С большим любопытством он проследил, как я аккуратно пристроила поднос на низкий столик.

– Я сварила вам кофе.

– Какой предмет? – без экивоков спросил магистр.

– Магическая механика, – не стала я юлить.

– Даже не высшая магия?

– Ой, до высшей магии мы тоже доберемся! – немедленно уверила его. – Несу книги?

– Неси, – с улыбкой кивнул он и потянулся за чашкой, а когда я вернулась с учебниками, протянул: – Ты варишь превосходный кофе.

– Не хочу хвастать, но это вы еще мой омлет не пробовали! – пробормотала я и пристроила стопку книг на стол, а себя – на диван возле магистра.

– Показывай, – скомандовал он, возвращая почти пустую чашечку на блюдце.

Пока Рэнсвод не передумал помогать, я открыла заложенный грифельным карандашом учебник и ткнула пальцем:

– Здесь.

Что ж, в теории магических механизмов мой бывший преподаватель разбирался так же превосходно, как и в заклетах высшего порядка, до которых бытовикам никогда не дотянуться. Наверное, из него вышел бы превосходный артефактор.

Он объяснял с текучей интонацией, остро наточенным карандашом рисовал аккуратные схемы, выводил тонкие стрелочки, терпеливо отвечал на вопросы – полная противоположность Рэнсводу в академии!

– Попробуй следующую решить сама, – предложил он, возвращая мне карандаш.

Я соскользнула с дивана и, усевшись на колени перед низким столиком, прислонила учебник к пирамиде из книжек.

На некоторое время кабинет погрузился в молчание. Киар вернулся к чтению, а я выводила ровные столбики и строчки закорючек на чистом листе.

– Нет, постой, – вдруг произнес магистр над моей макушкой. – Здесь неверно.

Она нагнулась, чтобы показать ошибку, и невольно прислонилась грудью к моей спине. Вовсе не тесно, но я замерла от острого ощущения его близости, от запаха мужского благовония, того самого, что в прошлый раз витал в комнате. Пытаясь сосредоточиться на задаче, я исправила ошибку и спросила:

– Теперь верно?

– Да. – Он отодвинулся, и ко мне в легкие снова начал поступать воздух. – У тебя красивый почерк.

– Однажды на занятии вы сказали, что я пишу как гаргуля задней лапой. – Я обернулась к нему. – Все-таки, почему вы все время меня ругали? Я действительно была настолько плоха?

– Не всегда, – не пытаюсь избегать прямого взгляда, ответил он. – Но если мяч ударить о пол, то он подскочит вверх. Чем сильнее ударишь, тем выше подлетит мяч.

– Еще его можно просто подкинуть. – Я дернула плечом. – Мяч подлетит еще выше, не согласны?

– Но когда он неизбежно упадет и ударится, то больше не сможет подпрыгнуть.

Рэнсвод многозначительно указал пальцем в потолок, намекнув, что люди, которых никогда не прикладывали, фигурально выражаясь, лицом о стол, не умеют принимать поражения и просто сдаются.

– Почему в вашей теории никто не поймает этот мяч, чтобы еще раз подкинуть? – фыркнула я.

– Потому что в реальной жизни никто никого не ловит.

– Спорное утверждение. – Я наотрез отказалась принимать его точку зрения. – В реальной жизни у каждого есть человек, который просто не позволит упасть, а если такое случится, то поможет подняться.

– У тебя есть такой человек, маленькая идеалистка? – иронично хмыкнул он.

– Да, а у вас? – не осталась я в долгу.

– Нет.

– Мне кажется это печальным. – Разрывая зрительный контакт, я с раздражением захлопнула учебник. – Но наш новый магистр, похоже, полностью разделяет вашу теорию о мячах. Хотя оно и понятно, вы же учились у одних наставников.

– Чем тебе на этот раз не угодила высшая магия? – хмыкнул Рэнсвод. – Партнер ударил заклятием?

– Мой однокурсник не явился, поэтому магией огрел – ваш. Как вообще можно дотронуться до чужого заклятия?

– Легко, – хмыкнул он. – Иди сюда.

– Вы хотите устроить урок высшей магии сейчас? – От греха подальше я даже отодвинулась. – Знаете, у меня еще с прошлого раза прическа не потеряла объем. Вы сами видели, что произошло с резервом.

– Не бойся, – хмыкнул он и кивнул на диван: – Садись.

– Ла-адно, – протянула я, нехотя перебираясь поближе к Рэнсводу. – Но если урок закончится трагедией, то кошка теперь завещана вам. Так и знайте! Вам ее кормить и отгонять от рыбок.

– Язвительная трусиха, – развеселился он. – Впервые встречаю подобную смесь.

– Да я вообще полна талантов, – проворчала в ответ. – Просто они не сразу проявляются.

– Вот и проверим.

Он щелкнул пальцами, выбивая тонкий полупрозрачный язычок пламени, и протянул ко мне, дескать, бери. Затаив дыхание, я осторожно прикоснулась к огоньку, ожидая болезненного укола. Пламя мягко лизнуло, словно здороваясь, и стремительно охватило кончики пальцев.

Охнув от изумления, я следила за играющими язычками. Расставляла пальцы, поворачивала руку, замороженная необыкновенным зрелищем. Красивое заклятие казалось томным и призывным. Не жгло, но ласкало.

– Смотри, – позвал Киар откуда-то из другой вселенной и вдруг мягко обхватил ладонью мои пальцы.

Магия, бурлящая внутри, мгновенно отозвалась на прикосновение. Наши сомкнутые руки вспыхнули, как факел.

– И совершенно не больно, – проронил Рэнсвод. – Чистое сияние высшей магии.

Невольно я посмотрела в его лицо. В темных глазах отражалось пламя, на мягких губах блуждала едва заметная улыбка. Никогда он не казался привлекательнее, чем сейчас. И я остро ощущала, как его теплые пальцы по-мужски уверенно, без жеманства сжимали мою руку.

Бах! Сердце сильно толкнулось в ребра. Бах!

Он что-то говорил, видимо, объяснял, как избежать увечий, пытаюсь передать партнеру по высшей магии световой шар, но тяжелый и веский стук сердца заглушал текущие слова.

– Видишь? Ничего сложного, – пробился к сознанию голос Киара.

– А?

Он повернул голову и обнаружил, что я пялилась: таращилась самым откровенным образом, не моргая и не отводя взгляда.

Черные брови поползли наверх.

– София?

– Все! – В смятении я отвернулась и отдернула руку, мгновенно гася заклятие. – Теперь ясно, что просто надо быть... усерднее. Вы правы: мне не хватает усердия.

Чувствуя себя вовсе не идеалисткой, а смущенной идиоткой, я начала собирать учебники и пробормотала:

– Магистр, спасибо за помощь. Пожалуй, пойду спать.

– Сейчас даже восьми нет, – напомнил он.

– Прекрасно! Как раз хотела лечь пораньше. – Я выпрямилась и быстро улыбнулась: – Доброй ночи.

Понятия не имею, отчего в сознании на несколько секунд из придиричивого преподавателя Рэнсвод трансформировался в *действительно* привлекательного мужчину. И это резкое помутнение рассудка до жути нервировало.

* * *

– Привет, умница Грандэ.

Финист как ни в чем не бывало подсел за рабочий стол рядом со мной и положил конспект по бытовой магии.

– Привет, – кивнула я и чуточку отодвинулась, чтобы не соприкасаться с ним плечами.

Он не преминул воспользоваться освободившимся клочком: подпер голову рукой и повернулся ко мне всем корпусом, нарочито игнорируя друзей.

– Как учеба, партнер?

– На высшую магию теперь нужно приходить только парами, – проронила я.

Вообще-то, Берт часто прогуливал занятия. Иногда не появлялся по несколько дней, как в этот раз. Раньше я просто гадала, куда он запропастился, а сейчас не посмела спросить, отчего явился только под занавес недели.

– София, ты извини... – Финист выпрямился на скамье и послал мне виноватую улыбку, способную размягчить даже сухую баранку. – Мы с ребятами неожиданно рванули к Крушвейской гряде. Думали, что на денек, но задержались. Была там?

– Была. Я там родилась.

– Точно! – Он щелкнул пальцами. – Ты говорила... Неловко вышло, если честно.

– Более чем, – сухо согласилась я.

– Что мне сделать, чтобы ты перестала злиться? Давай я попрошу прощения на весь лекторий. – Берт стремительно поднялся, словно под ним распрямилась пружина, и проговорил громким голосом, привлекая всеобщее внимание: – Народ, я хочу извиниться перед умницей Грандэ...

Вокруг раздались смешки.

– Господи, Финист, хватит! С чего ты вообще решил, что я злюсь? – С горящей физиономией я дернула его за мантию и заставила усесться обратно на скамью. – С девушками правда такое срабатывает?

– С тобой, похоже, сработало, – хохотнул он. – Ты со мной поделишься лекциями, умница Грандэ? Уверен, ты не пропустила на этой неделе ни одного занятия.

– Так и быть, но не смей просить переписать их за тебя!

– Могу зайти сегодня за ними к тебе в общежитие.

– Ко мне? – замялась я, моментально вспоминая уютные, тихие покои в доме Рэнсвода. – Откровенно сказать, я временно живу в городе, так что не выйдет.

– Тогда, может, просто прогуляемся? – немедленно предложил Финист, словно ожидал отказа и заранее приготовил ответ. – Знаешь, что вечер пятницы – лучшее время для свиданий?

– А ты приглашаешь меня на свидание?

– На самое настоящее, – кивнул он и с поразительной самоуверенностью заверил: – Обещаю, оно будет лучшим в твоей жизни!

– Ну, только если лучшим... – Я с трудом сдержала улыбку и вдруг обнаружила, что северянин пристально смотрит на мои губы.

– Хорошо, – с задумчивым видом кивнул он. – Буду с нетерпением ждать.

Во время большого перерыва я рванула в общежитие – переодеться. Альма решительно объявила, что, как фея-крестная, просто обязана проконтролировать примерку, и пожертвовала обедом.

В маленькой комнатухе, запертой на несколько дней, царила страшная духота. Пришлось открыть окно. Подруга сидела на кровати и, жуя пирожок, следила, как я в спешке по очереди прикладывала к груди свои три с половиной приличных платья. За половинку шла юбка, но нормальная блузка осталась в доме у Рэнсвода, так что этот вариант отменялся.

– Надевай брюки, – наконец заключила айтэрийка, видевшая платья только в самых страшных кошмарах. – У тебя в них ноги длинные.

Фея-крестная она, может, была неплохая, но советчица – спорная.

– У меня нет с собой верха.

– Хочешь, займем у Теи? У вас одинаковый размер.

– Лучше не надо, – поспешно отказалась я, невольно вспоминая, какими словами Тея костерила какую-то приятельницу, вернувшую платье. Вещь была после стирки, но пахла каким-то не тем благовоением.

Перерыв подходил к концу. Времени перебирать вещи не осталось, и пришлось надеть самое нарядное из повседневных платьев. Мантия осталась висеть в комнате.

После последней лекции я заглянула в женскую уборную. Быстро распустила пучок и выпрямила волосы, разгладив прядь за прядью между горячими ладонями. Способ был отчаянный: после заклęcia пару недель волосы приходилось мыть каждый божий день.

В общем, принаряженная и по мере сил приукрашенная я вышла в центральный холл, чтобы обнаружить, что Финиста в нем не было. Сундук для подарков стоял, вольнослушатели сидели на скамьях, у обменных книжных полок толпился народ, и ни одного северянина с короткой стрижкой, обещавшего лучшее свидание в моей жизни.

– София? – позвал Берт.

Я обернулась. Он приближался ко мне широкими шагами, уже одетый в короткую дубленую куртку и с полосатым шарфом на шее.

– Не сразу тебя узнал, – улыбнулся он. – Скажи, что тебе нравятся шумные праздники, потому что я задумал прогуляться по праздничной ярмарке.

– Если бы я сказала, что мне не нравятся ярмарки, что бы ты делал? – не удержалась я от ехидного вопроса.

– Придумал бы что-то другое, – хмыкнул он. – Идем?

– Только заберу вещи из гардероба.

К Восточным воротам нас вез наемный экипаж, и места в нем было маловато. Мы с Финистом сидели рядом, в узком пространстве прижимаясь коленями. Я теребила лежащую на коленях почти пустую сумку и старалась не замечать, как ноет плечо. Эта привычная боль тонко намекала, что кое-кому следовало подниматься в гору, а не спускаться по узкому переулку в карете, отдаляясь от особняка на Стрэйн-Лейн.

– Раз ты сейчас не в общепитии, то тебе не надо торопиться к закрытию ворот? – вдруг спросил Финист.

– У меня временная подработка с проживанием, – чувствуя неловкость, ответила я, сама практически поверив, что служу у Рэнсвода секретарем. – Так что надолго не удержишься.

– Но мы все равно отлично развлечемся! – объявил он и вдруг в темноте взял меня за руку. – Уверен, потом тебе будет что вспомнить.

Прикосновение его прохладных пальцев оказалось настолько неожиданным, что в первое мгновение я опешила, а во второе – вспомнила вечер в кабинете Рэнсвода, длинные красивые пальцы высшего мага, мягко обнимающие мои. И мы словно оказались в темной карете вдвоем: я, парень из мечты и взрослый мужчина, не подозревающий, какую алхимическую реакцию внутри меня запустило его прикосновение.

– Все хорошо? – вдруг спросил Финист, будто почувствовав незримое присутствие третьего.

– Угу, – промычала я в ответ.

Изгнать образ Киара из сознания оказалось сложно, но возможно. Его выместила выбивающая дух навывлет ярмарочная круговерть. В воздухе разносились шум, гвалт и хохот. Остро пахло специями, сладкой карамелью и пряным горячим вином. Вокруг уличных тележек с едой толпился народ. Надрывались зазывалы, приглашающие зевак в палатки с аттракционами. На катке, залитом в центре площади, собралась толпа. От карусели, похожей на высоченный гриб на длинной ножке, неслись людские вопли, восторженные и испуганные.

Но главным развлечением, как и в прошлом году, оставалась ледяная горка высотой с двухэтажное здание. На мой взгляд, скатиться с нее решился бы только безумец, но, судя по очереди возле лестницы, чокнутых на праздничной ярмарке в Но-Ирэ было достаточно.

Некоторое время мы толкались в толпе между торговыми лотками со вкусностями и развлечениями.

– Самая интересная игра из Норсента – прятки в темноте! – прокричал зазывала простуженным голосом. – Химеры прячутся, ловцы охотятся. Всего два сантима с участника! Бегите скорее! Команда смельчаков почти собралась.

Возле входа жалась озябшая команда. Кажется, в темный шатер их тянула вовсе не смелость, а перспектива задешево согреться. Но мы только приехали и еще не успели обморозиться до такого отчаяния.

– Эй, парень! – нацелился на нас зазывала. – Осталось два последних места. Хватай девушку и идем к нам.

Правила были несложными. Одни в кромешной темноте нагроможденного лабиринта прятались, а другие – их искали. Мы в прошлом году с Альмой попытались сыграть, но закончилась забава трагически. Подруга врезала по зубам парню, который попытался обхватить ее поперек груди. Потом она божилась, что сработал вдолбленный на тренировках рефлекс, но отступные пострадавшему все равно пришлось заплатить.

– Не в этот раз, приятель, – отказался Финист, минуя аттракцион.

– Думала, что северяне обожают традиционные развлечения, – подколола я.

– Считаю себя шайэрцем, поэтому застольные игры мне ближе, – с улыбкой подмигнул он и снова обхватил пальцами мою ладонь. – У тебя ледяные руки. Замерзла?

– Нет, – соврала я. Не скажешь же, что больше всего замерзли уши.

– Тебе нужно горячего вина, – решил Берт.

Лучше капор или, на худой конец, шаль, чтобы прикрыть голову. Наплевать на красоту! Но в лавку с женскими мелочами меня не звали, так что пришлось шагать к прилавку с горячими напитками.

Мы пристроились в конец очереди. Место оказалось стратегически неудобным. Проходящий мимо народ толкался локтями и теснил нас друг к другу. В итоге, стараясь избежать очередного тычка между лопатками, я практически прижалась к Финисту.

– Совсем холодные. – С нарочито озабоченным видом он поднес мою руку к своим губам и попытался согреть теплым дыханием. – Лучше?

Жаль, нельзя подуть на обмороженные уши.

– Гораздо, – пробормотала я.

– А так?

Изящным движением он раскрыл мои пальцы. Губы прижались к чувствительной коже на ладони.

– Практически растаяла.

Мурашек не побежало, но было приятно просто от осознания, что мечта все-таки сбылась. Пусть с этой мечтой гаргульи доставили еще и кое-кого. Не буду показывать пальцем на Киара Рэнсвода, это не очень прилично.

– Молодые люди, чем будете согреваться? – позвала нас торговка.

Согреваться решили горячим вином подозрительно бледно-красного вместо рубинового цвета.

– Держи. – Финист вручил мне горячий стаканчик из хрупкой слюды и сделал глоток из своего.

Я пригубила напиток только для вида, но вино оказалось паршивым и разбавленным, так что оба стакана отправились в мусорный короб.

На открытом помосте иллюзионист показывал фокусы. Не знаю, сколько в них было магии, а сколько зрительного обмана, но руки у парня оказались проворные. Народ был в восторге. Заклятиями-то в

Шай-Эре никого не удивишь – здесь все обладали магическим даром. Просто не всем по плечу и по средствам получить высшее магическое образование.

– Давай посмотрим, – не глядя на Финиста, попросила я и буквально залипла в толпе, боясь пропустить хотя бы мелкий жест ярмарочного ловкача.

Северянин не спорил.

– Тебе нравятся фокусы?

– Они забавные, – улыбнулась я, боясь на него посмотреть. – Смотри, какие у этого парня быстрые руки.

В следующий момент Берт тесно прижался к моей спине грудью и обнял за талию.

– То есть ты тоже ловкий парень? – с трудом сдерживая улыбку, с иронией спросила я.

– Более чем, – прошептал он, щекоча ухо теплым дыханием.

Чуть не попросила ради согрева еще что-нибудь пошептать и повернула голову. Мы практически ударились носами, оба замерли. На лице Финиста танцевали разноцветные тени от многочисленных огней. Он был так близко, что поцелуй казался неизбежным. Просто встать на цыпочки и прижаться к его приоткрытым губам. Но, как бы банально ни звучало, на пороге своей еще одной большой мечты я не могла избавиться от дурацкой мысли, что у меня тоже обветренные губы. Сама от себя не ожидая, быстро облизала их. Глаза Финиста вспыхнули, он склонил голову, нацеливаясь на поцелуй...

В этот душераздирающий момент северянина позвали по имени. Мы оглянулись синхронно. Оказалось, что на ярмарку заявили его вездесущие приятели, и стало ясно, что свидание подошло к концу и начинается шумная гульба. С другой стороны, здесь развлекалась половина академии. Радовало одно: мы провели вдвоем больше получаса. Наш личный рекорд!

Объятия все-таки пришлось разомкнуть.

– Мы собираемся прокатиться на горке, – поделился планами один из парней.

– Каталась на горке? – немедленно спросил Финист.

– Нет. – Я с обеспокоенной улыбкой покачала головой и покосилась на деревянную громадину для самоубийц, с которой на

круглых гладких дощечках с воплями съезжали люди. – И честно говоря, не уверена, что хочу попробовать.

– Это же самое веселое на ярмарке, подруга! – хохотнул все тот же парень, по-свойски хлопнув меня по плечу. Ни мне, ни плечу это не понравилось.

Просить Финиста послать приятелей... на горку без нас было неловко. Уверена, они и так меня посчитали отчаянно унылой. Оставалось послушно тащиться в компании к страшному сооружению.

– Давай с нами! – уговаривал он.

– Боюсь высоты, – призналась я. – Буду встречать тебя внизу.

С предчувствием неизбежной катастрофы я следила, как компания поднимается по лестнице на самую верхотуру. Полагаю, где-нибудь на середине деревянных ступеней у меня случился бы приступ паники.

Парни красовались. Никто не взял салазки, и съезжали на ногах. Одни бахались в самом низу, кто-то добирался до финиша на пятой точке, полируя лед штанами. На каждую неудачу сверху неслись хохот и издевательские комментарии. Кажется, я одна, видя пугающую высоту, была готова сбегать с воплями.

– Моя умница! – крикнул Финист, сложив ладони рупором. – Я лечу к тебе!

Расставив руки для равновесия, на полусогнутых ногах он заскользил вниз. Подхваченный ветром длинный шарф несся за ним, как хвост воздушного змея... А на середине горки Берт словно вмазался в невидимую преграду и действительно взлетел, как-то кривоватенько расставив ноги и оглашая ярмарочную площадь непечатными ругательствами. Зато дуга получилась на загляденье красивая! Он приземлился лицом вниз и, замедляя ход, съехал к подножию на пузе.

– Господи, Финист! – Я отмерла и бросилась к парню, которого моментально окружили люди.

Пришлось растолкать народ локтями, чтобы выбраться в первый ряд. Он сидел обалделый на льду, тряс головой и почему-то икал. Никак, от страха. Правая щека была расцарапана, все пуговицы на дубленой куртке отскочили, а шарф перевернулся, отчего-то напоминая удавку.

– Ты как? – Я испуганно присела рядом с ним и потрясла его за плечо.

– Подожди! – Один из его приятелей сунул под нос северянину палец, почему-то средний. – Сколько пальцев?

С трудом сфокусировавшись, Финист улыбнулся улыбкой сумасшедшего, закатил глаза и бухнулся в обморок, с грохотом приложившись затылком о ледяное покрытие. В общем-то, чем доказал истину, известную всем вменяемым людям: рожденный ходить летать не может. Даже если расставить руки, ноги и взять большой разгон.

– Он умер? – зашептались сзади.

– Да пусть отсохнет у тебя язык! – рявкнул приятель Берта.

«Лучшее свидание моей жизни» закончилось в лекарской и заняло почетное место – свидания незабываемого. Тут уж Финист не подвел и сдержал обещание!

Перед каретой первой помощи, приехавшей за пострадавшим, все его приятели куда-то растворились. Сопровождать партнера по высшей магии и танцам на балу пришлось мне. По дороге его прилично попустило, а по приезде в лекарскую и вовсе выяснилось, что кроме разбитой физиономии, шишки на затылке и пары синяков на ребрах особых увечий он не получил. Нас выперли на мороз, не дав костылей, хотя Финист очень душевно прихрамывал, пока ковылял по пахнущему заживляющим эликсиром коридору.

Мы стояли на мостовой, дожидаясь свободного извозчика. Время приближалось к одиннадцати вечера. Плечо ныло, жар поднимался, и уже было совсем не холодно. Я чувствовала себя плохим человеком, потому что измоталась, оголодала и больше всего хотела вернуться домой.

– Глупо вышло, – прервал долгое молчание Финист. – Но ты ведь все еще идешь со мной на бал?

– Полагаешь, сможешь выдержать энергичную польку? – съехидничала я.

Он почесал бровь и с дурацким видом признался:

– Не умею танцевать польку.

– Вообще-то, я тоже.

Перед нами наконец остановилась свободная карета.

– Езжай первая, – кивнул Финист, открывая дверцу. – Мне надо к семейному знахарю.

– Ты хочешь вылечить магией? – Я удивленно изогнула брови.

Безусловно, заживляющие заклятиями вылечивали быстро. Сломанные кости срастались за короткие часы, царапины и вовсе исчезали за секунды, но после такого лечения сила практически засыпала. Можно было на неделю забыть о серьезной магии, которой от нас требовали на занятиях.

– Если я заявлюсь в таком виде, то мать поднимет истерику, – пожал он плечами.

Что ж, у всех свои приоритеты. Больше не пытаюсь спорить, я шагнула к раскрытой дверце экипажа.

– Подожди, София! – Он взял меня за локоть, заставив обернуться.

– Что?

В следующий момент Берт быстро приложился горячими сухими губами к моей щеке, мягко потер место целомудренного поцелуя пальцем и произнес:

– До понедельника.

Он попытался улыбнуться, но только скривился от боли.

– Ага, удачи, – ошарашенно проблеяла я в ответ и забралась в салон.

Исключительно незабываемое свидание! Бескрылый полет ясного сокола Финиста над блестящей ледяной горой мне будет сниться в кошмарных снах, пожалуй, до самого диплома.

Холл особняка на Стрэйн-Лейн встречал припозднившуюся жиличку приглушенным светом стенных светильников и тишиной. Из гостиной появилась Дуся, с интересом проследила за появлением хозяйки.

– Соскучилась, детка?

На ходу расстегивая пальто, я направилась к лестнице.

– У тебя сломались часы? – прозвучал в гостиной тихий голос Рэнсвода.

Последние дни мне удавалось избегать встреч, кроме той единственной, необходимой. Считаю это большим талантом, учитывая, что мы жили в одном доме. И по дороге в особняк я нервно представляла, как поднимусь на второй этаж, чтобы постучаться в

двери мужской спальни. Дурацкая мысль не давала покоя, но душевные метания оказались пустыми, только напрасно издергалась. Киар просто не ложился спать и дожидался моего возвращения.

Я заглянула в гостиную. С непроницаемым видом он сидел в кресле, положив ногу на ногу. Взгляд был знакомо тяжел и практически осязаем.

– Сейчас почти полночь. – Рэнсвод кивнул на высокие напольные часы. Они никогда не звонили, но время показывали точное.

– Не думала, что так сильно задержусь, – честно призналась я, вдруг вновь почувствовав себя на занятии по высшей магии. – Вы волновались?

– Волновался – не самое подходящее слово. – Он стряхнул с брюк невидимую ворсинку. – Я планировал ехать к тебе в общежитие.

Мы встретились глазами. Вдруг стало ясно, что сосед по дому только внешне кажется спокойным.

– Простите.

Ничего не ответив, Киар поднялся с кресла.

– Симпатичное платье. Утром ты уезжала в другом.

В жизни не подумала бы, что он замечает такие мелочи. Удивительно, право слово! Я сама-то не всегда могла припомнить, какое именно платье надела под академическую мантию.

– Да, но это легко расстегивается, – попыталась сгладить ситуацию шуткой.

– Сплошные плюсы, – с неожиданной иронией хмыкнул он и добавил, когда я перекинула волосы через плечо: – Прическа тоже новая.

Когда ритуал подошел к концу, ночник вновь разгорелся, а я приводила одежду в порядок, Рэнсвод лениво спросил:

– Свидание удалось? Стоило твоего времени?

– Поделитесь мудростью поколений: если свидание заканчивается в кабинете лекаря, его можно считать удачным?

– Берт тебя обидел? – во вкрадчивом голосе Рэнсвода прозвучали странные интонации, но я стояла спиной и не видела выражения его лица. Вопросы, кто именно заставил меня вернуться к ночи, у него не возникло.

– Чуть не сломал себе шею на ледяной горке, – буркнула в ответ, внезапно осознав, какими, в сущности, идиотами, наверное, мы

кажемся взрослому мужчине. Он уж точно никогда не станет съезжать ни на ногах, ни на заднице с ледяной горы, чтобы просто покрасоваться перед приятелями.

– Вы гуляли в детском парке? – теперь он говорил с откровенным сарказмом.

– Давайте не вспоминать сегодняшний вечер, – с раздражением попросила я и дернула ворот платья, пытаюсь застегнуть крючок. – Пережить его дважды мне просто не хватит чувства юмора.

– Согласен, чтобы пойти на свидание с Финистом Бертом, нужно обладать исключительным чувством юмора, – вроде без издевательской интонации, но все-таки издеваясь, хмыкнул Киар.

– Почему вы это сказали?

Я резко развернулась, чтобы обнаружить, что он, сунув руки в карманы брюк, стоит от меня в паре шагов. И смотрит снисходительно! Символы на предплечье выглядели яркими и насыщенными, с воспаленными контурами, словно свежая татуировка.

– Госпожа Грандэ, вы что, намерены поругаться? – с фальшивым удивлением протянул он.

– Финист – хороший парень, а не какой-то... придурок! – бросилась я защищать человека, по которому долгое время сохла. Возможно, вблизи он не тянул на парня мечты, нарисованного в моем воображении, и был самым обыкновенным, но реальность не обязана совпадать с чужими фантазиями.

– Он мне не нравится, – спокойно заявил Киар.

– Главное, чтобы он нравился мне!

– И совершенно тебе не подходит.

– Откуда вам знать, кто мне подходит? Говорят, что противоположности притягиваются, – не задумываясь швырнула я ему в лицо, пожалуй, самое заезженное любовное клише.

– Эта чудовищная глупость обычно и ведет к самым большим разочарованиям. С человеком, которого выбираешь в спутники, надо быть созвучным, – одарил меня Рэнсвод очередной мудростью познавшего жизнь мужчины.

– Поэтому вы живете с рыбками, – фыркнула я. – Они молчат и не раздражают, да?

– Сейчас я живу с тобой, София.

– И это не ваш выбор.

– А чей? – коротко бросил он. – Доброй ночи.

С раздражением Киар схватил с подноса звякнувший графин с крепким алкоголем и, бросив на меня последний выразительный взгляд, вышел из гостиной. За ним сами собой захлопнулись двустворчатые двери.

Грохот, похожий на взрыв шутихи, заставил нас с кошкой съежиться в нервный комок. Рыбки никак не отреагировали, но – уверена! – были по-своему, по-рыбьи, удивлены. А подремонтированная магией картина все-таки не устояла перед силой хозяйского раздражения: съехала по стене на паркет. Правда, заклятие подстраховало, и она не развалилась, как в прошлый раз.

– Дуся, ты видела? – Я подняла злосчастный пейзаж и заботливо обтерла рукавом золотистую раму. – Чуть дверь с петель не сорвал, демон! Не жалко чужого имущества! Хотя, это же его имущество... Но предки ему завещали, а он не ценит. Неблагодарная сволочь!

Теперь у меня появилась личная примета: если Киар Рэнсвод желал доброй ночи, то можно быть уверенной: ночь выдастся паршивой. После встречи на крыше преподавательской башни я не придавала значения этому знаку, но теперь окончательно уверилась.

Где-то между горячей ванной и кроватью меня начали грызть муки совести. Стало стыдно и за неожиданное свидание, и за глупую ссору. Я ворочалась на постели, заворачиваясь, как гусеница в простыни, злилась на неудобную позу и горячую подушку, но больше всего – на себя.

Ради успокоения начала выстраивать в голове прочувственную тираду с самыми искренними извинениями и к середине ночи даже мысленно отшлифовала каждое слово. Потом провалилась в сон без сновидений, а когда проснулась ни свет ни заря, не вспомнила совершенно ничего из практически отрепетированной речи.

Пришлось поступить по старинке: приготовить «извинительный» завтрак. Мы всегда так поступали с мамой после ссоры. Тот, кто провинился, с утра стряпал что-нибудь вкусное. У мамы, ясное дело, получалось лучше. В отличие от меня, она готовила так, что пальчики оближешь.

Собственно, я как раз и слизывала с пальцев жидкое тесто для воздушных блинчиков, когда в кухню вошел Киар с коробкой в руках. Он был одет в спортивную форму, которая делала его лет на семь

моложе и подчеркивала все то, что предусмотрительно скрывали строгие костюмы... Иначе женская половина нашего потока приходила бы на пересдачи по три раза. Просто из чувства прекрасного, а не из тяжкой необходимости, как избранные таланты, рассчитывающие на безнадежное «удовлетворительно».

Пауза, последовавшая за появлением Киара, оказалась пронзительной. На сковородке скворчали тонюсенькие лужицы блинчиков. Вообще-то, у мамы они получались кругленькие, но мне не хватало сноровки. Мои блины больше всего походили на дырчатые кляксы.

– Я помню, что девушка должна готовить только для своего мужа, но не придумала другого способа попросить прощения. Вчера надо было отправить хотя бы записку. Службу посыльных в академии никто не закрывал.

– Они горят, – спокойно кивнул он.

– Кто? – Я моргнула. – Посыльные?

– Блинчики.

– Вот же химерово отродье! – спохватилась я и вилкой быстро перевернула поджаренные дырчатые лужицы, позорно потемневшие с одного бока. – Надеюсь, вы едите блины.

– Твои точно ем.

– Вы же их еще не пробовали.

– Я полагал, что нельзя отказываться от еды, если ее готовят ради извинений, – усмехнулся Киар. – Одного не понимаю...

– Чего именно? – Я перевела на него быстрый взгляд. Нет, правда, какая тайна в блинах?

– Почему не омлет? Ты же им каждый день хвасталась.

– Потому что так принято у нас дома. В смысле, не хвастаться омлетом, а после ссоры готовить на завтрак что-нибудь этакое. Блинчики – это почти как высшая магия, только сложнее. Они призваны показать, как мне жаль, – заключила я. – Не стоило вчера огрызаться.

– Но я вел себя как полный кретин.

– А? – От удивления из рук выпал половник, и брызги жидкого теста разлетелись по каменной столешнице.

– В моем доме никто, кроме повара и слуг, не знал, где находится кухня, и в качестве извинений дарили сладкое. – Рэнсвод пристроил

коробку на стол. – Я заметил, что тебе не нравится шоколад, поэтому купил пирожные.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

На первородном языке слова «сладость» и «прощение» звучали одинаково, и в Шай-Эре считалось хорошим тоном извиняться с коробкой шоколадных шариков.

– Дай мне пятнадцать минут, – попросил он. – Я приведу себя в божеский вид после пробежки и позавтракаем.

– Вы тренируетесь по утрам?

Во сколько же он просыпался, если за целую неделю совместного проживания не был ни разу замечен трусящим по садовым дорожкам? Очевидно, гораздо раньше меня.

– Лучше тренироваться, чем пить настойки от подагры, – конечно же, не преминул сыронизировать он.

– Я имею в виду, вы бегаете даже зимой? – Я закатила глаза.

– В моем *солидном* *возрасте* следует тщательно следить за здоровьем, – протянул Киар, – иначе – как ты там говорила? – недолго двинуть кони. Забавное выражение. Надо не забыть.

И пусть половина блинчиков сгорела, а в растертое ягодное пюре я напрочь забыла добавить сладкого сиропа, завтрак удался. Я еду пробовать не решилась и угощалась пирожными, а Рэнсвод – ничего, ел. Слушал студенческие байки и жевал. Даже ни разу не намекнул, что стряпуха из меня, мягко говоря, не лучше высшего мага. Может, просто был не слишком притязателен в еде или не хотел меня обижать.

Ближе к полудню, когда я устроилась на диване с почти дочитанным приключенческим романом, он постучал в мои покои. Дуся настороженно подняла голову, проверяя, не нагрянула ли к нам какая-нибудь вражина, но, увидев соседа, кормившего ее лососиной и свежей телятиной, моментально свернулась клубком.

– Подышим свежим воздухом, – кивнул этот сосед, привалившись плечом к дверному косяку, – глупо в хорошую погоду киснуть дома.

– А ничего, что мы вдвоем... – Я помахала рукой, дескать, вместе выйдем в люди.

– Не думаю, что за каждым поворотом Стрэйн-Лейн нас поджидают твои однокурсники, – хмыкнул он.

Погода действительно стояла отличная: солнечная и обходительно теплая. Когда было не холодно с непокрытой головой, но под ногами

еще не чавкала влажная снежная каша, убивающая любое желание бродить по улицам. В воздухе уже разливалось волнительное предчувствие скорой весны. От него сердце сладко сжималось, а магия нетерпеливо колола кончики пальцев.

Едва мы вышли на пешеходную мостовую, Киар пристроил мою руку к себе на локоть. Жест был таким легким и естественным, что я забыла смутиться. Да и в горку подниматься с живой подпорой куда проще. Если ноги вдруг разъедутся на заледенелой брусчатке, всегда можно повиснуть на сильной мужской руке.

Незаметно минув сонную улочку, мы оказались на многолюдной площади с торговыми домами и артефакторными мастерскими, прославившими этот квартал на все королевства Крушвейской скальной гряды.

Возле большой витрины книжной лавки я невольно замедлила шаг. За стеклом были видны дорогие шкафы с аккуратными рядами книг, прилавков из красного дерева, изящный столик для чтения. В квартале Восточных ворот в книжном всегда творился хаос и никакой библиотечной изысканности.

– Зайдем, – кивнул Киар. – Хочу купить пару книг.

Он открыл дверь, пропуская меня вперед. Над головой переливчато тренькнул маленький колокольчик, на его звук обернулся продавец, расставлявший на полке книги с деревянной тележки. Пахло в торговом зале не книжной пылью, а цветочным благовонием.

– Добрый день, господа, – поздоровался он с вежливой улыбкой и вернулся к своему занятию.

Видимо, Рэнсвод, стоящий за моей спиной, подал какой-то знак, дескать, не суетитесь, милейший, мы сможем разобраться в вашем элегантном литературном королевстве.

– Ты осмотришь, – тихим голосом, словно мы находились в читальном зале, предложил Киар.

Я просто растерянно махнула рукой, мол, иди уже, не мешай девушке с жадностью изучать новинки, расставленные на специальной тумбе. Было интересно – многие издания до лавчонок в нижнем квартале еще не добрались и, дай божественный слепец, появятся в следующем месяце.

С благоговением я взяла в руки увесистый том с последним романом одного из любимых писателей, раскрыла хрусткий переплет.

От страниц еще пахло типографской краской, и было страшно провести по строчкам кончиком пальца. Вдруг чернила размажутся по белой бумаге?

Цена, впрочем, тоже пугала... Особенно того, кто потратил кучу денег на аквариумную рыбку. В нижнем квартале, пусть до домашней полки книги доходили в изрядно почитанном виде, но, по крайней мере, от ценника не приходилось поднимать челюсть с пола.

Незаметно я переместилась к полкам с любовными романами. Спроси кто – скривлюсь в презрительной гримасе и заявлю, что легкое чтение не входит в мой список книг, которые жизненно необходимо прочесть до окончания академии, чтобы считаться эрудированным человеком. Но ведь тайком-то можно полюбопытствовать, если никто не видит.

И тут меня ждало потрясающее открытие. В книжной лавке самой пафосной площади Но-Ирэ откровенные романы не заворачивали в плотную почтовую бумагу, как это делали в квартале Восточных ворот! Понятно, что тамошний хозяин заботился не о высокой морали, а о сохранности книг, иначе студентки каждый день изучали бы иллюстрации. На занимательные картинки в таких историях обычно не скупилась.

Вкрадчивым движением я взяла томик в руки, с самым небрежным видом, словно изучала атлас шай-эрсских дорог, перелистнула до иллюстрации. И что это была за крас... срамота! Мускулистый крылатый мужик в набедренной повязке держал в сильных руках трепетную деву в тонкой сорочке вместо скромного платья. Ветер развевал его волосы и тряпочку, практически соскальзывающую с крепкого, хорошо прорисованного зада. Все, что должно быть у мужчины спереди, тоже находилось на месте.

– О мой бог! – пробормотала я, не позволяя расцвести похабно-довольной ухмылке.

– Интересный роман? – промурлыкал рядышком Рэнсвод.

Я молниеносно захлопнула книгу и повернула обложкой вниз, чтобы он не прочел название и автора. Как назло, на кожаном заднике был выдавлен и обведен белым контуром тот же самый атлет, демонстрирующий стальной пресс. В общем, спалилась в одно мгновение!

– Неплохой, – пробормотала я, чувствуя, что заливаюсь краской.

– Рекомендуешь?

Киар попытался забрать книгу из моих рук, но я вцепилась в нее так, словно от этого зависело благополучие шай-эрского королевства.

– Не думаю, что вам понравится. История... кхм... дамская.

– История очень откровенная, судя по иллюстрации, которую ты с таким интересом разглядывала, – с невозмутимым видом подколот он.

– Вы все видели? – кисло спросила я, возвращая книгу на полку.

– Ты не спряталась в уголок. – Он все-таки заулыбался, широко и с откровенным весельем. – Хочешь почитать?

Какими извилистыми тропами мы с Рэнсводом, которого я искренне ненавидела еще две недели назад, докатились до странной секунды, когда он предлагал купить откровенный роман?

– Когда еще чуть-чуть подрасту, непременно почитаю, – поддела я, напомнив, что кто-то все еще считает меня ребенком.

С другой стороны, главное, не подрасти в ширину. В высоту-то уж точно не прибавится. Разве что за счет каблуков.

– И, к слову, – с умным видом добавила я, – в прошлом году Тайный Чародей принес мне откровенный роман. Видимо, он считает меня достаточно большой для взрослых историй.

– И как?

– Было познавательно. Просвещались всем общежитием. Кто-то так проникся историей, что до сих пор не вернул.

– То есть все-таки советуешь. – Он вытащил книгу обратно и стремительно перелистнул страницы, придерживая их большим пальцем. На какой-то иллюстрации остановился и с фальшивым уважением изогнул брови: – Смотрю, а книга действительно интересная. Надо брать.

– Решили подучиться, господин Рэнсвод?

– В моем возрасте надо освежать знания, а то старость, провалы в памяти...

Бросив на меня насмешливый взгляд, он направился к прилавку, где нас дождался любезный торговец, и пристроил откровенный роман сверху высокой стопки. Оказалось, что он собирался купить все те книги, что я смотрела, пока гуляла по торговому залу.

– У вас хороший вкус, – невольно похвалила выбор и добавила громким шепотом, заставив мужчину за кассой улыбнуться: – Ну, кроме последнего романа. Он не самый хороший.

– Но точно лучше всех иллюстрирован, – хмыкнул Рэнсвод и кивнул на стопку: – Это твои.

– Все?

– Решила отказаться от дамского романа?

– Ни в коем случае! – охнула я, не испытывая никакой неловкости за то, что он решил раскошелиться на покупку. Всегда воспринимала книги как жизненную необходимость. Мне же совершенно не стыдно есть и пить в доме Рэнсвода.

– Так и знал, – протянул он с ленивой улыбкой.

– А вы нашли, что хотели?

– Сегодня мы здесь ради тебя.

– Вот как... – пробормотала я, неожиданно ощутив, как в груди разливается незнакомое тепло.

Вряд ли откровенные романы могли научить Киара Рэнсвода чему-то новому. Он и так прекрасно знал, как сделать девушке хорошо.

– Доставить на ваш адрес, господин магистр? – тихо спросил торговец. – Завтра утром подойдет?

Меня собирались лишить удовольствия вечером перебрать томики и похрустеть новыми книжными переплетами? Какая демоническая жестокость!

– Нет! – воскликнула я, и мужчины с недоумением повернули головы. – Мы заберем книги прямо сейчас! Все до единой.

– Заберем с собой. – С обреченным вздохом Киар махнул рукой, прося завернуть и перевязать покупку бечевкой. В общем-то, его можно было понять: внушительную стопку нести пришлось именно ему.

На улице щедро разливалось солнце. И на секунду показалось, что из сказочного мира, где царили уважительная тишина и умиротворение, мы резко переместились в суетливую, шумную реальность. Здесь грохотали кареты, куда-то торопились прохожие.

– В начале недели я видел, как в парке устанавливали ледяные фигуры, и подумал, что тебе будет интересно, – проговорил Рэнсвод, вновь подставляя локоть, чтобы я покрепче схватилась и не потерялась в людском потоке. – Здесь недалеко.

Парк действительно находился близко от площади. Он упирался в скальный обрыв, а выше, если поднять голову, были видны стены королевского дворца. Наверное, каждый день его величество Ричейр

Первый любовался на темно-зеленый рукотворный остров из окна какой-нибудь из башен.

Ледяные фигуры в два, а то и в три человеческих роста стояли хаотично между ухоженными хвойными деревьями. Ощетиненные драконовые химеры, до жути реалистичные гаргульи, полуобнаженные девы в легких одеждах, словно замерзающие в снегу. На открытой площадке, где сходились аккуратно расчищенные дорожки, из ровных прозрачных кирпичей возвели уменьшенную копию Академии общей магии со всеми пристройками и корпусами. Высокая преподавательская башня доставала мне до макушки.

– Смотрите, магистр, наш балкон, – указала я на то место, откуда началась безумная история обмена древней магией. – А там общежитие! О, бальный зал. Кстати, меня позвали на бал в академию. Надеюсь, будет весело.

Я резко повернулась к Рэнсводу. Он стоял в нескольких шагах и смотрел на меня странным взглядом. На губах играла едва заметная улыбка, словно он наслаждался зрелищем, но силой воли заставлял вспоминать о том, что взрослый мужчина обязан относиться к экзальтированным студенткам со сдержанным снисхождением.

– Вы решили, чем займетесь в праздничный вечер? – спросила его. – В День схождения лун нельзя оставаться одному.

– Я приглашен на очень скучную вечеринку, – поделился он планами, и звучали они мрачновато. – Ты проголодалась? Пойдем что-нибудь перекусим.

– Мужчин и детей надо кормить четыре раза в день, да? – съехидничала я, подходя к нему и уже по-свойски подхватывая под руку. – Иначе они начинают капризничать.

– И ворчать, – неожиданно поддержал он шутку.

– Ага, как старички.

Никогда не подумала бы, что однажды буду обедать в ресторации на Стрэйн-Лейн. Зал был небольшой, очень светлый и практически пустой. На обтянутых тканью стенах висели картины, в камине горел огонь, не иллюзорный, наведенный с помощью бытового заклятия, а самый настоящий.

Нас усадили за столик в углу, куда лишний раз не станут заглядывать посетители. Распорядитель разлил по высоким бокалам воду и деловитым тоном поинтересовался:

– Вам принести как обычно, господин магистр?

– Для начала принесите меню. Девушка выберет сама.

Я посмотрела на него, как на ожившую каменную гаргулью. Что случилось? Разве не этот человек на позапрошлой неделе сделал вид, что девушка, сидящая с ним за столом, глухонемая дурочка?

Из принципа я дождалась, когда распорядитель принесет папку в дорогой кожаной обложке, и даже ее открыла, но практически сразу захлопнула, не вчитываясь в названия блюд. И – не дай божественный слепец – не заостряя внимания на ценах, иначе случится приступ жадности к чужим деньгам.

– Решила, что будешь заказывать? – удивился Рэнсвод.

– Полагаю, вы лучше разбираетесь в местной кухне.

Вкрадчивым жестом он подозвал распорядителя, тихо сделал заказ, попросив приготовить для меня самый большой стейк с кровью, какой найдется на кухне, а себе – принести кофе.

– Другими словами, ваша цель – накормить ребенка, – фыркнула я. – Расскажите, как вышло, что вы решили читать лекции?

Он мягко усмехнулся.

– Неуместный вопрос?

– Вовсе нет.

Оказалось, что ректор больше года осаждал его с предложением провести курс высшей магии в нашей академии. Киар сдался исключительно после указа его величества и, сам того не замечая, втянулся.

– А потом случилась злосчастная ночь, и мы дружно преодолеваем ее последствия, – выдала я окончание истории его преподавания.

Рэнсвод бросил на меня насмешливый взгляд.

– Не надо преодолевать, наслаждайся. Сейчас ты одна из самых сильных магов Крушвейской гряды. Я не обижусь, если ты перестанешь стесняться использовать магию. Очевидно, что она начинает тебе подчиняться.

– Я должна спасти мир? – подколола я.

– Выучить пару заклятий высшей магии – тоже неплохо.

– Зачем? Через две недели первородный огонь вернется к вам. Не хочу привыкать к тому, что мне не принадлежит, – пожала я плечами и, упершись локтями в столешницу, пристроила подбородок на ладонь. –

Интересно, что сказал бы ваш предок, узнай, что вы служите преподавателем?

– Что плохого в преподавании? – искренне удивился Рэнсвод.

– Если говорить в масштабах мира, вы его точно не спасаете.

– Отнюдь, госпожа Грандэ, – хмыкнул он. – Что случилось бы с Крушвейской скалистой грядой, если бы мир наполнили неумелые маги? Полагаю, ее сровняли бы с землей.

– То есть, пока нет войны, вы вносите посильный вклад.

– Скорее отвлекаюсь от нервной службы на корону. Мы, конечно, давно знакомы с Ричейром, но монарх обязан оставаться монархом. С его характером это непросто.

Было странно обсуждать его величество, точно приятеля с соседней улицы. Интересно, за такие разговоры бросали в темницу?

– А чем вы занимаетесь на королевской службе? – полюбопытствовала я, и он развел руками, намекая, что оставит эту тайну шай-эрского двора при себе. – Другими словами, если я узнаю, то вам придется меня убить? Так?

И он искренне рассмеялся. Тихим грудным смехом, пряча лицо в ладонях, словно не хотел, чтобы публика в ресторации увидела, что магистру высшей магии не чужды нормальные человеческие эмоции.

– Скорее уж жениться на тебе. При жизни отец учил меня, что причинять вред собственной жене – дурной тон. Поверь, он знал, о чем говорил. Матушка была не подарком.

Я подавилась на вздохе и с самым дурацким видом схватилась за бокал с водой. Ей-богу, лучше бы не ехидничала.

– Но реальная жизнь куда проще. – Он расслабленно откинулся на спинку стула. – У меня магическая печать о неразглашении, и даже при большом желании я не могу ничего рассказать.

– Печать? – оживилась я. – Где?

– Там, где ее не видно, маленькая любопытная София. – Он бросил лукавый взгляд.

Бах! – отозвавшись на этот взгляд, гроыхнуло сердце в груди. Бах!

Чувствуя, что щеки начинают гореть, я поерзала на стуле и в смятении уставилась на белую скатерть. Можно сколько угодно врать самой себе, но этот обаятельный Рэнсвод, умеющий замечать

незначительные мелочи и излучающий мощную энергетику, притягивал меня, как самым сложным связующим закланием.

Я чувствовала себя сбитой с толку, очарованной и растерянной. Все сразу. Как вообще разобраться в таком чудовищном клубке эмоций? Уверена, меня накрыл побочный эффект от магического слияния. Как только мы с Киаром поменяемся местами, сознание вернет ясность. Точно, так и есть! Не может же он мне *по-настоящему* нравиться!

Но пока я была как в космосе. Шагала по коридору академии, не видя дороги, и вяло понимала, что не запомнила, как минула холл. Да и путь из Стрэйн-Лейн тоже не заметила – отчаянно пыталась разобраться с беспорядком в голове.

– Грандэ! – нежданно прервал мысленный монолог мужской голос из реальности.

– Да что?! – раздраженно рывкнула я, круто оборачиваясь. Дескать, не видите? Девушка тут пытается подлатать потекшую крышу!

Неожиданно я узнала Финиста, которого даже не заметила. Он поджидал меня перед лекторием и определенно не рассчитывал, что окажется ни с того ни с сего облаянным. На его лице не осталось ни намека на жесткое приземление на ярмарочную горку: ни царапин, ни синяков. Никогда не догадаешься, что в пятницу случился казус.

– Я тебя три раза звал, – обиделся он.

– Извини, – на мгновение прикрыла глаза и вздохнула, стараясь подавить несвоевременный приступ раздражения, – просто задумалась.

Ей-богу, вернуть бы то чудесное время, когда я считала Финиста Берта парнем мечты, первородный огонь – детской сказкой, а Рэнсвода – исчадием ада.

– Как дела у моей умницы?

Северянин попытался обнять меня за талию, но я невольно отшатнулась. Заметив досаду на его лице, мысленно себя обругала.

– Лучше скажи, как дела у тебя? – тихонько спросила я. – Ты все-таки съездил к знахарю?

– Конечно, – сухо отозвался он и фальшиво улыбнулся: – Я в полном порядке.

В зале царило оживление. Сегодня должны были объявить претенденток в Лунные Девы, и народ с азартом делал ставки, какая из популярных выпускниц попадет на конкурс.

– Знаешь, Финист, – замялась я, – пожалуй, подсяду к Альме.

Подруга занимала, как ни посмотри, стратегически выгодную позицию на первом ряду. В такой близости к доске, не напрягаясь, разглядишь все кривоватые схемы и рисунки Эйвана Змея.

– Умница, ты что же, меня стесняешься? – как-то нехорошо усмехнулся Финист.

– Нет! – У меня вспыхнули щеки. – Просто с твоего ряда доску не разглядишь.

– Ладно. – Окончательно задетый в лучших чувствах, он пожал плечами. Вернее, одним плечом, видимо, двумя пожимали только девчонки. – Тогда удачи на лекции.

Он устроился рядом с друзьями, а я быстренько спустилась по широким ступеням к подружке. Кажется, Финист провожал меня хмурым взглядом. Иначе почему бы так сильно горело между лопатками?

– Слышала, что случилось с Бертом в пятницу, – пробормотала Альма после короткого приветствия.

– Да, было ужасно, – честно призналась я, вытаскивая из сумки конспект и самописные перья.

Айтэрийка оглянулась назад, проверила Финиста с друзьями и протянула:

– По нему и не скажешь, что свидание закончилось в лекарской.

Она помахала перед лицом рукой, намекая, что погожий лик парня не пострадал после столкновения с ледяной поверхностью.

– Он ездил к знахарю, – прошептала я, догадываясь, что соседи подслушивают наше перешептывание.

– А как же занятия? – вытаращилась Альма, и пришлось цыкнуть, чтобы она убавила громкость. – Помню, после знахаря я неделю не могла призвать магию.

Оставалось только покачать головой, мол, понятия не имею, как Финист предполагает выкручиваться на практикумах. Ладно зельеварение, там особо магией щеголять не приходится, режь травку да бросай в умеренно кипящий котелок, но что делать завтра с высшей магией? Как представила рожу Эйвана Змея, теперь выставяющего

нас с Финистом слаженным дуэтом, так что-то сердце нехорошо сжалось.

И словно отозвавшись на мысленный призыв, наверху истошно застонала дверь. Можно было не оборачиваться, чтобы догадаться, что пожаловал магистр.

– Доброе утро, господа бытовики, – поприветствовал он поток, спускаясь к преподавательской кафедре, и пристроил на стол табель посещений. – Вижу, с прошлой недели вас явно прибавилось.

Что правда, то правда: драконовые порядки, установленные на его занятиях, самым положительным образом сказывались на посещаемости. Потрясающий результат! Даже Рэнсвод такого со второй лекции не добивался.

– Начнем с переключки, – объявил он, когда часовой бой возвестил о старте лекции, а скрипучая старушка-дверь сама себя заперла на замок.

В тишине звучали имена студентов. Каждый отзывался неохотно, словно магистр зачитывал списки смертников.

И как назло, когда очередь дошла до фамилии Грандэ, в воздухе аккуратно над моей макушкой вспыхнула пульсирующая сфера. Решив, будто кто-то хочет нас с Альмой разыграть, я испуганно глянула на замершего Эйвана Змея и поспешно призвала магию. Не хотелось, чтобы меня облили какой-нибудь гадостью! Но поразить магистра навыками защитных чар не успела – шар беззвучно разлетелся брызгами света.

Айтэрийка прикрылась рукой, спасая глаза от ослепительной вспышки. От греха подальше я вжала шею в плечи и съежилась. Сверху посыпалась серебристая пудра. Блестки переливались, окружив меня то ли блестящим дождем, то ли сверкающим облаком.

– Раздери меня химера! – воскликнул кто-то с задних рядов. – Грандэ будет Лунной Девой!

Я?! Да раздери этого парня химера!

Глава 6

День схождения лун

На лицо и руки пудра не осела, но от одежды летели блески. До вечера я мерцала, как сугроб на ярком солнце, и принимала поздравления даже от незнакомых людей. Стоило кому-нибудь завидеть в коридоре сверкающую серебром девицу, как они начинали улыбаться и желать удачи.

Перед возвращением в Стрэйн-Лейн пришлось заскочить в общежитие за единственным праздничным платьем, сиротливо спрятым в шкафу. Покупать новое денег попросту не было, а брать одежду на один вечер в рассрочку – кощунственное расточительство.

Оказавшись в своих покоях, первым делом я переоделась в красный наряд. Извернувшись, застегнула на спине крючки и встала перед зеркалом. Платье было непритязательного кроя, со скромным вырезом. Из украшений – золотистая вышивка. И почему в прошлом году оно казалось верхом элегантности? Видимо, сейчас ему не хватало пояса, пожертвованного каменной гаргулье.

Раздался стук в дверь. Не успела я и рта открыть, как Рэнсвод, вытаскивая запонки из манжет рубашки, вошел в комнату.

– София, я только вернулся... – Он поднял глаза и запнулся. – Что делаешь?

– Как вам платье? Пойду в нем на праздник. – Разглаживая ладонями складки, я повернулась к Киару. – Тут пояса, правда, не хватает, но что-нибудь придумаю. Миленькое?

– Миленькое, – с непроницаемым видом согласился Киар. – Красного цвета.

Как-то мигом стало ясно, что платье ему совершенно не понравилось. Приподнятое настроение не упало, а обрушилось, и рассказывать о конкурсе Лунной Девы мигом расхотелось.

Плечо с меткой я подставляла страшно сердитая. Пока в комнате мерцали светильники, а магический огонь отражался в зеркале и рисовал на стенах танцующие тени, перед мысленным взором стояла прима театральных подмостков, свечками едва не спалившая занавески в нашей гостиной... в гостиной Рэнсвода.

Конечно, он привык к дамочкам в красивых магических нарядах, стоящих, как крыло драконовой химеры. Заклятые платья идеально садились по фигуре, удлинялись или укорачивались под рост. На ногтях сам собой появлялся лак, а на лице – макияж. Да даже прическу к наряду можно было выбрать! Зато скинь такое платье, как красота мигом исчезала. Никакой маскировки, только голая правда об изъянах.

– Собирайся, – резковато скомандовал Киар.

– Куда? – растерялась я.

– Купим другое платье, – бросил он на ходу, направляясь к двери.

– Нет!

– Прости? – не скрывая удивления, словно не ожидал, что с его решением будут спорить, обернулся он.

– Покупать мне одежду – совершенно неуместно. Более того, не очень прилично.

Рэнсвод рассматривал меня с некоторым удивлением, словно впервые в его жизни девушка наотрез отказывалась от нового наряда. И он пока не понимал, что следовало сделать: оставить дурочку в покое или все-таки объяснить, что она дурочка.

– Книги не считаются! – опередила я. – Друзья все время дарят друг другу книги. Это совершенно нормально!

– София, у меня появилась идея. Давай сделаем вид, что платье повесил в шкаф Тайный Чародей, – предложил он.

– Я же сама его выберу.

– А ты была так любезна, что заранее выбрала фасон и цвет. Сколько тебе нужно на сборы? Полчаса хватит?

Я не заставила себя ждать и собралась за десять минут. Вскоре наша карета прогрохотала по тяжелому каменному мосту с фигурами гаргулий, отделяющему центр от западной части Но-Ирэ, в народе прозванного районом Западных ворот. Здесь селились обеспеченные семьи и конторские служки. Счетоводы, судебные заступники, удачливые торговцы и прочие господа, кому оказалось не по статусу жить в простецких восточных кварталах, но вскарабкаться поближе к королевскому дворцу все еще не хватало денег.

Пропетляв в паутине улиц, мы остановились возле модного ателье с большими витринами, закрытыми изнутри портьерами. Со стороны двухэтажное здание с изящной вывеской казалось трогательно лупоглазым. За стеклом стояли портняжные манекены, так хитро

задрапированные полотном, что со стороны выглядело, будто их одели в сложные балльные наряды.

О нашем появлении в нарядном зале с уютной мебелью и живыми цветами в вазах возвестил переливчатый колокольчик. Встречать нас вышла стройная женщина возраста моей мамы.

– Киар! – Она приветствовала Рэнсвода, как давнего знакомого. – Почему не предупредил заранее? Мы подготовили бы костюмные ткани.

Покровительственным жестом он положил ладонь мне на поясницу и слегка подвинул к хозяйке ателье.

– Мэйри, помоги юной леди выбрать праздничное платье.

Подняв ухоженные брови, та окинула меня оценивающим взглядом и вновь растянула накрашенные губы в приветливой улыбке:

– Уверена, мы что-нибудь подберем.

– Не надо что-нибудь, – мягким тоном, тонко намекающим на недовольство, осек ее Рэнсвод. – Найди то, что подойдет именно Софии.

– Разумеется, – вежливо кивнула она и спрятала под длинными угольно-черными ресницами вспыхнувшее в глазах любопытство. – Идемте в примерочный зал.

Мы последовали за хозяйкой. Она толкнула замаскированную под стенную панель дверь и жестом пригласила нас войти:

– Располагайтесь, здесь вас никто не потревожит.

В небольшом помещении горела яркая потолочная люстра, и каждый уголок был залит светом. В центре размещался невысокий круглый подиум, видимо, для демонстрации нарядов. Перед ним стояла пара помпезных кресел с гнутыми ножками, разделенных высоким столиком. Окна скрывали плотные портьеры.

Пообещав вернуться в кратчайший срок, хозяйка оставила нас с Рэнсводом вдвоем и предусмотрительно задвинула за собой стенную панель. Едва я расстегнула пуговицы на пальто, как Киар шагнул ко мне и привычным жестом, словно делал так сотни раз до того, помог освободиться от верхней одежды.

– Магистр, эта ваша знакомая тоже не из болтливых? – сделав вид, будто вовсе не смущена этой небрежной галантностью, тихо спросила я.

– Спешу огорчить: она крайне болтлива, – отозвался он, аккуратно пристраивая мое пальто на спинку одного из кресел.

– Зачем вы привезли нас в колыбель сплетен? – охнула я.

– Девушкам нравятся здешние платья.

– А вы, значит, в этом неплохо разбираетесь? Что она подумает?

Рэнсвод хотел что-то ответить, возможно, в своей обычной манере заявить, дескать, никому и ничего не обязан объяснять, но не успел – панель снова раскрылась. В примерочный зал вернулась хозяйка ателье с парой туфель в руках. Следом за ней просеменила молоденькая, моего возраста, модистка с ворохом разноцветных нарядов.

За дверью, обтянутой стеной тканью, а потому неприметной, пряталась гардеробная с большим зеркалом в человеческий рост. Шустрая помощница развесила платья и удалилась. Переодеваться мне помогала сама Мэйри.

Смущаясь под ее пристальным взглядом, я неловко разоблачилась и осталась в исподней сорочке из тонкого полотна, едва прикрывающей колени. Женщина посмотрела на мое отражение в зеркале и улыбнулась тонкой улыбкой:

– Я не ошиблась: под неприметным футляром прячется прекрасная фигура.

Почему-то стало обидно, что симпатичное клетчатое платье с белым воротничком, между прочим, удобное и немаркое, обозвали футляром. Хорошо, не саркофагом.

Она помогла мне влезть в алое кружевное чудо с широкой юбкой и начала ловко застегивать на спине незаметные крючки.

– Так, говоришь, ты племянница Киара?

– С чего вы решили? Магистр Рэнсвод мне вовсе не родственник, – усмехнулась я и нахально встретила ее взгляд в зеркальном отражении. – Я работаю его помощницей.

– Неужели? – хмыкнула Мэйри, стараясь скрыть зудящее любопытство.

– Он мой бывший преподаватель, поэтому согласился взять на испытательный срок. Вы не представляете, как сложно в Но-Ирэ найти хорошее место, где с девушкой из приличной семьи точно не случится никаких неприятностей... Если вы понимаете, о чем я говорю.

Я многозначительно изогнула брови, дескать, мы обе знаем, какие опасности поджидают юных выпускниц за дверьми в дорогие

особняки.

– Прекрасно понимаю, – улыбнулась она и, застегнув последний крючок, отошла на шаг. – Готово.

Я впервые в жизни надела платье, измененное с помощью магии, и с восторгом следила за преображением. Если сначала казалось, будто его сняли с чужого плеча, то теперь оно сидело идеально, точно сшитое по моей мерке.

Кружевной корсаж стягивался на груди. Юбка сужалась, аккуратно ложились жесткие складки. Длинные рукава укоротились, открыв запястья. На ногтях появился алый лак, а на губах – карминовая помада. Даже ресницы почернели и стали длиннее, отчего перед глазами неожиданно появилась непривычная пелена.

– Обувь. – Мэйри протянула пару на высоком каблуке.

Пришлось усесться на скамеечку у стены и стянуть ботинки. Туфли оказались великанского размера, но, стоило в них утонуть, как колодка подстроилась строго под ступню, а кожа поменяла цвет из невзрачно-сероватого оттенка в феерично-алый, точно под наряд. Обычно я избегала высоких каблуков, а если отвертеться не удавалось, то приходилось бороться с дурацким ощущением, будто земная твердь уходит из-под ног. Однако в магических туфельках было комфортно, как в домашних тапочках.

– Пришло время для демонстрации, – объявила Мэйри и открыла дверь.

Я подхватила подол и, чувствуя себя невообразимо красивой, легко выпорхнула из примерочной в зал. Рэнсвод сидел в кресле, читал утреннюю газету, словно пытался обнаружить в ней свежие новости. На столике дымилась чашечка кофе.

– Смотрите, магистр! Такой сочный красный цвет! – звенящим от восторга голосом позвала я. – Чудесное платье!

– Нет, – проронил он, даже не оторвавшись от чтения.

– Вы не взглянули, – буркнула я.

– Следующее, – словно мы стояли в очереди за жареными пирожками, скомандовал он, не потрудившись перевести взгляд от газетной колонки.

Я моментально сдулась, как воздушный шарик, и пошлепала обратно в гардеробную.

– Куда ты должна его сопровождать? – помогая мне раздеться, уточнила Мэйри.

– Никуда, – не теряя ни на миг бдительности, отозвалась я. – Участвую в конкурсе на звание Лунной Девы.

– Тогда попробуем что-нибудь поскромнее, – предложила она.

– Белое! – второй раз выйдя в примерочный зал, объявила я, словно Рэнсвод мог запутаться в колере и принять праздничный белый за похоронный черный.

– Аккурат на постриг в монахини, – прокомментировал он, бросив короткий взгляд на белое кружевное платье с высоким жестким воротником.

– Оно не похоже на монашескую рясу! – возмутилась я. – А от макияжа можно вообще отказаться и выбрать другой по каталогу.

Он все-таки потрудился присмотреться и согласно кивнул:

– Вообще, ты права.

– Видите! Я похожа на принцессу.

– Если принцесса одета в саван.

Я почувствовала, как меняюсь в лице, и промаршировала обратно в примерочную. Вышла оттуда в шикарном наряде глубокого синего цвета с вышитой серебристыми цветами юбкой. На лице был вечерний макияж, на ногтях появились блестки.

– Вычурно и дешево, – резюмировал он.

– Вы так пошутили? – Я приблизилась к нему и зашептала, надеясь, что хозяйка ателье расслышит, по крайней мере, не весь разговор: – Уверена, что платье стоит, как два крыла драконовой химеры.

– Но выглядит дешево, – спокойно ответил он и спрятался за газетой.

Следующий наряд, по мнению Киара, подходил только для притона. Еще в одном, на его взгляд, я больше всего напоминала умертвие. Хотелось снять с ноги туфлю и швырнуть ему в голову. В доказательство, что я очень даже живая. Все удовольствие от примерки испоганил. Злыдень!

– Ладно, – процедила я и вернулась в гардеробную, сердито стуча каблуками.

– Он никогда не был придирчивым, – искренне недоумевала Мэйри, позабыв про любопытство. Или просто решила, что все равно

не сумеет разузнать ничего скандального.

– Просто он сдерживался, – буркнула я, влезая в очередной наряд из шелка пудрового цвета на тонких бретелях и с кружевными крылышками.

Плечи прикрыла золотистая невесомая паутинка, но руки оставались обнаженными. Грудь подчеркивал узкий вышитый лиф, юбка льнула к ногам. На лице появился естественный макияж, а концы волос завились легкими локонами и начали лезть в глаза.

– И снова мы с платьем! – Я поднялась на подиум и тряхнула непослушной гривой, стараясь убрать пряди с лица. – Что скажете?

Рэнсвод поставил чашку с кофе на блюде, повернул голову и замер. Взгляд стремительно потяжелел и похолодел. Возникла странная нервирующая пауза.

– Плохо? – уточнила я, огладив нежную ткань ладонью.

Киар сидел неподвижно, молчал и смотрел. Я чувствовала себя бабочкой, нанизанной на иголку. Тело переставало слушаться, в затылке появилось противное ощущение, будто шея стала мягкой и голова мелко трясется. Безусловно, она не тряслась, но эта неприятная дрожь вызвала желание потупиться.

– Согласна, платье слишком открытое.

Я подхватила подол, чтобы спуститься с подиума и вернуться в примерочную. Хотелось верить, что хозяйка сможет подобрать еще парочку вариантов, чтобы не как для притона и не слишком вычурное.

– Стой! – резко приказал Киар, заставив меня замереть, как мага-первогодку перед военным генералом. – Его.

– Что? – моргнула я.

– Мы возьмем это платье.

– Вам оно нравится! – обрадовалась я.

Пронизывающий взгляд остановился на моем лице где-то в районе сомкнутых губ, подкрашенных магией полупрозрачным блеском.

– Тебе идет, и оно не красное.

В особняк на Стрэйн-Лейн мы возвращались в таком глубоком молчании, словно не платье выбирали, а отпевали безвременно почившую любимую рыбку Киара. Понятия не имею, отчего у него в одночасье испоганилось настроение, но оказаться с угрюмым Рэнсводом в замкнутом пространстве было удовольствием не для

слабонервных. Пусть именно на нервы я, в общем-то, никогда не жаловалась, все равно хотелось выпрыгнуть из салона на улицу и пройтись до дома пешочком.

— А можно остановиться здесь? — почему-то шепотом, словно за громкий голос меня отругают, спросила я. — Прогуляюсь перед сном на свежем воздухе.

— Нет. Идти одной опасно.

— Как скажете, — вздохнула я и мрачно подумала: «Извините, что вклинилась в ваше глубокомысленное молчание».

В дом мы входили так же, не нарушая этого упорного молчания. Скажу больше, Рэнсвод избегал смотреть в мою сторону, словно там, в примерочном зале, на что-то сильно разозлился. Я судорожно вспоминала, сколько раз поблагодарила за платье, и мысленно насчитала не меньше пяти. По-моему, достаточно, чтобы выразить размер благодарности Нетайному Чародею за дорогой подарок.

— Доброй ночи, София, — бросил он безжизненно-холодным тоном и начал подниматься по лестнице.

— Магистр! — позвала его в спину.

Он обернулся, держась за перила. Взгляд остановился на мне.

— Я слушаю, — поторопил он.

Спрашивать, что стряслось, мигом расхотелось.

— Спасибо за подарок, — снова поблагодарила я. Как говорится, благодарности много не бывает.

— Пожалуйста, — сухо отозвался он.

На следующее утро я хотела выяснить, изменилось ли его настроение, но не сумела. Он или просто сбежал из дома, или сбежал потренироваться на холоде. Времени на выяснение не было. Пospешно собравшись, я умчалась в академию на практикум по высшей магии. И мне стоило тревожиться не о заскоках Рэнсвода, а о том, придет ли мой партнер на занятие, но в мыслях крутился один магистр с этим его изменчивым настроением.

Я практически убедила себя, что придется пристроиться третьей к Альме и старосте, но Берт был в зале. Прихлебывая из термоса какой-то напиток, стоял в компании парней и заразительно смеялся над чьей-то шуткой.

— Как он собирается заниматься после знахаря? — выгнула бровь Альма, озвучив мои мысли.

– Хотелось бы мне знать, – тихо согласилась я, предчувствуя, что снова окажусь в коридоре, но теперь из-за партнера.

Пока мы пристраивали сумки на полку, широкими шагами он пересек зал и остановился рядом с нами.

Альма мигом ретировалась:

– Пошла-ка я к своему старосте, а то стоит, бедняжка, как неприкаянный.

Тот и впрямь недобро зыркал в нашу сторону. За практикум на троих он потребовал от меня в безвременное пользование конспекты по бытовой магии, а теперь, пролетев, как драконова химера над пустыней, был весьма недоволен. Даже больше, чем от идеи превратить пару в трио.

– Кстати, Берт, тебя сняли с турнира за прогулы, – все-таки съехидничала подружка. – Тренер с утра орал как потерпевший.

– Переживет, – равнодушно бросил тот.

Едва Альма отошла, как он оперся ладонью о полку над моей головой и с белозубой улыбкой проворковал:

– Знаешь, что я заметил, моя умница? Ты никогда не приходишь здороваться первой.

– Привет, – поспешно вымолвила я.

Полагаю, он ждал чего-то погорячее единственного пророненного слова. Взгляд блуждал по моему лицу.

– Ну привет, умница-скромница.

– Думала, ты сегодня тоже не появишься.

– Я не имел права второй раз подставить своего партнера, – лениво протянул он. – Это было бы подло.

В первый раз тоже было не очень красиво, но я предпочла оставить ценное мнение при себе. В зал вошел магистр Сэт. Воркование пришлось прекратить и встать вместе со всеми в центр зала. После коротких приветствий и напутственных речей нас благословили на практику.

Я стояла напротив Финиста и с напряжением ждала, что будет дальше. Но он спокойно сжал кулак и призвал магию! Слово «удивление» явно не отражало всей глубины моего потрясения, когда на его раскрытой ладони засветилась полупрозрачная сфера.

– Вперед, партнер! – подбодрил он, подбрасывая шар в воздух.

Магия парня не обжигала, как у Сэта, но и не обволакивала, как у Рэнсвода. От осторожного прикосновения кончиками пальцев шар затрещал разрядами и лопнул, точно большой мыльный пузырь. К моему заклинанию Финист и вовсе не сумел прикоснуться, с шипением отскочил, словно магия его ужалила, как ядовитая змея.

– Попробуем еще раз. – Он встряхнул обожженными руками и размял шею, словно вышел в турнирный круг.

Это был полный провал, растянутый на два часа! В плане магии мы не продвинулись друг к другу ни на крошечный шаг. Пытались держаться за руки, но способ Киара совершенно не работал с Финистом. Сложили ладони одна в другую, чтобы вырастить общий шар, и только постояли как дураки с дымящимися пальцами. Магия северянина плевалась искрами, моя исходила жиденьким дымком. Выглядело так, словно два неудачника пытались на ладонках развести костерок, но уголька не хватило. Видимо, проблема заключалась все-таки в ручках, заклятия создающих, а не в замечательных способах.

Первородный огонь злился внутри, неистовствовал и не желал принимать незнакомого партнера. Да и чужая сила древнему дару не отзывалась. Я чувствовала, как кровь закипает, потом леденеет и снова по кругу. К окончанию двухчасовой пытки стало ясно, что нужно нестись в Стрэйн-Лейн, теряя на ходу ботинки, иначе день закончится паршиво. Если потороплюсь, то еще и к окончанию перерыва успею вернуться!

Едва прозвонили академические часы, я бросилась к полкам с вещами. Полагаю, от неожиданной прыти обалдел не только Финист, но и Эйван Змей.

– Ты в столовую, что ли, так торопишься? – хохотнула Альма, нагнав меня в дверях.

– Съезжу к магистру и вернусь, – быстро проговорила я. – Ему надо дать... снадобье.

– От чего? – изогнула подруга брови.

– От всего! Он такой дряхлый, что ни одной пилюлей не исправишь, но попытаться стоит.

Господи, София, что ты несешь? Предки Сатти только что всем конклавом закатали глаза! А их праправнучка, глядя на меня, с подозрением уточнила:

– У него разве домашнего лекаря нет?

– Есть, но я сегодня за главную! К концу перерыва буду.

Извозчик так проникся моей просьбой ехать побыстрее, что несся как угорелый. В салоне случилась болтанка, точно в корабельной каюте во время шторма. Я ездила туда-сюда по лавке и искренне жалела, что попросила этого рискованного дядюшку подождать и вернуть меня в академию.

В страшный момент, когда мы подпрыгнули на колдобине, в ушибленную о жесткую спинку головушку пришла крамольная мысль. Может, бог с ней, с бытовой магией? Потом как-нибудь отработаю, если останусь живой.

В общем, до особняка мы домчали со скоростью драконовой химеры, спасающей ценную шкуру от охотника. Поклявшись вознице, что управлюсь за пятнадцать минут, я бросилась к воротам особняка. Споткнувшись на пороге, ворвалась в холл и резво кинулась наперерез кошке в гостиную... В доме были гости. Вернее, гость, седовласый импозантный мужчина. И, судя по выразительной паузе, мое появление, по грохоту сравнимое со вторжением северных варваров в осажденный город, прервало серьезный разговор.

– Здравствуйте, – пролепетала я и нервным жестом пригладила вздыбленные волосы.

– Что ж, господин Рэнсвод, пожалуй, мне пора. Подумайте над моим предложением. Я буду безмерно счастлив видеть вас в Ос-Арэте.

Визитер поднялся с дивана, Киар встал следом.

– Не провожайте, господин Рэнсвод, – коротким жестом велел он и бросил на меня улыбчивый взгляд: – Похоже, у вас срочное дело. Всего доброго, юная леди.

Я смущенно подвинулась в дверях и кивнула:

– До свидания.

– Бытовая магия? – изогнул он брови, видимо, оценив академическую зеленую мантию. – И вы хороший бытовой маг?

– Будет отличным, – вместо меня ответил Рэнсвод. – Предложите ей стипендию в вашу магистратуру. Думаю, госпожа Грандэ заинтересуется.

– Это еще одно условие? – подняв брови, хмыкнул господин.

– Если желаете, – сдержанно согласился Киар.

– Что ж... – Гость залез во внутренний карман и вытащил серебряную визитницу. – Пришлите мне рекомендательное письмо от

куратора, госпожа Грандэ.

Чувствуя себя, прямо сказать, очень странно, я забрала карточку. На бархатистой плотной бумаге было выведено имя и должность. В наш дом заглянул ректор академии магии Ос-Арэт.

В моей карте мира он находился на том же недоступном континенте, где проживал король. Когда точно знаешь, что такие люди существуют, но не рассчитываешь когда-нибудь с ними столкнуться нос к носу.

– Спасибо, господин ректор, – пролепетала я. – Но я только заканчиваю четвертый курс.

– Самое время подумать о будущем, – отеческим тоном заключил он.

Пахнув холодным сквозняком, за ним закрылась входная дверь. Я растерянно посмотрела на Рэнсвода. Скрестив руки на груди, он стоял на фоне окна, и вокруг его высокой фигуры свет рисовал яркий абрис.

– Дай угадаю, – проговорил Киар, – практикум по высшей магии.

– И меня ждет извозчик, чтобы вернуть в академию, – проворчала я, снимая пальто и мантию. – Потому что если я пропущу профилирующий предмет, то куратор порежет меня на салфетки.

Я стояла с оголенным плечом и ждала, когда Рэнсвод привычным жестом положит ладонь на метку. Он медлил, словно наш ритуал, казалось бы, ставший обыденным, начал его угнетать.

– Не хочу торопить, но время поджигает, – с неожиданным даже для себя раздражением поторопила я.

Киар дотронулся лишь кончиками пальцев, едва-едва, словно вовсе не хотел прикасаться к метке и пытался придумать, как этого самого прикосновения избежать. А после слияния во мне вспыхнула ярость. Зубами хотелось заскрипеть!

– На что вы вчера разозлились? – сухо спросила я, поспешно застегивая ворот платья.

– Похоже на то, что я разозлился? – тихо спросил он.

– Да! Понятия не имею, что сделала неправильно.

Я развернулась и вдруг обнаружила, что нас разделяло ничтожное расстояние. Обычно он отходил, не пытаясь вторгаться в мое личное пространство, но сейчас не сдвинулся ни на шаг. Спрятав руки в карманы модных широких брюк, рассматривал меня тяжелым, почти

осязаемым взглядом. Раньше под этим взглядом хотелось съежиться и спрятаться под парту, а теперь вдруг оборвалось дыхание.

– Ты не сделала ничего плохого, София, – спокойно произнес он. – Из нас двоих именно мне не следует забывать о будущем.

Смутно догадываясь, что мы говорим о разных вещах, я спросила:

– Ректор Ос-Арэта предложил вам читать лекции в его академии?

– Возглавить факультет высшей магии, и я склонен согласиться.

Иди. – Он отослал меня сдержанным кивком. – Ты опоздаешь.

* * *

На следующий день все послеобеденные занятия отменили. В коридорах и лекториях витала атмосфера скорого праздника. Замковые духи разносили сюрпризы из сундука Тайного Чародея, и народ покатывался со смеху, демонстрируя свои подарки.

– Ты можешь представить, что мне принесли от Тайного Чародея? – взревела Альма, едва я уселась напротив нее в галдящей столовой.

– Еще один набор невротика? – предположила я, усилием воли сдерживая смех. Видно же, что подруга страшно возмущена.

– Да лучше бы его! Психанул – и сразу подлечился. Хоть какая-то польза! – продолжала она возмущаться. – Но мне подарили жабу!

Клянусь, после рыбок за сорок динаров я вообще ничему не удивляюсь.

– Надеюсь, она не начала в коробочке подванивать?

– Да каменную! Понимаешь? Мне подарили каменную страшную жабу! Если бы она еще и смердела, я точно отыскала бы шутника.

Она полезла в сумку, лежащую на скамейке, и долго в ней копалась. Я даже успела постучать по столу, и передо мной появился поднос с едой.

– Смотри! – Альма швырнула на поцарапанную столешницу фигурку, выточенную из змеевика, горного минерала болотного цвета с яркими черными прожилками. Жаба держала в пасти монетку и выпучивала глаза, словно этой самой монеткой давилась.

– Это денежная лягушка. В Ист-Орсе такие продают в каждой сувенирной лавке, – пояснила я, и подруга с подозрением сузила глаза. – Честное слово, в сундук лягушку положила не я! Так поистратилась в этом месяце, что не участвовала в игре. А ты что купила?

– Розовую свинью-копилку, – расплылась в довольной улыбке Альма. – Не поверишь, она досталась Эзре Ходжу! Ты не видела его рожу в этот момент... Обалдеть же!

– Что? – Я испуганно оглянулась через плечо, отчего-то мигом подумав, что в академии появился Рэнсвод. Даже в жар бросило.

– Думаешь, жабу прислал он, проклятый Эзра Ходж? – охнула она. – Как раз в его духе.

– Тебе сочинять бы романы, – покачала я головой.

– Сочинять романы мне не позволят мудрые предки Сатти. – Альма указала пальцем с двумя колечками в потолок, дескать, сверху за ней приглядывают. – Они не одобряют это ваше творчество.

– На турнирную магию тебя благословили они? – неожиданно в наш разговор вклинился Финист.

В большом недоумении мы обе повернули головы и обнаружили, что он сидел рядом, подперев щеку кулаком, и с интересом слушал девичий треп.

– Давно подслушиваешь? – полюбопытствовала я.

– Услышал почти все. – Его глаза смеялись. – Привет, моя Лунная Дева. Я тебя искал.

Он аккуратно пристроил на стол новогоднюю игрушку: гроздь алых слюдяных сердечек на тонкой золотой нити.

– Что это?

– Подарок, – с улыбкой кивнул он.

– Я считала, что Тайный Чародей открыто подарки не дарит.

– Сегодня этот сюрприз мне принесли замковые духи, – подсказал Финист, как-то разом объясняя, что он вовсе не надумал никого одаривать, а просто пришел похвастаться игрушкой.

– Милая вещица, – хмыкнула я.

И практичная. Один раз подарили, а на новогоднее дерево можно вешать лет десять. Пока сердечки не переломаются.

– Говорят, замковые духи всегда учитывают желания дарителя. – Он многозначительно поиграл бровями.

– Предками клянусь, что не думала об Эзре Ходже, когда подложила свинью в сундук! – немедленно заявила Альма, хотя никто ни на что не намекал.

История о свинье Финиста не заинтересовала, и он с хитрецей спросил:

– Так что, умница, я отгадал? Ты моя Лунная Дева.

– Кхм... – многозначительно промычала я, не придумав, как лучше ответить.

– Конечно, она! – вклинилась подруга, когда стало ясно, что пауза затягивается, я постепенно начинаю краснеть в цвет слюдяных сердечек, и разговор, вполне вероятно, закончится страшной неловкостью.

Финист блеснул белозубой улыбкой, в светлых глазах плясали химеровы бесята.

– Так и знал!

Неожиданно он нагнулся и, пока я хлопала глазами, прижался влажными горячими губами к моим приоткрытым. Я перестала дышать и вытаращилась как дура. В столовой наступила тишина. Альма поперхнулась.

– Спасибо за подарок, – прошептал он.

– Ага, пожалуйста, – ошарашенно кивнула я. Губы горели, как от жгучего перца.

Наверное, встань Берт на скамейку и прокричи во весь голос, что у нас происходит романтическая история, эффект был бы не столь ошеломительным. Люди верили только в то, что увидели собственными глазами.

С довольной улыбкой, словно спас Шай-Эр от неминуемой гибели, он сгреб сердечки, игриво подмигнул и оставил нас с подругой доедать остывший супец.

– Он тебя поцеловал при всех? – уточнила Альма, словно не верила собственным глазам.

– Да вроде, – промычала я и тут же выругалась: – Зачем ты ему соврала?

– Зато какой неожиданный эффект! – протянула та и вдруг шепнула: – Он возвращается!

Оказалось, северянин решил проявить неожиданную и, в общем-то, ненужную галантность.

– Совсем забыл спросить. Куда за тобой заехать вечером?

Как представила, что он постучится в дверь особняка и обалдевший Киар пойдет по лестничке открывать... так мороз побежал по коже.

– Не надо приезжать! – поспешно отказалась я. – Встретимся на месте.

– Тогда буду ждать тебя в холле, моя умница, – пообещал он.

* * *

В новом платье, накануне доставленном из ателье, я должна была выглядеть как сказочная принцесса. План был прост, как медный сантим: надеть, а потом перед зеркалом с восхищением наблюдать, как наряд сам собой садится на фигуру, превращая меня в эту самую пресловутую принцессу. Тут-то и случился маленький конфузец: чтобы застегнуть волшебный наряд, мне не хватало лишней пары рук. В смысле, не моей лишней пары – это было бы поистине ужасающе, а добровольного помощника.

Дома сборами на праздники руководила мама, даже если ее никто не просил. В общежитии перед академическими балами всегда царила неразбериха: двери не закрывались, соседки галдели, кто-нибудь обязательно просил или карандаш для бровей, или нитку с иглой – наживую подшить подол. В общем, выловить в коридоре добрую дуэньку, способную на скорости ярмарочного мошенника застегнуть на платье крючки, проблем не возникало. Но в особняке Рэнсвода, кроме кошки Дуси, дрыхнувшей на кровати, и собственно самого Рэнсвода, других живых существ не имелось.

У кошки были лапки, а у Киара – препоганейшее настроение. Мы с ним случайно столкнулись на лестнице, когда я вернулась из академии, и он поздоровался таким тоном, что до сих пор чуточку подергивался глаз. Мысли о будущем – или чем он там себя накручивал? – превращали его в магистра из ада, вызывающего у меня оторопь и гнев одновременно. Но оторопь больше.

Надеть через голову платье с пышной юбкой собственными силами было практически нереально. Побоявшись порвать нежные кружева, я влезла в него через ноги, потянула вверх и попыталась с

честью преодолеть полсотни – точно не меньше! – крючков на спинке. На пояснице еще кое-как наковыряла, а вот выше – не удавалось. Застежки отказывались вставляться в нужные петельки, и все время дыбились некрасивые складки.

Взбесившись, я перевернула платье задом наперед. Теперь-то застежка мне покорилась! Но стоило сомкнуть крючки, заклятый магией наряд немедленно начал стягиваться по фигуре.

Как последняя дура я стояла перед зеркалом и любовалась на лиф, изображавший на спине те округлости, которые, как и задумала природа, находились спереди. Жесткий край даже прикрыл часть неровного круга из хаотичных символов древнейшего языка.

– Да химерово ты отродье! – процедила я сквозь зубы, пытаюсь перевернуть платье.

Кружево категорично треснуло, намекая, что с нарядами принцесс стоит вести себя поделикатнее. Это вам не какая-то шерстяная тряпка с белым воротничком, купленная за два с половиной динара у Восточных ворот! Пришлось расстегнуться и снова перевернуть строптивую вещь.

В общем, я сделала все, что смогла и в нерешительности покосилась на двери. В конце концов, не покусает же Рэнсвод девушку за просьбу помочь с одеванием!

Одной рукой прижимая лиф к груди, а другой – придерживая волочащийся по полу подол, я пошлепала босыми пятками в покои к Киару. Перед дверью, ей-богу, чуть не передумала, но все-таки постучалась и отступила вглубь коридора.

Рэнсвод открыл. Сам он был одет в белую сорочку из дорогого полотна и идеально отглаженные черные брюки. Нечитаемый взгляд скользнул по платью, зацепленному на мне, как на деревянной вешалке, за бретели. Неожиданно одна соскользнула с плеча и повисла у сгиба локтя. Киар глубоко вздохнул, точно мучился от вселенской печали.

– Это... Скоро экипаж приедет... – промычала я и неловко махнула рукой, намекая на плечо.

Извозчика для меня Рэнсвод нанял на весь вечер, о чем сухо проинформировал вчера, когда посыльный привез коробку с платьем из ателье Мэйри.

– Конечно. – Он подвинулся в дверях. – Заходи.

Ступить на запретные «земли» было... странно. Большая гостиная утопала в полумраке – горели только ночные светильники. В их неярком свете покои выглядели лаконичными и по-мужски элегантными. Никаких цветочков или – не дай боже! – пафосного золота, только сдержанные кофейные и бежевые оттенки. Отчего-то казалось, что в его комнате должно быть очень холодно, но даже от ковра на полу исходило тепло. А в воздухе витал едва уловимый запах знакомого благовония.

Стараясь не глядеть по сторонам, как на экскурсии по древним руинам, я выхватывала лишь мелкие детали: строгий рисунок на темно-коричневых стенных тканях, стопку книг на полированной крышке длинного комода, узкое зеркало в деревянной раме над ним, небрежно брошенные в хрустальную пепельницу запонки, серебряный портсигар, край кровати в открытых дверях спальни.

– Готова? – сухо спросил Киар, закатывая рукава сорочки.

– Да. – Я оглянулась через плечо и, стараясь разрядить гнетущую атмосферу, шутливо скомандовала: – Действуйте!

– Слушаюсь.

Понятно: шутка была лишней. Как-то забылось, что рядом со мной человек, по несчастью обделенный чувством юмора.

Когда он дотронулся до метки лишь кончиками пальцев, внутри вновь шевельнулось глухое недовольство. И пока лишняя сила утекала из тела, у меня случилось прозрение!

Пусть ритуал казался неловким и даже варварским, но руки Киара всегда оставались уверенными. Он не позволял допустить мысль, будто мы занимались чем-то недозволенным или – хуже! – грязным. Никогда, ни на секунду. И эти осторожные, точно украдкой сворованные прикосновения, начисто стирали ощущение абсолютной правильности происходящего.

– Метку не видно. – Отступив, он одернул рукава. Естественным жестом, легко распоряжаясь крохами полученной магии, провел по ткани ладонью и сгладил мелкие заломы. Бытовых заклятий он действительно не чурался.

– Магистр, такое дело... – позвала я, заставив его оторваться от важнейшего занятия – наведения лоска, и выпалила: – Помогите застегнуть платье!

Киар на секунду замер. Пришлось уверить, что ситуация совершенно безвыходная и гибкости мне не хватит, даже если свернусь бубликом, а я им точно не свернусь.

– Я честно пыталась сама...

Он прервал стенания простым кивком, дескать, леди, возвращайся в исходную позицию и подставляй спину, пока магистр-злыдень готов причинить немножко добра.

– Спасибо! – Второго приглашения я не ждала, немедленно подставила, как и велели.

Киар ловко справлялся с крючками. Чувствовался опыт, который, как утверждали знающие люди, под ногами не насобираешь. Но, сам того не замечая, раз за разом он задевал пальцами обнаженную кожу. Спина вдруг сделалась такой чувствительной, что каждое случайное касание вызывало волну мурашек. И я краснела в цвет дурацких сердечек, подаренных Финисту. Почему-то именно они в этот момент стояли перед мысленным взором.

Когда все крючки вошли в петельки, платье послушно стянулось по фигуре, поднялся длинный подол, лиф обтянул грудь, шелковая юбка прильнула к ногам. Волосы завились локонами, а на лице, должно быть, появился легкий, едва заметный макияж, идущий в комплекте с нарядом. Оставалось обуть волшебные туфли, и принцесса готова стать Лунной Девой!

– Как вам? – Я повернулась к Киару и расставила руки. – Правда мне идет?

– Да, – отрывисто проронил он, не сводя взгляда с моего лица. – Красиво.

По-моему, таким холодным тоном насылают черные заклятия, а не говорят комплименты. Придираться не стала и еще раз поблагодарила за подарок от Нетайного Чародея. Благодарность смягчает злыдней.

И ведь тактика себя оправдала! Упакованный в черный смокинг, вероятно, обязательный даже на скучных вечеринках аристократов, он проводил меня к экипажу и помог усесться в теплый салон.

– Хорошего вечера, София, – пожелал он.

– Вам тоже хорошего вечера, магистр, – кивнула в ответ.

Я серьезно опасалась, что в легком платье отморожу зад и что-нибудь помимо него, пока буду мелкой рысью нестись от центральных

ворот до исторической части дворцового комплекса, но трагического обморожения удалось избежать.

Ради бала открыли старые ворота, и карета остановилась возле лестницы в парадное здание. Именно здесь проходили официальные торжества, а верхние этажи занимала ректорская приемная и академический музей древних артефактов. Кстати, весьма любопытный.

В холле творилась страшная неразбериха. Яркий свет каскадной люстры озарял каждый угол. Воздух, пропитанный безудержным праздничным весельем, сотрясался от громких разговоров и смеха. Анфилада залов с высокими широкими арками вместо дверей была заполнена нарядно одетыми студентами.

Я огляделась, пытаюсь в разноцветной толпе отыскать Финиста. Спрятав руки в карманы строгих брюк, он стоял в самом центре холла. На лице сияла чарующая улыбка. И как его сразу не заметила?

Он шагнул навстречу первым, не заставив меня лавировать среди людей. Казалось, вечер начинался волшебным, и тут меня нагнало проклятие от слияния! Парень из мечты шел, а у меня перед мысленным взором приближалась фигура другого мужчины, поджарого и жилистого, упакованного в дорогую белую сорочку и узкие брюки. В нем не было юношеской нескладности и незрелости, каждое движение излучало уверенность.

И я вздрогнула, когда он прошептал голосом Финиста Берта, чьи ладони смело легли на мою талию:

– Кто ты, прекрасное видение? Я не могу отвести от тебя глаз.

– С наступающим Днем схождения лун, – выдохнула я, заставляя себя вернуться в реальность, которая, ей-богу, была не так уж плоха.

До официального открытия праздника оставалось немного времени. Мы прошлись по залам, собственно, ни о чем не разговаривая. Перекричать шумную толпу было нереально, да и Берта постоянно отвлекали. Кажется, его знала если не вся академия, то большая часть собравшегося на праздник народа. Но его рука многозначительно и веско лежала на моей талии, и всем было очевидно, что девушка рядом с любимчиком толпы ходит не в качестве домашнего питомца.

– Что-нибудь выпьешь? – совершенно неожиданно, когда ему что-то втолковывал парень с факультета алхимии, повернулся ко мне

Финист. – Пунш?

Неизвестно, что в этот пунш намешали. Только в кошмаре может присниться, как во время бала на спине начнет проявляться метка. Обычно ее контуры становились видны только утром, а к вечеру рисунок начинал напоминать яркую и неопрятную татуировку, словно сделанную подпольным мастером.

– Лучше воды, – попросила я, искренне опасаясь нахлебаться чего-нибудь с аскаромом.

– Подождешь меня здесь? – предложил Финист.

Невольно я глянула через широкую арку в зал, где накрыли фуршетные столы. Традиционно в нем набилось больше всего народу.

– Да.

– Никуда не сбежишь?

– У меня туфельки не для бега, – пошутила я.

– Ладно, – подмигнул он. – Дай мне пять минут.

Через десять он тоже не вернулся. Я стояла одна, оглядывалась по сторонам, пытаюсь отыскать знакомые лица, и чувствовала себя очень глупо. Отчего-то вспоминалось, как на выпускном балу мой бывший одноклассник бегал за напитками. Он с таким усердием меня поил, словно надеялся, что я захмелею с ягодного пунша. Или, может, считал, что я умираю от жажды.

Парень вообще плохо представлял, с какого бока подходят к девушкам, и мама возмущалась, что с таким партнером по танцам ее дочь никогда не испытает счастья первого поцелуя на главном празднике взросления. Она ошиблась. Я испытала из принципа. Целовался одноклассник чудовищно.

Финист точно целовался отменно, и уверена, что в мой бокал с пуншем, если бы я его пила, был бы добавлен крепкий хмель. Конечно, исключительно для вкуса, а не для сговорчивости дамы.

Неожиданно передо мной вырос шкаф в костюме темно-синего цвета. Едва не уткнувшись носом в атласный лацкан, я обалдело подвинулась. Сверху нависал и отчаянно краснел капитан команды по турнирной магии Эзра Ходж.

– Грандэ, поговорить надо. – Он нервно откашлялся в кулак и дернул головой. – Отойдем на минуту?

– Куда?

– В место потише, – буркнул он.

Я вновь покосилась на фуршетный зал, но ни со стаканом воды, ни с пустыми руками Финиста не заметила. Он растворился где-то между столами с напитками и закусками. От разнообразия, что ли, глаза разбежались?

– Давай отойдем, – со вздохом согласилась я.

Эзра шел, сунув руки в карманы, развязной, но нервной походкой. Он вклинивался в толпу, как таран, и народ поспешно расходился в разные стороны. Аккуратно придерживая платье, я шустро семенила следом. Было заметно, что к костюмам здоровяк не привык: пиджак стеснял движения и натягивался на мощных плечах, а брюки не позволяли сделать широкий шаг.

Место потише, по мнению Эзры, находилось за одной из колонн. Когда мы скрылись от лишних глаз, он помялся и резковато проговорил:

– Твоя подружка...

– Какая из них? – Я изогнула брови, хотя прекрасно понимала, что для Ходжа у меня имелась единственная подружка.

– Не гони, Грандэ, ты понимаешь, о ком я говорю, – огрызнулся он, видимо, взбесившись, что его заставляют вести себя по-человечески, а не как обычно.

– Ах, ты об Альме. – Я скрестила руки на груди. – И что с ней?

– В общем, я хочу пригласить ее на танец, – буркнул он. – Ты замолви словечко, чтобы она не послала меня... ну... к химеровым демонам.

– Хорошо.

– Да брось, Грандэ. Знаешь ведь ее паршивый характер! Я оплачу... – Он осекся. – В смысле, ты мне поможешь?

– Да, – кивнула я.

– Да? – вытаращился он. – Так запросто? Я уже приготовился тебя уламывать, как не в себе. Не шутишь?

– Нет. – У меня действительно вырвался смех. – Эзра, она ругает тебя чаще, чем благодарит своих предков Сатти. По-моему, это что-то значит.

– Главное, чтобы это не значило, что она даст мне в рожу, если я к ней сунусь, – с тоской вздохнул он.

– Альма наверняка надела традиционное платье, поэтому сегодня драться точно не будет, – уверила я. – Ей предки не позволяют

осквернять святое.

– Благодарю тебя, подруга! – Вдохновленный Эзра так же вдохновенно сжал ручищами мои плечи. – Всегда знал, что ты хороший человек. И выглядишь, кстати, сегодня отлично. Вообще не похожа на серую мышь.

Господи, они точно с Альмой друг друга стоят! Она тоже мастер отвечать спорные комплименты.

– Спасибо. Сделаю все, что в моих силах. – Я повела плечами, освобождаясь от его стального захвата. – Теперь мы можем идти?

– И еще, Грандэ... Это, конечно, не мое дело... – Он пожевал губами. – Видел, что вы с Бертом, типа, вместе. В общем, он умеет петь в уши и все такое прочее... Ну, ты понимаешь.

– Вообще-то нет, – напряглась я.

– У них с приятелями вроде соревнования. Они развлекаются с девчонками, а потом бросают. Может, он, конечно, со всей душой. Я не стал бы лезть, но ты не похожа на его подружек. Ты с виду нормальная... – Ходж поморщился, явно смущенный ролью светлого мага в белых одеждах. – Короче, если обидит, то приходи ко мне! Идет?

Он протянул сжатый кулак. У игроков в турнирную магию этот универсальный жест означал почти все: приветствие, одобрение и, возможно, присягу на верность.

Я ударилась с Ходжем костяшками пальцев. Кстати, больно.

– Договорились.

Мы выбрались из-за колонны и немедленно разошлись в разные стороны, как заговорщики, ради конспирации делающие вид, будто вообще не знакомы. Без Эзры толпа и не думала передо мной расступаться, так что я несколько потерялась, пытаюсь вспомнить, на каком именно свободном клочке зала обещала дожждаться Финиста.

Пока пыталась справиться с неожиданным приступом топографического кретинизма, северянин нашелся сам. Он подплыл ко мне с ленивой улыбкой и стаканом воды, в котором бултыхались долька лимона и нетающая ледяная крошка.

– Я тебя потерял.

– А теперь нашел, – улыбнулась в ответ и забрала протянутый запотелый стакан. – Благодарю.

Сверху, заставив всех задрать головы, на нас обрушилась громкая музыка, словно приглашенный оркестр сидел под потолком. Мелодия полилась по анфиладе дворцовых комнат, созывая гостей на открытие праздничного вечера.

Неторопливо мы двинулись по направлению к бальному залу, хотя следовало очень даже торопиться. Отбор Лунных Дев обычно начинался после официального обращения ректора.

Зал для танцев в точности напоминал турнирную арену: огромное помещение с высоченными потолками и балконом, опоясывающим его по всему периметру. Наверху, в нише, играли музыканты. Резкая поначалу мелодия, призванная привлечь внимание, мягко перетекла в переливчатый, легкий мотив.

Альма с соседками по общежитию стояли тесным кружком, о чем-то разговаривали и прихлебывали из стаканчиков пунш. Подруга действительно осталась верной себе и всевидящим предкам Сатти. Она нарядилась на бал в традиционное платье, обнажившее крепкое сочно-шоколадное плечо. Черные волосы свободно струились по спине.

– Хочу поздороваться с подругами, – обернулась я к Финисту.

Тот бросил прохладный взгляд в сторону девичьей компании. Знакомство с десятком стипендиатов из академического пансиона его не прельщало.

– Необязательно меня сопровождать, – поспешно уверила я. – Можешь идти к своим. Ничего страшного. Ты же не обязан меня везде водить за руку.

Уговаривать Финиста не пришлось. Мы разошлись в разные стороны, хотя, в общем-то, эти самые стороны разделяло не самое большое расстояние.

Соседки встретили меня гробовым молчанием, словно перед ними во плоти появился дух мертвой ай-тэрийской бабушки Сатти и принялся нравоучительно объяснять, что на праздники следует одеваться в традиционные платья, как ее послушная внучка, живущая по заветам предков.

– Святые предки Сатти! – изумленно охнула Альма. – Теперь я понимаю, почему ты поистратилась в этом месяце! Выглядишь отлично, но непривычно.

У меня вырвался смешок.

– Твой Эзра только что сказал, что я перестала походить на серую мышь. Комплимент как раз в твоём духе.

Неожиданно в голове всплыла фраза, брошенная Киаром во время ссоры, что нужно выбирать исключительно созвучного себе партнера. Я решительно приказала этому мягкому, обволакивающему голосу заткнуться и прекратить нарушать душевный покой. Достаточно того, что от мысли об отборе начинали трястись поджилки.

– Где ты купила это платье? – ревниво спросила Тея, которая всегда считала себя главной модницей трёх общежитских этажей.

Учитывая, что её так и не выдвинули на праздничный конкурс, в последние два дня они с верной Леей меня сильно недолгоблюдали. Нарочито не замечали в коридоре, а стоило подсесть к ним в столовой, немедленно уходили, дескать, мы уже закончили приём пищи, приятного аппетита тебе в гордом одиночестве.

– В квартале Западных ворот, – не слушала я.

– В рассрочку взяла? – с умным видом закивала Лея.

– Она участвует в конкурсе и должна выглядеть достойно! – бросились защищать меня другие девочки, хотя я не нуждалась в судебных заступниках. – Ради такого не грех взять платье в долг.

В общем, женщины всегда знают, как с чувством наступить на больную мозоль любимым подругам. На Тею с Леей было больно смотреть. Подозреваю, теперь девчонки нарисуют мой портрет и по ночам будут втыкать в него ведические иглы.

Шаманская магия, конечно, не признавалась официальной наукой, раньше я и сама в неё верила слабо, но поглядите-ка, именно эта дикая, варварская ворожба одарила меня первородным огнём. Чтоб их всех, северных шаманок и театральных прим, к ним бегущих, сожрали драконы химеры!

– Не обращай на них внимания, – шепнула мне Альма. – Хотят завидовать, пусть завидуют молча. Ты сегодня самая красивая на этой тухлой вечеринке. Где, кстати, твой парень-красавчик?

Мы одновременно обернулись к Финисту, стоящему рядом с друзьями, такими же красавчиками. И их уже окружила стая галдящих первокурсниц в вечерних платьях разной степени откровенности и пышности.

Между тем музыка стихла, а по гулкому залу разнесся голос ректора:

– Приветствую, мои друзья!

В толпе прокатился утихающий рокот, и наступила жиденькая тишина, нарушаемая веселыми шепотками и хихиканьем. Мы обратились к балкону. За балюстрадой, помимо главы академии, стояли несколько магистров, видимо, призванных приглядывать за порядком на празднике. Не оставишь же великовозрастных детей без всевидящего ока взрослых. Наберутся пунша с запрещенным на балу хмелем и устроят дикие пляски с мордобоем или, не дай божественный слепец, вообще с раздеванием!

Эйван Сэт в неизменных черных одеждах занимал почетное место по правую руку от ректора. Длинный сюртук, застегнутый на все пуговицы, делал его похожим на борца с нечистью с книжной иллюстрации. Магистр бросал в толпу равнодушные взгляды. На лице застыла ледяная, как кусок айсберга, мина.

– Кстати, ты что-то говорила об Эзре Ходже, – прошептала Альма мне в ухо. – Что он хотел?

– Он пригласит тебя танцевать, а ты ему не откажешь и не накинешься с кулаками, – велела я.

– Он тебе денег, что ли, заплатил? – сощурила темно-карие глаза айтэрийка.

– Пообещал вызвать Финиста на поединок, если он меня обидит. Как видишь, я куплена с потрохами, поэтому не смей ему отказывать.

У Альмы вырвался издевательский смешок.

– Заметила, что у них цена одинаковая? Как думаешь, кто объявит дуэль первым?

– Искренне рассчитываю, что обойдется без турнирной магии. И потом, ты очень хочешь танцевать со своим капитаном, – добавила я.

– Да неужели? Он бесит моих благословенных предков!

– Не говори за предков, ты у них напрямую не спрашивала, – напомнила я, что связи со всевидящим оком нет и говорить за них глупо.

– Меня он тоже бесит.

– А тебе Эзра как раз нравится. И то, что вы вечно собачитесь, тоже нравится. Он, к слову, надел костюм. Выглядит божественно и отчаянно страдает. Оцени, какая жертва!

– Твои глупые разговоры нужно запивать водой, – буркнула она.

– Держи. – Я протянула нетронутый стакан.

С лицом, мол, с паршивой химеры хоть чешуек горсть, Альма выхватила из моих рук стакан с водой, сделала пару быстрых глотков и скривилась:

– Как ты можешь пить такую кислятину?

За перешептыванием мы пропустили речь ректора и замолчали лишь в тот момент, когда он торжественно объявил:

– Просим наших милых конкурсанток открыть бал в честь Дня схождения лун.

Живот свело, а сердце совершило кульбит, практически несовместимый с жизнью. Перед глазами заплясало. Не понимаю, как одной милой Лунной Девой не стало меньше еще до начала конкурса.

Неповоротливая толпа начала расступаться, а Финист незаметно возник за спиной. Мягко сжав мои плечи, подтолкнул к танцевальной площадке.

– Идем, моя умница. Сегодня мы обязаны всех поразить!

Думаю, мне единственной из претенденток было невдомек, сколько девушек выбрали для конкурса. Оказалось, нас всего четверо. В прошлом году участвовало в два раза больше.

Финист положил одну руку мне на талию, другой сжал влажные от волнения пальцы. Я пристроила ладонь ему на крепкое плечо. Когда мы стояли вот так, друг напротив друга, в ожидании музыки, не смотреть в прозрачно-голубые глаза было невозможно.

– Не переживай, – шепнул он. – Я отлично танцую.

Лучше бы сказал что-нибудь ободряющее, а то от волнения я самой себе напоминала Эзру Ходжа в праздничном костюме. Казалось, что чудесное платье стесняет движения, а магические туфли, в принципе созданные для долгих танцев, чудовищно наминают ноги. Шагу не ступить!

Нежная мелодия, провожавшая нас в бальный круг, переродилась. Оркестр заиграл начало известной оперы «Лунная Дева», которую в прошлом году давали в дворцовом театре. Я, понятно, не видела – пригласительных было не достать, но потом по всему Но-Ирэ эту мелодию играли уличные музыканты.

Финисту явно доставляло удовольствие быть в центре внимания, пусть рядом и кружились еще три пары. Он двигался умело и пластично, стараясь покрасоваться, но я никогда не занималась танцами и искренне верила: если партнеру ни разу не отдавить туфлю,

можно сорвать овации зрительного зала. Но на аплодисменты рассчитывать не стоило: пару раз каблук все-таки вонзался Финисту в ногу. В правую. Левая не пострадала. Видимо, успевал ее сдвинуть.

– Прости, – лепетала я, замечая, как его глаза круглеют от боли.

– Ничего страшного, – не разжимая зубов, пытался улыбаться он.

Мелодия звучала недолго. Видимо, первый танец считался разминкой, и никто не хотел утомить гостей задолго до основного действия. В последний такт Финист заставил меня провернуться вокруг своей оси. Перед глазами смешалось, подол спеленал ноги. Изумленно охнув, я начала терять равновесие и рухнула на подставленный локоть Берта. По инерции выгнулась дугой и оцепенела со свисающими до пола волосами.

Помогите мне, божественный слепец, святые гаргульи и просто кто-нибудь! Меня точно ждет прострел поясницы!

Разлетелись принужденные аплодисменты. Финист ловко выгнул меня обратно, словно изменяющим заклятием – вилку, и склонился, должно быть, рассчитывая на поцелуй. А я и не поняла сразу! Пока терла поясницу, радуясь, что ничего не треснуло – ни платье, ни позвоночник, – момент оказался упущен. Публичные лобзания потеряли актуальность.

Передышки нам не дали. Партнеры отошли, а мы, четверо конкурсанток, остались на танцевальном паркете. Нас по очереди представили залу.

– София! Мы за тебя! – выкрикнула из толпы Альма, и я прыснула нервным смехом.

– Если вы заметили, девушки, сегодня мы не стали украшать бальный зал, – с балкона вымолвил ректор усиленным с помощью магии голосом.

Он не лукавил. Едва мы с Финистом вошли, как в глаза бросились обнаженные, ничем не украшенные стены и высокий арочный потолок с побледневшими фресками. В прошлом году здесь навели мастерскую иллюзию, отчего казалось, будто гости танцевали в облаках. Красиво и необычно.

– В преданиях говорится, что Лунная Дева искусно владела магией и тонко чувствовала красоту вещей. Ваше задание – украсить этот зал так, чтобы у нас чаще забилося сердце, – объявил ректор, разведя руками. – Судьей сегодня выступает наш уважаемый магистр

Эйван Сэт. Леди, которая сумеет его поразить, будет названа Лунной Девой. Дерзайте!

Почему мне показалось, что он сказал «терзайте»? Видимо, вылезло подсознательное. Растерзать-то зал нам точно удастся, спору нет. Потом во время капитального ремонта, господин ректор, не жалуйтесь.

Очередность, кому придется колдовать первой, мы с девушками определили жеребьевкой: вытащили из бархатного мешочка кубики со знаками первородного языка. Я всегда умела достать номерок так, чтобы в полной мере почувствовать радость от участия. Вот и в этот раз удостоилась сомнительной чести первой покорять воображение Змея.

На размышления времени практически не дали. Соперницы с задумчивым видом прохаживались по залу, словно примеряя нарядные одежды на стены. Народ уважительно перешептывался.

Я тоже прошла, чтобы не отрываться от коллектива. В голове крутилась страшная чепуха. Почему-то вспоминались рыбки в аквариуме, блинчики в скворчащей сковородке, Рэнсвод в спортивной форме, с ироничной улыбкой заявляющий, что лучше бегать, чем глотать эликсиры. В общем, ничего, что позволило бы мне... Ладно, не победить! Но хотя бы не опозориться.

В прошлом году девушки, между прочим, просто тихо-мирно изменяли полотнища ткани: создавали цветы, птиц, а одна, та, что целовалась за колонной с Финистом, превратила красный шелк в фигуру танцующего человека. Выглядело жутковато, но это был самый яркий момент конкурса. Она заслужила венец Лунной Девы.

– Начинаем! – объявили с балкона. – Госпожа Грандэ, ваш выход!

Можно просто выйти вон?

Я встала в центр зала без единой мысли, чем удивить зрителей. Стараясь не обращать внимания на клубящиеся шепотки и ехидные вспышки смеха, посмотрела на уставший от времени паркет под ногами. И поняла!

Что там пишут в сказке про Лунную Деву и Тайного Чародея? Из-под ее ног летели искры? Как замечательно быть начитанной! Сейчас наколдуем.

В другое время на подобное заклятие мне не хватило бы сил, но Киар посоветовал не стесняться и пользоваться его даром.

– Магистр, с вашего позволения, – пробормотала себе под нос, встряхивая руками.

Я подняла ладони и смело призвала магию, не пытаясь ее сдерживать или цедить по каплям. Пол под ногами завибрировал, и от моей фигуры в разные стороны разлетелась волна горячего воздуха. Она раздула одежды, испортила прически и заставила людей на балконе предусмотрительно отодвинуться от балюстрады. Первородный огонь пел в крови, но я заставила его потухнуть и стряхнула с ладоней остатки магии.

Народ зароптал, не понимая, что именно изменилось, если внешне в зале вообще-то не изменилось ничего. В нарастающем гуле я шагнула вперед, и от моих ног по паркету, словно по водной глади, разошлись мерцающие круги. Со следующим шагом из-под каблуков разлетелась серебристая порошка. Даже на мой скромный вкус, выглядело эффектно. Зрительный зал тоже оценил и разразился одобрительными возгласами.

Пришла очередь других конкурсанток. Вторая девушка отточенным движением погасила светильники, погрузив зал в крошечную темноту. Музыканты обалдели от такого колена, и в тишине кто-то пронзительно проехал смычком по струнам скрипки. По-моему, от отвращения съежились даже мыши в подземелье. Но этот скребущий звук словно пробудил магию, и под потолком развернулось ночное небо, усыпанное мелкими звездами, а в воздухе начали плавать светляки.

Следующая соперница, быстро сориентировавшись, зажгла две миниатюрные луны, удивительно похожие на реальные, и пространство затопил голубоватый свет. Последняя девушка окрасила стены мерцающими узорами, неторопливо меняющими рисунок.

В общем, мы дружно решили вопрос раздражающего освещения. Теперь не придется плясать в ярких лампах, как на детском утреннике, но и, закружившись в танце, точно не налетишь на стену.

Правда, на то время, пока Эйван Змей раздумывал, кому вручить венец, освещение вернули, и эффектная в темноте магия заметно побледнела. Зал из космической ночной вселенной вновь превратился в подобие турнирной арены. Разве что наколдованные мною брызги, возникающие от движения, оставались яркими, нахальными и

сочными. Сразу видно, кто не пожалел для конкурса сил. Учитывая, что я почти не ощутила потери, становилось чуточку неловко.

Ректор потребовал рассказать, чем именно мы вдохновлялись, когда создавали заклятия.

– Лунная Дева и Тайный Чародей встретились звездной ночью, – объяснила конкурсантка, наколдовавшая небо.

– Это праздник схождения двух лун, символизирующих мужчину и женщину, – добавила вторая, намекая, что подвесила не просто реалистичные световые шары, а особенные.

– И после их встречи на пике Ясной зари зацвели разные... эм... цветочки, а потом началась весна, – указывая на стену, проговорила следующая.

Очередь дошла до меня. Стало очевидным, что легенду уже пересказали и соригинальничать все равно не получится.

– А я просто создала красивую магию, уместную на балу, – призналась я, услышала, как в гуле студенческих голосов глумливо хохотнула Альма, и поспешно добавила: – И еще из-под ног Лунной Девы разлетались искры.

– Благодарим за красивую магию, девушки! Магистр готов назвать Лунную Деву сегодняшнего бала, – объявил ректор.

Эйван Змей спустился по лестнице, и студенты уважительно расступились. С непроницаемой физиономией, похожий на черную ворону в стае разноцветных тропических птичек, он прошел по людскому коридору. Едва нога ступила на танцевальный паркет, как из-под подошвы разлетелись легкие сверкающие круги. Магистр покосился на пол, усмехнулся и устремился к нам. Когда он утвердился перед нашим стройным рядом, вверх брызнули сверкающие струи блестящей пудры.

– Дамы, вы прекрасны, – проговорил он с неожиданно мягкой интонацией. – Создали поразительную магию и были великолепны. Но только одна из вас использовала бесценные заклятия высшего порядка. Магия была сложной и филигранной.

Его колющий, пронзительный взгляд остановился на мне, заставив от волнения задержать дыхание, а потом переместился к моей соседке, создавшей звездное небо.

– Поздравляю, госпожа Эйборн. Ваша магия умеет трогать сердца.

В руках магистра загорелся серебристый обруч, символизирующий венец Лунной Девы. Притихший зал взревел. Музыканты заиграли веселенький мотив, прекрасно подходящий к моменту. Раскрасневшаяся девушка рассмеялась от счастья.

Сэт аккуратно опустил на ее светловолосую голову сверкающее кольцо. Свечение постепенно угасло, и стало видно аккуратную корону с мелкими зубчиками, украшенную шай-эрскими узорами.

– Окажите мне честь. – Сэт едва заметно, уголками губ, изобразил улыбку и протянул победительнице конкурса руку, приглашая на танец.

Сверху полилась густая мелодия. Пока магистр выводил девушку в центр танцевального паркета, а от их ног разлетались сверкающие круги, свет потушили. Зал окутала inferнальная темнота, окрашенная магическими огнями.

Наверное, следовало вернуться к Финисту, но по привычке я двинула в сторону Альмы.

– Не расстраивайся, подруга, – тут же принялась она увещевать мою задетую гордость. – Твое заклятие было лучшим, кто угодно тебе скажет! Мы все обалдели. А звезды может наколдовать любой дурак.

– Ты умеешь? – с надеждой спросила я.

– Нет, но они все равно каждый год выбирают выпускниц, – фыркнула подруга.

– Знаю, – вздохнула я и заметила, что к нам приближался Финист.

С другой стороны, подумаешь, какой-то дурацкий конкурс! Если бы выиграла, то пришлось бы сейчас танцевать со Змеем вместо привлекательного парня.

И этого самого парня, в прозрачном лунном свете уверенно преодолевающего разделявшее нас расстояние, заслонил собой шкаф. В смысле, Эзра Ходж. Он указал подбородком в сторону танцевальной площадки.

– Потанцуем?

– Эзра Ходж, с чего бы ей с тобой танцевать, у нее свой парень есть, – издевательски проговорила подруга.

– Да я тебе... – он кашлянул, словно имя айтэрийки застревало в горле, – Альма.

– Ты знаешь, что меня зовут не Ведьма?! – с фальшивым восхищением охнула она и, видимо, вспомнив о нашем разговоре,

пожала плечами: – Ладно, если ты умоляешь. Но только попробуй отдавить мне ноги!

Ей-богу, когда парочка плечо к плечу, как боевые товарищи, двинула к сверкающему танцевальному паркету, я едва не осенила себя божественным знаком.

– Они пошли танцевать? – удивленно уточнил Финист.

– Да, – кивнула я со смешком. – Поверить не могу, что Эзра все-таки решился.

– Темнота делает нас смелее, скажи? – хмыкнул он и обнял мое лицо ладонями: – Я соскучился по моей прекрасной Лунной Деве.

Он оставил на моих губах горячий поцелуй.

– Сэт выбрал другую Лунную Деву.

– Никто не спорит, что он последний кретин. – С дразнящей улыбкой Финист скользнул ладонями по моей талии и, склонившись к уху, прошептал: – Ты была чистый секс, когда создавала магию.

Я смешалась, не понимая, как должна относиться к его словам. Растаять? Но внутри стянулась крепкая пружина.

– Хочешь потанцевать или уже пойдем отсюда и устроим собственную вечеринку? – промурлыкал Берт.

– Вдвоем? – зачем-то спросила я, хотя дурак бы догадался, к чему он ведет.

– Ты живешь с соседкой?

– Нет, одна...

– Значит, нам никто не мешает.

Щекоча дыханием, он едва ощутимо прикусил мне мочку уха.

– Притормози, Финист! – резко выпалила я, чувствуя, что начинаю терять контроль над ситуацией.

– Хорошо, – разочарованно вздохнул тот и отодвинулся. – Значит, сначала танцы.

Он взял меня за руку и потянул в сторону похожего на мерцающую водную гладь танцевального паркета.

– Ты не понял, – остановила я его, заставив обернуться. – Я не планирую подниматься в общежитие.

Берт замер. Одна мелодия плавно сменила другую, заполнив возникшую паузу.

– Ну ладно, как скажешь, – протянул он, выпуская мою руку. – Извини, что предложил. Просто чтобы ты понимала: я не люблю

недотрог. У нас с ними не складывается.

– У нас с тобой тоже, по-моему, не особенно складывается, – высказалась я быстрее, чем успела прикусить язык.

– Ух ты! – Финист фальшиво хохотнул. – Неприятно.

– Я пытаюсь сказать...

Я бессильно развела руками.

– Не напрягайся, Грандэ. Тебе не идет.

Берт повернулся ко мне спиной. Не успела я и глазом моргнуть, как он уже кружил по паркету худенькую высокую брюнетку в сверкающем узком платье. Честное слово, лучше бы я просто продолжала о нем мечтать, потому что реальный человек был не то чтобы неидеальным... Мы все несовершенны, и тараканы у нас по-разному причудливы. Но Финист действительно оказался отменным придурком! Посчитав, что веселье подошло к концу, я вышла из бального зала.

В карете стояла страшная духота, даже пальто не стала надевать. Может, Киар предупредил извозчика, что деточку следует вернуть здоровенькой. Тот с чувством подошел к заданию и раскопегарил теплые жилы в стенках салона, точно на улице стоял лютый северный холод.

– С Днем схождения лун, господин, – выбравшись на пешеходную мостовую возле дома Рэнсвода, напоследок поздравила я возницу.

– И вас, госпожа, – отозвался он. – Доброго наступления весны.

Окна гостиной неожиданно оказались тускло освещены. В холл я входила с некоторой опаской, почти готовая обнаружить на полу дорожку из свечек и рассыпанные розовые лепестки. Но меня встречали потушенные огни, и только приглушенный свет ночника струился из открытых дверей гостиной.

Я заглянула в комнату. Киар, одетый в белую рубашку с закатанными рукавами, стоял возле столика с крепкими напитками и наливал в широкий бокал бренди. Он бросил взгляд над плечом и произнес мягким, вкрадчивым голосом:

– Ты рано.

– Как и вы. Праздник тоже не удался?

– Тут ты права. Гнусная вечеринка, – неожиданно согласился он. – Выпьешь что-нибудь?

– Разве детям можно пить? – с сарказмом уточнила я.

– Ты утверждала, что уже не ребенок, – отозвался он и, закрыв узкое горлышко графина стеклянной резной пробкой, сделал глубокий глоток из своего стакана.

– А вы говорили, что под академической формой этого невозможно разглядеть.

– Но нам повезло, сейчас ты не в академической форме. – Он повернулся и, делая очередной глоток бренди, взглядом скользнул по моей фигуре. – Так что, наденешь мантию или составишь мне компанию?

– Ореховый ликер, пожалуйста, – вздохнула я и присела на диван.

Киар открыл графин поменьше, налил в рюмку на тонкой ножке густой янтарный напиток и, приблизившись, протянул мне:

– Лекарство от задетой гордости.

– Спасибо.

Я забрала ликер, осторожно втянула носом ореховый хмельной аромат и сделала маленький глоточек. На языке растеклась тягучая, обжигающая сладость.

– Как прошел бал? – спросил Киар самым светским тоном.

– Паршиво. Участвовала в конкурсе, но меня не выбрали Лунной Девой.

Он покачивал в руках бокал с бренди. Я не могла оторвать взгляд от длинных красивых пальцев высшего мага, изящно сжимающих резной хрусталь. У Киара были очень красивые руки.

– Расстроилась?

– Нет, – коротко ответила я, надеясь хмельным напитком выбить из головы шальные мысли о мужчине, смотрящем на меня сверху вниз. – Хотя какого демона? Да! Расстроилась. А как прошел ваш вечер?

– Меня тоже не выбрали Лунной Девой, – с неожиданной иронией отозвался он и вдруг попросил: – Потанцуй со мной, София.

Глава 7

Большой секрет умницы Софии

Внизу живота зародилась горячая волна. Она прошла по телу, заставила сердце биться быстрее и ударила в лицо, рисуя на щеках алые пятна. Я сжала ножку рюмки. Грани впились в кожу, подтверждая, что все происходит в реальности. И магнетический взгляд Киара, обращенный ко мне, и густая, волнующая атмосфера, царящая в комнате.

– Но здесь нет музыки, – вдруг севшим голосом вымолвила я.

– Наплевать, – усмехнулся он. – Будем считать, что в нашем доме музыкальная тишина.

Рэнсвод забрал из моих рук почти нетронутую рюмку, поставил на столик со своим опустевшим стаканом.

– Что мы делаем, Киар?

– Я даю себе передышку и не думаю о будущем, а ты мне это позволяешь. Не против?

Не отводя глаз, я сжала его протянутую ладонь и поднялась. Скользящим движением он пристроил мою руку себе на плечо, приобнял за талию. В его объятиях я ощущала себя хрупкой, как фарфоровая азрийская статуэтка.

Мы двигались тихо и плавно. И совершенно точно никто не собирался перекидывать меня через локоть, чтобы продемонстрировать отточенные в бальном классе умения.

Рука лежала в руке, жар мужской ладони на спине, кажется, проникал через платье. Нас разделяла прослойка из воздуха, достаточная, чтобы сохранить приличия. Если, конечно, в этом танце без музыки было хоть что-то благопристойное.

От тела Киара исходило тепло. Отрывистыми глотками я вдыхала аромат его благовония, смешанный с чистым мужским запахом. И эта смесь пьянила сильнее крепкого орехового ликера. Он был прав: наплевать, что в доме не звучала музыка. За грохотом сердца мне все равно не удалось бы расслышать ни такта.

– Я нравлюсь вам? – прошептала на выдохе.

– Да.

Прямолинейный ответ все же заставил меня в замешательстве вскинуться. Похоже, пока я таращилась на его ключицы в расстегнутом вороте дорогой сорочки и прислушивалась к бурлящим внутри чувствам, Киар следил за моим лицом.

– Извини, София.

Он четко и однозначно провел черту, давая понять, что этот танец – единственная слабость, о которой, возможно, он будет жалеть.

– Ты всегда извиняешься перед женщинами, которые тебе нравятся? – дрогнувшим голосом спросила я, посчитав, что говорить уважительно теперь уже глупо.

– Когда мне было двадцать, тебе исполнилось пять, – вдруг проговорил он, намекая на разницу в возрасте.

– Зато сейчас мне двадцать, а тебе чуть больше тридцати, – напомнила я. – Разница уже не кажется такой категоричной, правда? Главное, с какого момента начинать считать.

– Нет, София.

Его спокойное, уверенное «нет» было ключом, запершим дверь. За нее уже не проникнуть.

Он выпустил меня из объятий.

– Спасибо за танец. Должно быть, вечер выдался суматошный и ты устала.

С ума сойти! Впервые меня отправляли в свою комнату с таким потрясающим воображение изыществом.

– Да, особенно удивило его окончание, – сухо произнесла я. – И коль мы выяснили, что я все-таки не ребенок, могу забрать с собой графин с ликером?

– С утра у тебя будет похмелье, – спокойно предупредил он, пряча руки в карманы.

– Давно мечтала испытать это замечательное состояние. В нем, говорят, хорошо ненавидится реальный мир.

Похмелья не случилось. Графин с дурацким ликером так и простоял на комод. Однажды мама сказала, что лучший способ прожить счастливую жизнь – избегать зарубок на памяти. Мне было пятнадцать, я понятия не имела, о чем шла речь. Вплоть до сегодняшнего вечера.

Терпкий ореховый вкус теперь навсегда превратился в напоминание, пожалуй, самого интимного момента в моей жизни. В

этом остром мгновении можно было танцевать без музыки и желать мужчину, о котором я точно никогда не мечтала.

– Да химерово проклятье! – пробормотала в темноту, вдруг осознав, что за событиями последних дней совершенно забыла отправить маме подарок на День схождения лун.

С самого утра я сбежала из особняка в общежитие, к счастью, не столкнувшись с Киаром в тот позорный момент, когда, как воришка, кралась по лестнице. Было страшно, что посмотрю на него и вновь обнаружу магистра из ада, искусно треплющего нервы студентам и юным доверчивым девушкам. Но обошлось.

В праздничный день занятий не проводили. Академические корпуса казались безлюдными и сиротливо покинутыми. Въездная площадь пустовала, и даже возле открытых ворот не было привычной вереницы наемных экипажей. В общежитии тоже царила усталая тишина.

Комендантша мадам Фалко, обычно секущая всех, кто посмел появиться в холле, не высунулась из засады. Или просто в ней не сидела, а, как все нормальные люди, проводила праздник с друзьями. В смысле, в единении с канарейками, выжившими после Дусиных набегов. Ей-богу, им так повезло, что впору назвать желторотых избранными и дать истинные имена!

Я прошла по безлюдному этажу, остановилась возле своей комнаты и сунула ключ в замочную скважину. Дверь оказалась незапертой. В панике я резко ввалилась внутрь и остолбенела от изумления. На моей кровати как ни в чем не бывало, тесно прижавшись друг к дружке, дрыхли Альма с Эзрой! Судя по вещам, раскиданным по полу, из одежды на парочке было только стеганое одеяло.

Сама от себя не ожидая, я поперхнулась на вздохе и разбудила любовников.

– Грандэ, ты чего здесь забыла? – рявкнул Ходж, видимо, с перепугу позабыв, чьи простыни изволят приминать.

– Мамин подарок, – от шока чистосердечно покаялась я, словно заявила не в свою комнату, а в мужское общежитие.

– София, мы тебя не ждали! – воскликнула Альма, судорожно натягивая одеяло до подбородка. – Ходж, поднимай зад!

Ногой она спихнула обалделого от резкого пробуждения парня на пол. Он свалился с кровати, приложившись пятой точкой, и смачно выругался. И Эзра действительно был голым. Просто обнаженнее не придумаешь!

Я резво развернулась лицом к двери. За спиной происходила возня, Ходж цедил сквозь зубы ругательства. Его мужские прелести отпечатались перед мысленным взором, как клеймо. Ей-богу, я прекрасно прожила бы без чудного знания, что именно капитан команды по турнирной магии прячет под одеждой.

– Мы честно не взламывали замок, – уверяла Альма. – Я открыла запасным ключом, который ты мне на всякий случай оставила. Просто случаи бывают разные...

– Слушайте! – перебила я, заставив обоих заткнуться и, похоже, остолбенеть. – Давайте я заберу подарок и пойду в почтовую службу, а вы тут тихонечко собирайтесь.

Прикрывая глаза ладонью, бочком я начала продвигаться к столу, в ящике которого был припрятан маленький флакончик дорогого жасминового благовония, купленный маме к празднику. На полдороге споткнулась о брошенную мужскую туфлю и чуть не навернулась.

– София, осторожно! – охнула Альма, видимо убоявшись за шею лучшей подруги.

– Не смотрите! – Я поспешно выпрямилась. – Не паникуйте!

В общем, вытащила с полки бархатный мешочек с флаконом и тем же манером прошуршала обратно к двери.

– Встретимся в столовой, друзья! С Днем схождения лун!

В коридоре я зажала рот ладонью, чтобы хохотом не перебудить этаж. Из глаз брызнули слезы. Тяжело переведя дыхание, помахала перед лицом ладонями и пробормотала:

– Помогите мне, божественный слепец, развидеть это обратно.

Отправив флакончик магической доставкой, я вошла в столовую. В выходные народу здесь собралось мало. Новоявленная парочка, одетая во вчерашние мятые шмотки, сидела рядышком на краю длинного стола и в молчании завтракала.

– Что за атмосфера всеобщей неловкости? – усаживаясь, хмыкнула я.

С хмурым видом Эзра постучал костяшкой пальца по столешнице, и передо мной появился поднос с дымящейся едой.

– Арендная плата или благодарность? – съехидничала я.

Ходж бросил в мою сторону мрачный взгляд и молча продолжил жевать омлет. В конечном итоге, осознав, что никто не припомнит ему позорное падение с кровати в чем мать родила, он оттаял и разговорился. Мы обсудили вчерашний вечер, несправедливое судейство (с нашей, конечно, точки зрения) и завтрашний турнир по стихийной магии.

– Разве вы не должны сейчас нестись в зал на тренировку? – поинтересовалась я.

– После обеда, – прогудел Эзра.

– А у тебя какие планы? – полюбопытствовала Альма.

– Раз ты занята, то вернись обратно... – Я покосилась на парня, но он не проявлял никакого интереса. – Сегодня праздник. Отмечу с магистром.

– И с его семьей? – уточнила подруга.

– Да, с ними тоже, – согласилась я, посчитав, что три водоплавающих потомка избранных тоже сойдут за семью. Маленькую, бесшумную и не особенно прихотливую. Корми мошками, отпугивай кошку да меняй водичку.

После завтрака я попрощалась с ребятами, с ехидцей намекнула, что сегодня точно не вернусь в общежитие, и вышла из столовой. Но Альма нагнала меня в коридоре.

– Постой, София! Не хотела говорить, чтобы не портить праздник, но совесть чуть не съела. Финист вчера уехал с бала с девушкой.

– Ясно, – отозвалась я, не чувствуя по этому поводу ровным счетом никаких душевных терзаний.

– Ты, смотрю, не удивлена, – протянула она. – Вы успели поссориться между конкурсом и танцами?

– Мы не ссорились. Он решил, что я для него слишком скучная, а я посчитала, что он для меня слишком резвый.

– Вот как... – протянула она. – В общем, я ничего не поняла, но, если надо, Ходж вызовет его на поединок.

– Сохраните Финисту жизнь, – ухмыльнулась я. – Мы решили, что просто не подходим друг другу.

Тепло попрощавшись, я вышла из дверей столовой на солнечную улицу. Погода действительно стояла по-весеннему теплая. Под яркими

лучами оседали сугробы, по дорожкам текли ручьи, и из прогалин в льдистых корочках начинала выглядывать влажная брусчатка.

Я встала на пешеходной мостовой, дожидаясь, когда подъедет хотя бы один извозчик. Рядышком пристроился Дрю, бывший помощник Киара. С едва заметной улыбкой он кивнул мне в качестве приветствия.

– С Днем схождения лун, – ответила я.

– И вас, госпожа Грандэ, – согласился он. – Слышал от магистра Сэта, что вчерашний конкурс был чудо как хорош. Поздравляю.

– Магистр выбрал другую победительницу, – сухо проронила я.

– Ох! – смутился Дрю и суетливым жестом поправил очки. – Не знал.

Наконец подъехал экипаж. Я попросила извозчика подбросить меня к Восточным воротам и уселась в салон. В едальных рядах на местном рынке продавали всевозможные острые закуски для традиционного стола и даже холодную стеклянную лапшу для тех, кому было лень варить самим. Я вовсе не ленивая, отнюдь! Но в последний раз лапша слиплась комом и пришлось ее резать ножом на куски, а хороший праздник куском лапшичной каши не отмечают.

В едальных рядах оказалось многолюдно – не протолкнуться. Сидя на высоких складных стульях у открытых прилавков-кухонек, горожане с удовольствием угощались традиционными закусками и теплым медовым хмелем, обязательным напитком в День схождения.

По длинному ряду, украшенному алыми флажками-треугольниками, я направилась к своей любимой закуской. Хозяйка готовила замечательные острые овощи и мясо, маринованное в бобовом соусе. Пока она собирала заказ в деревянные ящички с выдвижной крышкой, я оглядывалась вокруг.

Неожиданно взгляд остановился на знакомой фигуре. Помощник Дрю выбирал крошечные медовые коврижки с грецким орехом. В народе их называли лунными пирожками.

– Господин Дрю! – позвала я. – Вы тоже здесь?

Он без преувеличений вздрогнул, словно его застали за дурным делом, и, нервно улыбнувшись, взмахнул рукой.

– Держи, девушка.

Тетушка-стряпуха передала связанные бечевкой ящички, полные всевозможной праздничной снеди: понемногу всего. Пока я

расплачивалась, Дрю исчез. Ненадолго, правда. Он нашелся на входе, в толпе галдящих зевак, следивших за рыночным фокусником. Стоило направиться к выходу, как он двинулся следом.

Делая вид, будто не замечаю не особенно ловкого соглядатая, я забралась в наемный экипаж и с беспокойством проверила площадь через маленькое окошко в задней стенке. Дрю поспешно забирался в карету. Нехорошее чувство внутри окрепло. Я поспешно встала коленями на сиденье и, отодвинув заслонку, попросила извозчика:

– Господин, не надо в Стрэйн-Лейн. Поедем к Академии общей магии.

Меня вновь вернули к академии. Выбравшись на мостовую, с самым деловым видом я зашагала на территорию и быстро оглянулась через плечо. Экипаж с бывшим помощником Рэнсвода прогрохотал мимо ворот и устремился вверх по улице.

– Подождите! – закричала я своему извозчику, практически отъехавшему от пустой пешеходной мостовой.

Он действительно остановил лошадку, по всей вероятности, посчитав, будто пассажирка что-то забыла в салоне. Размахивая ящичками, я проскакала по подтаявшей брусчатке и объявила с идиотской улыбкой:

– А теперь можно и в Стрэйн-Лейн!

Полагаю, он решил, что нарвался на совершеннейшую дурочку, но довезти не отказался. В конце концов, две оплаченные поездки по-всякому лучше, чем одна.

Дом отозвался знакомой тишиной. В окна пустой гостиной струился солнечный свет. На столике по-прежнему стоял бокал из-под бренди и почти нетронутая рюмка с ликером. В аквариуме мирно плавали рыбки, не понимающие, что вчера стали свидетелями исторического разговора, поделившего наши отношения с Киаром на «до» и «после».

Я решительно направилась в кухню, чтобы оставить закуски, но замерла, услышав за дверью кабинета шаги. Киар был дома. Тут меня охватила паника. Как лучше поступить? Сначала накрыть на стол, а потом его позвать и сделать вид, что накануне ничего не произошло? Или сразу сделать вид и заглянуть в кабинет, дескать, глупо сидеть по комнатам в праздник – давайте устроим дружескую пирушку?

Выбрать правильный вариант мне не дали. Дверь открылась, и в коридор, держа на руках Дусю, вышел высокий темноволосый мужчина. Следовало попятиться, но я натуральным образом остолбенела от неожиданности. Незваный гость, заявившийся в дом к Киару, был ослепительно красив той почти невозможной мужской красотой, когда хочется смотреть на человека просто из эстетического удовольствия.

– Добрый день, – с улыбкой, обозначившей на щеке задорную ямочку, протянул он мягким голосом. Тембр и вкрадчивая интонация непрозрачно намекали, что их обладатель из того сорта людей, кто не привык повышать голос, чтобы его слышали.

– Я думала, этот дом не впускает чужаков, – резко произнесла я, не сводя с него настороженного взгляда. Справедливо говоря, в этот дом в принципе входят все кто ни попадя. Просто какой-то проходной двор, а не хранимый домашними духами особняк.

– Выходит, я не чужак. – В темных внимательных глазах светилась ирония. – А ты кто? Служанка или содержанка?

– Соседка! – выпалила я, хотя вообще-то хотела назваться помощницей, но прямолинейный вопрос на грани хамства вызывал возмущение.

– Забавно. – Он усмехнулся, и теперь в глазах вспыхнуло любопытство. – И как зовут соседку моего доброго друга Киара Рэнсвода?

– Эстер, – брякнула я первое мелькнувшее в голове имя. – Отпустите мою кошку. Она не любит, когда ее берут на руки.

Вообще-то, по довольному виду Дуси, подставляющей ушко для ласкового почесывания, было заметно, что, в отличие от хозяйки, она не имеет никаких претензий.

– Да? А мне так не кажется. – Мужчина даже посмотрел на мурчащую предательницу. – Животные не идут в руки к плохим людям, Эстер. Звериному чутью стоит доверять.

То есть меня собственная кошка, спасенная из мусорного короба, считает отменной злыдней?

– Домашние любимцы душегубов вряд ли понимают, что их хозяева – злодеи, – хмыкнула я. – Может, я отвернусь, а вы кинетесь на меня с ножом и разделаете на рагу.

Он искренне рассмеялся.

– Не переживай, в праздничные дни я не питаюсь юными хорошенькими девочками. Но раз мы заговорили о еде, то от обеда не откажусь. Это закуски из квартала Восточных ворот?

– А? – Я с некоторым недоумением посмотрела на башню ящичков, перевязанную бечевкой, в своих руках. – Да.

– Мы должны дожидаться Рэнсвода, чтобы устроить пирушку?

– Я не знаю, когда он вернется, – растерялась я.

– Значит, бессмысленно ждать. Или ты собиралась провести праздничный обед в компании кошки?

– Нет, конечно.

– В таком случае пообедаем сейчас, – объявил он, словно дело было решенным. – В столовой?

– В кухне. – Я моргнула, вообще переставая понимать, что происходит.

– И где в этом доме кухня?

– Там, – обалдело указала я нужное направление.

– Веди, – скомандовал он, опуская кошку на пол.

Потрясающий человек! Он так ловко и напористо жонглировал словами, что складывалось впечатление, будто я просто-напросто позабыла о том моменте, когда пригласила его за стол. Даже почувствовала себя неловко за досадный провал в памяти.

В кухню мы вошли торжественной шеренгой: впереди Дуся, потом я с ящичками еды, а следом мужчина, который так и не представился.

– Как к вам обращаться? – спросила я, пристраивая закуски на мраморную столешницу.

– Никак, – отозвался он, с интересом осматриваясь. – У меня сегодня выходной, я не в должности.

– Но имя-то у вас есть? – фыркнула я, быстренько стягивая с плеч пальто.

– Когда поминают мое имя, на меня нападает икота, – пошутил он, напрочь отказываясь представляться.

– Господин, мужчина, старейшина? – немедленно предложила я, бросив на него быстрый взгляд. – Господин Никак?

– Старейшина? – Он изогнул темные брови. – Мы с Рэнсводом ровесники.

Видимо, абсолютно все мужчины за тридцать очень трепетно относятся к своему возрасту.

– То есть вы в тех замечательных годах, когда нельзя пить при детях что-то покрепче морса и непременно нужно думать о будущем? – усмехнулась я.

Взгляд гостя вдруг сделался внимательным и пронизывающим.

– Уверен, ему в тебе это нравится – острый язык.

– Простите, – пробормотала я, начиная краснеть. – Я часто забываюсь.

– Никто не смущается от простой констатации фактов, Эстер. – Мужчина сложил руки за спиной. – Не выношу, когда умные, в сущности, люди начинают робеть и блеять. Утомляет.

– Кхм... – многозначительно кашлянула я и, стараясь скрыть неловкость, начала мыть руки под ледяной водой, хлынувшей из крана в каменную раковину.

Пока я хозяйничала – накрывала на стол, доставала хрустальные салатники и тарелки, аккуратно перекладывала закуски, – гость прохаживался по кухне. Он осматривал блестящие стеклянные витрины кухонных шкафов, изучал вычищенный неувимой горничной очаг, взял в руки хрустальную солонку.

– Давно я не попадал в обычную кухню, – усмехнулся он. – Уже и забыл, как у вас тут устроено.

Выправка у гостя была как у боевого мага, и кого-то он мне неувимом напоминал. Возможно, актера городского театра? Они обычно красавчики, и их портреты часто висят на афишах, приклеенных к уличным тумбам с объявлениями. Скорее всего, где-нибудь мелькал.

Мужчина остановился возле меня и с интересом проследил, как я с помощью магии разогреваю еду. От пристального взгляда, не пропускающего ни одного движения, становилось не по себе.

– Высшая магия? – вдруг спросил он.

– Бытовая, – поправила я. – Оканчиваю четвертый курс.

– Даже так? – На его лице расцвела потрясающая улыбка. – С каждой минутой все интереснее и интереснее. Как ты оказалась в этом доме?

– Случайно пригласили пожить, – по-дурацки улыбнувшись в ответ, отказалась отвечать я.

– Не хочешь рассказывать?

– Вы же не сказали мне свое имя, – пожала я плечами.

– Давно ты здесь? Если мне не изменяет память, еще пару недель назад Рэнсвод жил холостяком с тремя рыбками.

– Обед готов, – кивнула я, не собираясь поддаваться на провокацию.

Но когда незатейливые блюда оказались на столе, а гость вежливо подвинул для меня стул и только потом устроился сам, я поняла, что Рэнсвод меня прикончит. Увидит эти домашние посиделки за традиционным праздничным столом с шай-эрсскими острыми закусками и стеклянной лапшой и морально изничтожит. Поди еще и лекцию прочитает, что тупоголовые малолетки не должны лопать вкусняшки с подозрительными мужиками, ниоткуда нагрянувшими в его дом.

– Уверяю, он набросится не на тебя, а на меня, – произнес гость, расправляя на коленях салфетку.

– Не пойму, – я нарочито сузила глаза, словно действительно пыталась вызнать тайны королевского двора, – после тридцати у мужчин открывается талант читать мысли?

– Нет, у тебя исключительно говорящее лицо. – Он кивнул на блюдо с лапшой, стоящее в центре стола: – Положишь мне?

Нет, Рэнсвод точно меня прикончит!

– Конечно. – Изображая гостеприимную хозяйку в чужом доме, я переложила в тарелку к гостю лапшу и привычным движением добавила острые овощи в бобовом соусе. – Вы же едите бобовый соус?

– Я же чистокровный шайэрец, – отозвался он. – Может, предложишь выпить что-нибудь покрепче воды?

– Не рассчитывайте, – отказала я. – Вы все еще кажетесь мне душегубом. Понятия не имею, как поведете себя, если наберетесь бренди. Считайте это запоздалой предусмотрительностью.

– Ты такая же гостеприимная, как моя супруга.

– Учитывая, что мы с вами празднуем День схождения в чужом доме без хозяина, положение обязывает. Почему, к слову, вы не отмечаете дома с семьей? Или это тайна королевского двора?

Неожиданно у него вырвался смешок:

– Вроде того. Мы с утра повздорили. И если бы ты была парнем, Эстер, я посоветовал бы тебе никогда не жениться.

– Но я девушка, поэтому вы посоветуете мне не пререкаться с мужем, особенно в праздники, да? Благодарю за мудрость поколений. Рэнсвод тоже ею очень любит делиться.

– Хотел сказать, что стоит давать разозленному мужчине паузу, но твоя мысль мне нравится гораздо больше. Надо будет поделиться ею с женой.

– Уверена, вы снова поскандалите, – добавила я.

Он ел изящно и аккуратно, отточенным движением наматывая на вилочные зубы длинные тонкие макаронины. Закрыв глаза от наслаждения и протянул:

– Пища богов.

– Пять динаров за весь праздничный стол, – зачем-то ляпнула я.

– От этого еда еще вкуснее, – заметил он. – Забыл, когда в последний раз пробовал закуски из квартала Восточных ворот. Кажется, еще студентом.

– Какого демона здесь происходит? – прозвучал из дверей голос Рэнсвода. И столько в нем таилось ярости, что впору было хватать Дусю и бросаться наутек!

Киар стоял на пороге кухни, но его тяжелый взгляд для разнообразия был направлен не на меня, а на гостя.

– Я же сказал, что в первую очередь он накинется на меня, – насмешливо прокомментировал тот, складывая руки на груди.

– Ричейр, дворец стоит на ушах! А ты что же, обедаешь в моей кухне?

Я выронила из ослабевших рук вилку, категорично звякнувшую о дорогой фарфор, и вытаращилась на гостя.

– Ри-Ричейр? – тихо прошептала, пытаясь не подавиться этим именем. – Тот самый... который...

– Приятно познакомиться, – согласно кивнул он.

В следующую секунду, с грохотом сдвинув тяжелый стул, я вылетела из-за стола и вытянулась по струнке. Химерово отродье (не я, а вообще), как можно было не узнать короля?! В свое оправдание хочу сказать, что он совершенно не походил на собственные портреты. В газетах и на картинах Ричейр выглядел лет на двадцать старше. И точно не настолько привлекательным внешне, насколько оказался в жизни.

– Ваше величество...

Помоги мне, божественный слепец, я назвала короля душегубом!

– Почему ты испугалась? Меня никто не узнает на улицах. – Он натуральным образом веселился, видимо, мое говорящее лицо было особенно красноречиво. – Советники считают мою внешность большим недостатком и специально просят рисовать пострашнее. Зато через двадцать лет не придется переделывать портреты. Отличная экономия для казны. Реверанс.

– Что? – испуганно выдохнула я.

– Короля приветствуют реверансом.

– Но я не умею... реверанс.

В ужасе я посмотрела на Рэнсвода, умоляя, чтобы он немедленно, прямо сейчас изобразил этот дурацкий придворный поклон. Ведь к такому, честное слово, меня не готовили ни жизнь, ни мама, ни даже Академия общей магии!

– Ричейр, во дворце тебе есть кому кланяться, – резковато проговорил Рэнсвод и скомандовал: – София, выйди, пожалуйста.

– Со-фи-я? – нараспев протянул его величество, явно изумленный, что ему с лету соврали.

Мало того, что обозвала убийцей, так еще и назвалась чужим именем. Язык без костей! Откуда же мне было знать, что он не какой-то приبلудный актеришка из театральной труппы, а король Шай-Эра?

– Простите, ваше величество, – отчаянно краснея, пробормотала я себе под нос и выскочила из кухни, как Дуся, гнавшаяся за мухой. Кошка, к слову, тоже сбежала. Видимо, посчитала, что в помещении стало шумновато.

Вообще, этот особняк – аномальная зона, где ни с того ни с сего вот так запросто появляются люди из других вселенных! Ректор Ос-Арэта, король Шай-Эра. Кто будет следующим? Сам божественный слепец? А если я его тоже не узнаю?!

В тишине зазвучал недовольный голос Киара:

– Ричейр, что ты делаешь? Меня с утра вызвали во дворец, а ты здесь спокойно ешь. Эмилия рвет и мечет... Проклятье, ты ешь мой праздничный обед?!

– Очень приличная еда, к слову, – вставил его величество. – И девушка мне понравилась. Женись на ней. Или тебя женить королевским указом?

– Не трать гербовую бумагу, – последовал сдержанный совет.

О мой бог! Я прибавила шагу, чтобы не слышать их разговора. Вдруг выйду из коридора уже глубоко помолвленной с Киаром Рэнсвотом? Да он прикопает меня в том же месте, куда выбросил помершую рыбку!

Их голоса постепенно превращались в неясное бормотание и окончательно стихли. Я вышла в гостиную и осторожно притулилась на край дивана, словно присутствие короля запрещало усаживаться с комфортом.

Ричейр Первый взошел на трон всего семь лет назад после внезапной кончины старшего брата. Эсвальд не успел ни жениться, ни обзавестись потомством. В Шай-Эре его любили и искренне скорбели, а от нового короля не ждали ровным счетом ничего. По крайней мере, ничего хорошего. И он начал со скандала вселенского масштаба: взял в жены азрийскую подданную без капли аристократической крови.

Газетные колонки тогда пестрели громкими заголовками, но мне особенно запомнился один, лаконичный и веский: «Король влюблен!» Мы с одноклассницами просто захлебывались от восторга. Еще бы! Романтическая история, достойная любовного романа, произошла в реальной жизни. Сейчас-то я понимаю, какое нечеловеческое давление, должно быть, пережила будущая королева Эмилия. Кукушкой недолго тронуться.

В гостиной раздались шаги. Едва не соскользнув с краешка дивана, я вскочила на ноги и сцепила нервные пальцы в замок, чтобы скрыть, как они трясутся. Ошеломительный во всех отношениях король Ричейр остановился. На его локте висело пальто из тончайшей шерсти.

– А ты по-прежнему напугана, София.

– Вовсе нет, – вырвалось у меня. – Я просто в шоке. Вспоминаю, где в доме хранится пустырьник.

Неожиданно он сжал мои плечи руками и, наклонившись, внимательно посмотрел в глаза. Я почувствовала, как лицо начинает гореть похлеще сигнального фонаря.

– Сейчас в тебе, юная леди, заключена огромная сила, – тихо проговорил он. – Храни ее бережно и верни с благодарностью, когда придет время.

– Киар вам рассказал?

– Он никогда не стал бы, но у меня все в порядке с арифметикой. Я умею складывать два и два.

Ричейр опустил руки и выпрямился. На краю сознания мелькнула мысль, что я никогда не стану стирать это платье. Повешу в шкаф, точно драгоценный артефакт, и буду рассказывать своим внукам, как в нем повстречала короля Шай-Эра.

– Спасибо за обед, София.

– Я вас провожу! – выдохнула я и посеменила следом, хотя, наверное, следовало идти первой, чтобы уважительно открыть дверь. Но дверь уже распахнули домашние духи, и в холле радостно хозяйничал влажный, пахнущий весенней свежестью сквозняк.

Ричейр одевался на ходу: расправил воротник, одернул полы.

– Всего доброго... ваше величество, – чуть не подавилась его титулом.

– Удачи, София.

– А как же вы по улице один... и без охраны, – неожиданно даже для себя закудаhtала я.

– Да мне до дома только на горку подняться.

Он указал пальцем в потолок, намекнув, что дворец буквально над нашими головами, и задорно подмигнул. Дверь мягко закрылась сама собой, отрезая яркий солнечный свет и высокую подтянутую фигуру его величества.

С ума сойти! Мне подмигнул сам король и выглядел при этом так привлекательно, как театральный актер. Только лучше!

Киар нашелся на кухне. С самым будничным видом, словно только что выставил из дома ростовщика, а не короля, он закончил переваливать через край миски в чистую тарелку лапшу и как ни в чем не бывало попросил:

– Подогреешь? А то остыло.

Без сил рухнув на стул, я протянула руку и сжала пальцами фарфоровый край тарелки. В голове бурлили мысли.

– Уже закипело, – привел меня в чувство Киар.

– Ой, извини... извините. Хотя нет, извини, – отказалась я возвращаться к официозу.

– Ричейр ошеломляет? – понимающе усмехнулся он и взялся за вилку.

– Тебе надо было его проводить, – заворчала я. – Он же король!

– Он переместился сюда личным порталом.

– Значит, короли на экипажах не ездят, – задумчиво протянула я и непроизвольно, как дома, начала подкладывать Киару в тарелку по ложечке разных закусок. – Слушай, а за ложь монаршей особе сажают в темницу?

– Ты и соврать ему успела? – развеселился тот.

– Представилась чужим именем и обозвала душегубом... О боже!

– Что-то еще, кроме душегуба?

– Я накормила короля едой из квартала Восточных ворот! – мучительно простонала я и спрятала лицо в ладонях.

– И?

– В смысле, «и»? – Сквозь растопыренные пальцы я с укором посмотрела на недоумевающего Рэнсвода. – Если у него случится несварение?!

Киар замер, не донеся до рта вилку. С острых зубчиков жалобно размоталась макаронина и проворно соскользнула в тарелку.

– Нет-нет! Это так, мысли вслух. Все свежее, – уверила я, немедленно подвигая хрустальный салатник с острыми овощами. – Я все время беру закуски у той тетушки и ни разу не травилась. Ты ешь!

– Да что-то уже наелся. – Одарив меня выразительно-недовольным взглядом, он отложил вилку и взялся за стакан воды. Местной, налитой из чайника, мною собственноручно вскипяченного...

Скрестив руки на груди и привалившись к кухонному прилавку, Киар внимательно наблюдал за тем, как я металась по кухне: прятала остатки еды по ящичкам и собирала грязную посуду.

– Тебе необязательно этим заниматься, – наконец проговорил он, когда я открутила кран и принялась мокрой салфеткой с остервенением тереть грязные тарелки. – Завтра утром придет экономка. Готовит она, может, паршиво, но убирается отлично.

– Да, но мне надо что-нибудь драить, чтобы успокоиться, – хмуро ответила я.

– Другими словами, мне не удивляться и не мешаться, если ты начнешь мыть полы в холле?

– Если посуды не хватит, то не исключаю.

– И что, хороший способ? – вкрадчиво спросил он. – Помогает вернуть душевное равновесие?

– Хочешь попробовать? – Я протянула ему мокрую салфетку, на каменную столешницу полилась вода.

Неожиданно он взялся за кухонное полотенце и начал вытирать вымытые тарелки. Интересно, что именно пошатнуло спокойствие стального Рэнсвода? Девушка, которая соблазн в чистом виде, сбежавший от жены и заработавший гипотетическое несварение король, или мы оба постарались?

Некоторое время, изображая дружный отряд посудомоек, мы занимались делом. Вроде как успокаивались, хотя настойка пустырника помогла бы быстрее.

– Кстати, совершенно забыла рассказать! – Я вдруг вспомнила о помощнике Рэнсвода, устроившем посреди бела дня шпионское преследование. – Сегодня столкнулась с Дрю. Он следил за мной.

Киар замер и как-то хватко спросил:

– Ты уверена?

– Конечно, может, ему тоже приспичило купить еду на рынке Восточных ворот, а потом прокатиться по тем же улицам на экипаже, – пожалала я плечами. – Пришлось еще раз вернуться в академию, а только потом на Стрэйн-Лейн.

– Я выясню, чего он добивался, – успокоил Киар. – И, София, я безмерно ценю, что ты заботишься о нашем реноме, но из нас двоих именно мне нести ответственность за все, что происходит. В следующий раз, что бы ни случилось, просто возвращайся домой. Не надо кружить по городу с незнакомым извозчиком. Это как минимум небезопасно. Мы договорились?

– Угу.

– Ты хорошо меня услышала? – с нажимом спросил он.

– Киар, мы стоим с тобой в одном шаге, а я не глухая! – огрызнулась я и тут же смутилась: – Извини.

– Увидимся вечером. – Рэнсвод решил, что лучше удалиться и подарить мне возможность срывать раздражение на фарфоровом сервизе. – И к слову, если надумаешь мыть полы, то швабра в хозяйственной кладовке.

Помыть полы мне не хватило запала, и остаток дня я проторчала в своей комнате. Читала книги и даже пыталась готовиться к защите по зельеварению. Пожалуй, это был самый странный День схождения лун за всю мою сознательную жизнь.

Постепенно за окном стемнело. Плечо начинало о себе напоминать. Подходило время ежедневного ритуала, кому-то из нас с Киаром следовало сдаться и первым постучаться в соседские двери. Я схватила с комода расческу и принялась вытаскивать из пучка шпильки, но поймала свое отражение в зеркале.

Что я делаю? В конце концов, этот ритуал – всего лишь лекарская процедура. Никто не прихорашивается, прежде чем проглотить горькую настойку от аритмии сердца... Разве что если лекарь так же хорош, как Киар Рэнсвод.

С раздражением швырнув расческу обратно, я вышла из спальни. Резко остановилась посреди коридора и, тихо выругавшись, вернулась. Дремавшая Дуся приоткрыла желтые глаза и посмотрела на меня как на дуру. Собственно, такой я себя и ощущала.

Волосы расчесывала не жалеючи, покусала бледные губы, чтобы добавить сочности, и, чуточку похорошевшая, постучалась в покои Рэнсвода. Тут случилась заминка. В комнате его не оказалось. Стучаться пришлось в двери утопающего в полумраке кабинета.

Магистр сидел за письменным столом, изучал конторские отчеты – я никогда не спутаю счетные документы с бесконечными столбиками цифр. Мама сама вела дела лавки и каждый вечер ковырялась в бумагах. Счетовод из нее был такой себе, паршивенький.

При моем появлении Рэнсвод отложил бумаги. Уверена, он заметил новую прическу. Я остановилась перед письменным столом и сухо проронила:

– Плечо болит.

Больше ничего говорить не пришлось. Киар поднялся и, закатывая рукава, вышел из-за стола. Встал у меня за спиной. Перекинув распущенные волосы на одно плечо, я попыталась совладать с пуговками на спине. Они ускользали, отказывались вылезать из петелек.

Проклятье! Все-таки стоило не экономить и купить парочку вещей с застежками спереди.

Неожиданно Киар сжал мои нервные пальцы и мягко заставил отвести руки. В молчании он начал расстегивать пуговичный ряд, один мелкий шарик за другим. Я бросила быстрый взгляд над плечом – его лицо оставалось совершенно нечитаемым.

Он отодвинул платье, открывая метку. Кончики пальцев прочертили линию плеча, нарисовали завитки, должно быть, повторяя контуры знаков. Я судорожно вцепилась в край стола и невольно поймала наше отражение в окне. Киар в зеркальном стекле смотрел на меня.

– Здесь болит? – тихо вымолвил он, не отводя взгляда.

Я с трудом покачала головой. Шея сделалась непослушной, как будто чужой.

– А здесь? – Его пальцы опустились на лопатку.

– Здесь болит, – хрипловатым голосом призналась я.

– В этих местах метка особенно четкая.

Ладонь легла на пылающую кожу, и наши фигуры окутало алое сияние. Светильник затрещал и погас. Магия потекла потоком, легко, без преград, и меня неожиданно накрыло чувственной волной. Я горела, ноги дрожали, в мыслях воцарился хаос. Какой страх? Хотелось отдать всю магию без остатка, лишь бы слияние никогда не заканчивалось.

Плаваясь, словно в жарком горниле, со стоном я качнулась ближе Киару. Свободной рукой он подхватил меня под ребра. Горячая ладонь словно прожигала покровы: платье, сорочку и даже кожу под ними. Перед глазами плыло. В хмельной пелене кружились огненные символы древнейшего языка и, как раскаленное клеймо, по очереди вгрызались в крепкое мужское предплечье.

Что он испытывал в этот момент? Боль или удовольствие?

Пространство стихло, перестало бурлить. Магия погасла. В голове звенело. Киар прижался горячим лбом к моему затылку, дыхание было рваным.

Значит, все-таки чувствовал не боль...

– Ты уже испытывал подобное? – тихо спросила я.

– Да, – шевельнулись его губы, прикасаясь к моей разгоряченной коже, словно целовали ее.

– Любил ее?

– Отнюдь, – последовал жалящий ответ.

Что ж, добро пожаловать во взрослый мир, наивная София.

Он отстранился, щелчком пальцев зажег на потолке люстру. Безжалостный свет залил кабинет. Я невольно поморщилась: после белесой темноты глаза резало. Очарование вдребезги разлетелось.

– Тебе помочь застегнуться? – тихо спросил Киар.

– Не утруждайтесь, господин Рэнсвод. Руки все еще при мне.

Я застегивалась на ходу, кое-как попадая пуговицами в петельки, и успела подняться на второй этаж, когда внизу хлопнула входная дверь. С недоумением вернулась на лестницу.

Холл был пуст. Никаких неожиданных гостей: ни ректоров, ни королей, ни божественных слепцов. В воздухе все еще гулял холодный сквозняк.

– Киар? – недоуменно позвала я, в ответ донеслась дивная тишина.

Он ушел.

– Да обалдеть!

К полуночи Рэнсвод не вернулся. Впервые с момента переезда мне предстояло засыпать одной в огромном пустом особняке, который вроде бы не впускал чужаков, а по факту открывал двери куче незнакомцев.

В конце концов я подхватила книгу, спустилась в гостиную и забралась с ногами на диван. Если появится кто-то чужой, сразу брошусь книжкой, а потом залеплю дверь магией!

На второй главе откровенного романа, оказавшегося не таким уж и откровенным, глаза начали слипаться. Я уснула, так и не дочитав до первого поцелуя главных героев.

Разбудил меня солнечный свет, льющийся из окна. Плохо соображая, где нахожусь и почему тело ноет, как после недельных пыток, я села и сморщилась. Не зря мама любит повторять, что сон на диване сокращает жизнь! Клянусь, у меня уже начали проявляться признаки старости. Осталось обнаружить пару седых волосков – и можно составлять завещание, на каком кладбище и в какой погребальной урне предать мой прах земле.

Морщась от боли в шее, осмотрелась. Дуся спокойно дрыхла в кресле, рыбки плавали в аквариуме. Я оказалась аккуратно прикрытой теплым пледом, под головой лежала смятая полосатая подушка, а вчерашняя книга была аккуратно пристроена на кофейный столик.

Турнир по боевой магии начинался с обеда, и въездная площадь была заставлена экипажами. Перекрыли даже главный проход в учебный корпус. На дорожку пришлось лезть кустами. В прямом смысле этих слов. Между колючими зарослями в рыхлом снегу тянулась вытоптанная шеренга глубоких следов. Высоко поднимая колени, я пролезла проторенным путем, чуть не оставив на колючках клок пальто.

Попав наконец в холл, я сдала пальто в гардероб и немедленно ринулась к переходу в преподавательскую башню. На лекции идти не планировала, но забрать подписанный для защиты отчет у магистра по зельеварению нужно было сегодня. К счастью, он оказался на месте и много времени встреча не заняла.

Засовывая папку в сумку, я поспешно выскочила из кабинета и наткнулась на Дрю. Тот открывал запертое на замок змеиное логово Сэта, по-прежнему украшенное табличкой с фамилией Рэнсвода, и при виде меня смешался.

– Добрый день, господин Дрю.

– Ах, здравствуйте, госпожа Грандэ, – быстро пробормотал он и начал активнее ковыряться ключом в замке, но что-то у него сегодня с дверями, похоже, не складывалось.

– Понравились лунные пироги? – любезно поинтересовалась я.

– Какие еще пироги? – вытаращился Дрю.

– Которые вы вчера купили в едальных рядах, – с видом милой дурочки напомнила я.

– Да-да. – Он не переставал теревить застрявший в замке ключ. – Весьма недурственно.

– Значит, рекомендуете?

– Попробуйте при случае, – проблеял он и... с громким щелчком сломал ключ.

Смотреть на Дрю в тот момент, когда он вытащил разломанную ножку, было и смешно, и больно. С трогательно-обиженным видом сквозь стеклышки очков он изучал укоротившийся ключ и, кажется, не верил собственным глазам.

– Господин Дрю...

– Да что тебе еще, Грандэ, от меня надо?!

– Зачем вы за мной следили?

Целых пять секунд Дрю молчал и наливался багровым румянцем. На шее выступили алые пятна, уши вспыхнули. В целом он начал походить на сигнальный фонарь.

– Я искал доказательства и теперь все знаю! – наконец выпалил он.

– Доказательства чего? – осторожно уточнила я, чуточку попятившись.

– Нечестной конкуренции!

– А?!

Полагаю, если бы он сейчас заговорил о первородном огне, я изумилась бы куда как меньше.

– Он взял помощницей именно тебя! Чем я плох? Верой и правдой служил ему столько лет! Столько... Даже вспомнить не могу уже сколько! – Неожиданно он всхлипнул, поднял очки и протер покрасневшие глаза. – Оскорбил до глубины души, мерзавец. Оставил на растерзание бесчеловечному змею!

– Да вы напугали меня до икоты, Дрю! Я думала о вас всякие гадости.

Неожиданно дверь в кабинет профессора по зельеварению приоткрылась, и он высунул седую патлатую голову.

– Что у вас произошло?

Только чудом я остановила себя от рефлекторного желания эту самую голову затолкать обратно. Зельевар вылез наполовину и изумленно охнул:

– Госпожа Грандэ, вы довели помощника преподавателя до слез?

– Ни в коем случае, магистр! Я ни при чем! Господин Дрю очень расстроился, что ключ поломал. Так ведь, господин Дрю?

– Нет! – воспротивился тот.

– Конечно так. – С идиотской улыбкой я подскочила к двери и с самым немыслимым хамством, наплевав на сохранность академического имущества, взломала замок с помощью магии: – Видите, Дрю, не надо расстраиваться. Замочек просто открывался. Заходите, уже все в порядке!

Под изумленным взглядом профессора я запихала Дрю в кабинет и с поспешностью шибанула дверь. Та пару раз отскочила, как на пружине, и наконец со скрипом затворилась.

В единодушном недоумении некоторое время мы таращились на замок.

– Ты испортила академическое имущество, – резюмировал Дрю.

– Сама в шоке, – согласилась я.

– Нажалуюсь, – коротко объявил он.

– Не докажешь.

– У меня есть свидетель.

– Точно. – Я тяжело вздохнула, вытянула из кармана носовой платок и протянула помощнику. – Послушайте, Дрю... Магистр позвал меня на временную службу. Я ужасный секретарь, просто катастрофа, так что скоро вакансия освободится. Хотите, я замолвлю за вас словечко?

– Так он тебя и послушает, – презрительно буркнул тот, вырвав платок из моих рук, и вытер глаза.

– Я постараюсь быть убедительной! – уверила я, прижав ладонь к груди, словно клялась именем божественного слепца, что в лепешку разобьюсь, но на службу его устрою.

– Хорошо, про дверь забыли, – милостиво сжалился он, возвращая на место очки. – Что, совсем плохая помощница?

– Хуже не придумаешь.

– Тогда ладно. – Дрю шумно высморкался в мой платок и, скомкав, протянул обратно: – Спасибо.

– Нет-нет, – отшатнулась я. – Оставьте... оставьте себе. Пользуйтесь на здоровье, когда... поплакать захочется. Вы, смотрю, очень чувствительный.

– Нервы просто не к демонам, – вздохнул он. – Чаю хочешь?

Видимо, он надумал устроить чаепитие с жалобами на жизнь, нового магистра и превратности судьбы, каким-то нелепым образом сделавшие помощницей Киара Рэнсвода не его, а какую-то приبلудную студентку.

– Лучше пойду, – отказалась от душевных посиделок. – Турнир уже начался.

К началу я уже не успевала, но все еще надеялась не пропустить первый поединок Альмы.

– Вот! Вы, молодежь, такая безответственная! – заворчал он. – О каких-то глупостях думаете, а надо думать исключительно о службе.

– Тут уж вы правы.

На этом мне все-таки удалось вырваться из бывшего кабинета Рэнсвода. К спортивной арене я бежала, стараясь подавить приступ хохота. Смеяться и держать спорую рысцу было сложно. Добралась взопревшая и взлохмаченная, еле дыхание перевела.

Возбужденные вопли толпы были слышны еще в переходе, а когда я оказалась в спортивном корпусе, то оценила, сколько народу приехало поглазеть на зрелищные соревнования. На балконах собралась такая толпа, что происходила настоящая неразбериха: болельщики команд-противников были вынуждены тереться боками. Пришлось толкаться локтями, чтобы протиснуться в дверях и попасть к скамьям, откуда за поединками следили команды.

В турнирном круге уже шел женский бой. Как всегда, за плотным защитным пологом яркая форма девушек казалась выцветшей, а вспышки боевой магии – тусклыми. Соперницы боролись на мечях, а не на тренировочных шестах, так что смотреть на мелькающие изящные, но длинные клинки было жутковато. Поэтому мне не нравилась турнирная магия!

Команда нашей академии стояла возле ограждения и внимательно наблюдала за боем. Я подошла к подруге и быстро поздоровалась. Оказалось, что поединок Альмы шел следующим и соперница ей попалась сильная.

– Сяду на трибуну, – махнула я рукой, но айтерийка только растерянно кивнула.

Отойдя, я изучила зал в поисках (ладно, свободного местечка – это слишком амбициозно) хотя бы щелочки, куда можно было бы втиснуться, тесно-тесно скукожившись. Взглядом наткнулась на Финиста, облокотившегося – ой, обнимающего худую брюнетку с бала. Или откуда-то из другого места, я и на празднике ее особенно не разглядывала.

Он поднял руку, предлагая мне садиться рядышком, мол, в тесноте, да не в обиде. Честное слово, лучше посреди толпы соперников орать дурным голосом речевки нашей академии, чем оттенять Финиста с его левой стороны (по правую руку сидела брюнетка). Но тут мне между лопатками прилетел случайный тычок локтем, и как-то ноги сами собой понесли на единственное свободное место с краю лавки.

– Привет, партнер, – как ни в чем не бывало лучезарно улыбнулся Берт.

Он подвинулся сам и привел длинную скамью в движение. Люди один за другим начали двигать зады. Волна докатилась до центра и ударилась в мощного здоровяка, занимавшего место на два человека. Он скукожился, сунул руки между коленей, но не переместился ни на мизинчик. Может, оно и к лучшему. Не исключая, что в конечном итоге худенький очкарик, сидящий на противоположном конце, соскочил бы на каменный пол.

– Привет. – Я уселась, пристроила сумку на коленях.

Финист прихлебнул что-то из термоса, закрутил крышку и поставил его между нами.

– Как отметила День схождения? – спросил он. – Выглядишь так себе.

Невольно я потерла шею, ноющую после ночи на диване, и отозвалась:

– Спала плохо.

Бой подошел к концу. Полог спал. На огромной грифельной доске возле фамилий девушек, начертанных крупными символами первородного языка, появились очки. Строчки сами собой поменялись местами. Одна взлетела вверх, заняв первую позицию, вторая застряла в самом низу.

Финист что-то шептал брюнетке на ухо, девушка тоненько хихикала, хлопала его по коленке. Я чувствовала себя, мягко сказать, неуютно. Ревности не было, только неловкость. В конечном итоге мы с Бертом, похоже, провели одинаково насыщенный событиями выходной. Просто по отдельности, как положено обычным партнерам по учебе. И его праздник оказался чуть лучше.

Кашлянув, я вытащила из сумки термос, сделала пару глотков животворящей ромашки с пустырником, успокаивающих не только нервы, но и всплески магии, и тоже пристроила его на скамью. Заодно и сумку. Получилась отличная преграда между мной и Финистом. Места, правда, стало совсем маловато. Если народ качнется, то точно впечатает зад на пол.

Между тем Альма собиралась в турнирный круг и по очереди ударялась кулаками с ребятами из команды. Видимо, жест означал еще и пожелание удачи. Говорю же, совершенно универсальный.

Уверенной поступью она вышла на арену, подхватила протянутый магистром меч с длинным изящным клинком и кожаной оплеткой на рукояти. Толкнулась с соперницей сжатыми костяшками ради приветствия. Над ними стянулся гудящий магический полог. Поединок начался.

Девушки бились остервенело, словно от исхода боя зависела судьба Шай-Эра. Мелькали мечи, разлетались длинные косы. По руке подруги скользнул тупой край чужого меча, и на форме появилась алая тусклая полоса. Понятно, это была не кровь, а магическая метка, обозначившая ранение, но она выглядела такой реалистичной, что становилось не по себе.

Я рефлекторно схватилась за термос, открутила крышку и сделала несколько быстрых глотков. От нервов даже ромашка начала горчить! Не могла Альма выбрать себе какое-нибудь мирное увлечение? На рукоделие рассчитывать не стоит, но почему бы ей не заинтересоваться аквариумными рыбками? Я готова таскаться по зоолавкам в поисках редких потомков избранного, но не на турниры по боевой магии.

Неожиданно мое внимание привлекло движение возле полога. Внизу ни с того ни с сего началась потасовка. Вернее, веская причина, почему Эзра схватил за грудки парня из команды Академии магии при королевском дворе, наверняка имелась. Он же не псих, чтобы просто так набрасываться на хороших людей, пусть они и противники в турнире. Но, похоже, никто не понял, что произошло.

– Повтори еще раз, гаденыш! – гаркнул побагровевший Эзра, встряхивая противника. – Что ты сказал о моей девушке?

Выскачка из дворца, видимо, уже был не рад, что брякнул пошлость, но мозгов не хватило промолчать. Он снова что-то ляпнул, пусть негромко, но у Ходжа снесло заслонки. К ним бросились магистры-наблюдатели.

Поединок девушек остановили. Полог растаял. Противницы недоуменно оглядывались вокруг, и тут Альма обнаружила, что ее ненаглядного парня пытаются бить. Как и завещали предки Сатти всем воинственным ай-тэрийским женщинам, она ринулась на помощь!

Побросав вещи, я соскочила со скамьи. Хорошо, что утром додумалась надеть брюки, хоть движений ничего не стесняло.

– Не смей уходить с арены, Сатти! – заорал ей вслед магистр. – Тебя снимут с турнира!

Альма не слышала голоса разума – ни своего, ни тренерского. В проход мы с ней вылетели одновременно. Я только успела схватить разгоряченную боем подругу за руку и на этой самой руке повисла, потому как останавливать взбешенную Альму было сродни тому, как останавливать набравший ход замковый таран.

– Моего парня бьют! – возмущалась она, потрясая мечом.

Ей-богу, все, кто оказался в радиусе нескольких шагов, дунули от нас в разные стороны, как тараканы.

– Он прекрасно справится сам. И верни меч, у магистра сейчас остановка сердца случится!

В следующий момент плечо резануло оглушительной болью, выбив из груди протяжный стон. Я оцепенела и перестала дышать, стараясь перетерпеть этот спазм, кажется, охвативший каждую мышцу в теле.

– София, что случилось? – Подруга поменялась в лице. – Ты белая, как умертвие! Нужно в лазарет, да?

Я цеплялась за Альму просто рефлекторно, хотя пальцы уже казались слабыми и как будто мягкими.

– Нельзя в лазарет. Мне нужно домой...

Сознание погасло, словно божественный слепец, резко щелкнув пальцами, потушил во всем мире свет.

Приходила в себя я с трудом, оставаясь на грани реальности и сна. Едва-едва приоткрыла тяжелые веки, над головой плыл серый потолок. Тело горело от лихорадки. Мышцы ломило. Со стоном я попыталась повернуться на бок и свернуться клубком. Со лба слетела влажная тряпица.

– София, только не вставай! – Ко мне подскочила всполошенная Альма, все еще одетая в спортивную форму. – У тебя второй час не спадает жар. Не двигайся, слышишь? Сейчас салфетку поменяю. Знахарь скоро будет.

Казалось, что все происходило в причудливой галлюцинации. От боли в плече было невозможно пошевелить рукой. Подруга поспешно намочила тряпицу в плошке и с ворчанием вернула ее мне на лоб:

– Не понимаю, почему этот знахарь все еще не появился? На черепахах из Норсента едет?

По лицу за шиворот блузки потекли холодные струйки воды.

– Альма, – прилагая невероятные усилия, чтобы подать голос, прошептала я, – пусть найдут Рэнсвода.

– Какого Рэнсвода? – не поняла она. – Магистра, что ли?

– Он живет на Стрэйн-Лейн. – Я проговорила адрес и без сил прикрыла глаза. – Киар поможет. Знахарь здесь просто бессилён.

– Чем тебе поможет магистр? – неожиданно разозлилась подруга. – У тебя резерв кипит! Тебя магия заживо сжигает!

– Это не моя магия, – шепнула я, погружаясь в мутное забытие.

Казалось, что время остановилось в одном моменте. То и дело к моим губам приставляли край чашки и заставляли пить горькие снадобья. Ледяная влажная салфетка ложилась на лоб, потом нагревалась и снова ложилась. Голова раскалывалась. И все словно происходило в странном сне, очнуться от которого помог резкий знакомый голос:

– Где она?

– Магистр Рэнсвод, у девушки магическое закипание. Такое изредка случается от переутомления. Мы уже сделали все, что могли. Знахарь будет в течение получаса.

– Выйдите все из палаты, – словно пропустив объяснения, потребовал он и вдруг рявкнул: – Вон! Все. И дверь закройте.

Звук отодвинутого занавеса заставил меня приоткрыть глаза. Комната по-прежнему плыла, фигура Рэнсвода тоже.

– Ты все-таки здесь... – Я не узнала собственного скрипучего шепота.

– Тихо-тихо. – Киар присел на край кровати и, мягко поддерживая меня под спину, заставил сесть. – Сейчас будет не очень приятно.

Ловким движением он стянул мне через голову блузку. Я поморщилась, привалилась горячим лбом к его крепкой груди.

– Потерпи, хорошо? – прошептал он и, осторожно спустив тонкую бретель нижней сорочки, мягко поцеловал мое обнаженное плечо. В поцелуе не скрывалось ничего чувственного, это было прикосновение губ смятенного человека. Похоже, стальной Рэнсвод тоже умел пугаться.

Прохладная ладонь легла на пульсирующую болью метку. Магия наконец нашла выход. Толчками она покидала тело. Было ужасно, почти нестерпимо больно. Просто химерова пытка из темных времен первородного языка!

Со стоном я сжала зубы и вцепилась пальцами в рубашку Киара. Казалось, проклятое слияние никогда не подойдет к финалу. Оно длилось и длилось, словно растянулось во времени, а закончилось будто внезапно.

Боль пропала, тело сотрясала крупная дрожь. Жар уходил, я начинала ощущать, что в палате стоит неприятный холод. Очень хотелось плакать. Стараясь справиться со слезами, крепко обняла Киара за пояс, прижалась всем телом, пытаюсь согреться в тесных объятиях.

– Все закончилось. Мы справились, – тихо увещевал он, глядя меня по голове, как маленького ребенка. – Теперь все будет хорошо.

С замечательным чувством, что теперь-то уж точно все будет отлично, хотя никаких предпосылок к этому самому отлично, если разобраться, вообще не имелось, очень счастливая, я потеряла сознание...

Разбудил меня тихий разговор рядом. С осознанием, что чудесно выпалась, я открыла глаза и обнаружила себя в знакомой кровати в доме на Стрэйн-Лейн. В первое мгновение в памяти вместо воспоминаний обнаружилась большая черная дыра, но ненадолго, правда.

– Господин Рэнсвод, совершенно точно это были энергетические порошки.

– Вы уверены?

Они стояли на фоне окна: Киар в домашнем костюме и незнакомый мужчина средних лет с седой бородой колышком и в черной лекарской мантии с королевским гербом, вышитым на груди.

– От магического переутомления резерв просто затухает, но никогда не закипает, – уверил он. – Такой эффект дает только алхимия. К счастью, магия быстро восстанавливается. Вам повезло.

– При чем тут я? – с раздражением одернул Киар. – Как девушка? Она сутки толком не приходит в себя. Настойки, которые вы вчера прописали, как трехдневному покойнику припарка.

– Ну, три дня она и не лежит... – пошутил лекарь, но наткнулся на мрачный взгляд и тут же пошел в оборону: – А что вы хотели? Организм подвергся большой встряске. Девушка отдохнет и проснется.

Уже проснулась, и волосы на голове от ваших разговоров тоже уже шевелятся.

– Уверяю вас, господин Рэнсвод, она чудесно восстановится, а к концу следующей недели и думать забудет об этом печальном эпизоде. Станет как новенькая.

– Меня и прежняя вполне устраивала, – буркнул Киар, словно несчастный королевский лекарь самолично напоил меня порошками, чтобы, так сказать, получить улучшенную, обновленную версию.

Решив, что услышала достаточно, я заворочалась в кровати, села и произнесла осипшим ото сна голосом:

– Доброе утро, господа.

Кстати, а времени-то сейчас сколько? Явно не утро.

Мужчины обернулись. Я поспешно натянула одеяло до подбородка.

– Видите, – развел руками лекарь. – Я же говорил, что достаточно подождать. Как вы себя чувствуете, юная леди?

– Тело ломит, но в целом неплохо, – прохрипела леди голосом прокуренной курвы.

– Тело будет ломить еще долго, – с блаженной улыбкой «обрадовал» эскулап, словно объявил о выигрыше в королевскую лотерею.

Киар стремительно пересек комнату, подложил мне под спину подушку, как заправская сиделка, и спросил:

– Хочешь что-нибудь?

Хочу немедленно объяснить, что я не сумасшедшая и не самоубийца, чтобы принимать алхимическую гадость, способную довести до выгорания любого, даже самого сильного мага. Однако это долгий разговор, поэтому сначала просто почистить зубы. Устроить косметические процедуры в кровати было несколько проблематично, поэтому я просто покачала головой. Не открывая рта.

– Господа, если вы не против, то я откланяюсь, – засобирався лекарь и подхватил с кресла черный чемоданчик. – Милая леди, не забывайте принимать настойки. Через пару дней загляну для осмотра.

Он указал на прикроватный столик, заставленный ребристыми флаконами из темного стекла. На узком горлышке каждого висела бумажка с рецептом и правилами приема.

– Загляните сегодня вечером, – очень мягко, но категорично потребовал Киар.

– Побойтесь божественного слепца, господин Рэнсвод! – охнул эскулап. – Уже вторая половина дня! Приду завтра утром. Можете меня не провожать, я столько раз за эти сутки метался от экипажа и обратно, что уже неплохо запомнил дорогу.

– До свидания, – промычала я.

Дверь покоев тихо затворилась. Комната погрузилась в молчание. Киар стоял возле кровати, сложив руки на груди, и не сводил с меня пристального взгляда.

– Киар, я всегда внимательно следила за едой и напитками! Не понимаю, что произошло. Зачем кому-то специально подсыпать мне порошки?

Перед мысленным взором появился Финист, который во время турнира постоянно прикладывался к горлышку термоса с каким-то питьем. Эти удобные артефакты, похожие на глубокие кружки с крышкой, недорого продавались в академической лавке мелочей. Одни и те же, много лет подряд их вид не менялся. От горячего напитка герб, вырезанный на стенке, светился красным цветом и постепенно бледнел, когда содержимое остывало. С такими «кружками» ходила добрая половина академии, и между собой мы их часто путали. Бывало, отвинтишь крышку, а вместо морса с ягодами аскарома булькает горячее вино с корицей и цедрой.

– Или же не специально... – едва слышно выдохнула я.

В голове непрощено замелькали картинки. С дурацким видом Финист заявляет, что после тренировки совсем «не в ресурсе» и не может совладать с заклятиями высшей магии. С самодовольной усмешкой он создает бледный магический шар на практикуме, хотя всего пару дней назад лечил разбитое лицо у знахаря. Какой нормальный маг сумеет проделать такой фокус, если не накачается алхимической гадостью?

– София! – позвал Рэнсвод.

– А? – испугалась я, словно он действительно мог подсматривать мысли и уже знал, кто именно стал невольным виновником едва не случившейся трагедии. – Киар, что, если до пятницы дар не вернется?

– Вернется, – уверенно опроверг он.

– А если нет?

Устало вздохнув, Киар шагнул ко мне и, склонившись, мягко поцеловал во взлохмаченную макушку. Тело от головы до кончиков

пальцев словно прошило магическим разрядом. Я даже вжала шею в плечи.

– Не надо решать проблему прежде, чем она случилась, – поглаживая мою скулу большим пальцем, вымолвил он, видимо, тем самым закрывая разговор. – Спасибо, что оказалась такой сильной, София.

И в этот трогательный момент всеобщего единения у меня в животе до пошлости громко заурчало от голода. От неловкости я на секунду прикрыла глаза. Не девушка, а сплошной позор!

– Сейчас попрошу, чтобы тебе принесли поесть.

Рэнсвод пересек комнату, но в дверях помедлил:

– Кстати, твоя подруга здесь.

Чувствуя, что меняюсь в лице, я уточнила, словно подруг у меня имелась большая подвода и четыре маленькие тележки:

– Альма?

– Вчера ее парень едва не выбил дверь, когда меня разыскивал. Домашние духи до сих пор отказываются оставлять замок незапертым.

– И Альма в курсе, что происходит?

– Я рассказал в общих чертах, – качнул головой Рэнсвод. – Без подробностей.

– Ты заставил ее дать клятву о неразглашении? Или она подписала магический договор?

– Естественно, кровью. – Он сверкнул белозубой улыбкой, вспыхнувшей и в темных глазах. – Твоя подруга не будет болтать – она слишком сильно за тебя переживает. Скажу ей, что ты проснулась.

Альма, одетая в хозяйственный фартук и с косынкой на волосах, появилась в покоях так быстро, словно бежала рысцой. В руках она несла поднос с едой.

– Спасибо добрым предкам Сатти, ты живая! – воскликнула она, проворно направляясь к кровати, и тюкнула поднос на одеяло. Фарфор истерично зазвенел, через край глубокой тарелки выплеснулся суп, жалобно скособочился кофейник, выпустив из длинного носика нечто красное...

– Ты заварила калину?! – в священном ужасе охнула я.

Как можно пытаться человека, который едва выжил? Что за бесчеловечная жестокость?

– Бабушка Сатти говорит, что калина – первое средство для восстановления резерва, – нравоучительно отозвалась подруга и, присев на край кровати, сжала меня в железных объятиях, едва не выбив только-только возвращенный дух. – Я до ужаса испугалась!

– Прости, что испортила тебе турнир. Ты к нему с декабря готовилась, – пробормотала я, стараясь не открывать рот широко, чтобы случайно не зажевать ее косицу.

– Турнир мы и своими силами прекрасно профукали, – отодвигаясь, уверила Альма. – Нашу команду вытурили с соревнований до середины следующего года. Я разнос пропустила, но Эзра сказал, что тренер вопил как припадочный, пока голос не потерял.

– Где ты взяла фартук? – поинтересовалась я, лишь бы не говорить о том важном, что тянуло за душу.

Подруга поправила съехавшую на затылок косынку.

– Тетушка-домоправительница дала.

– Ты видела домоправительницу?! – вытаращилась я.

– А ты нет?

– Ни разу! Она неуловимая, как Дуся, крадущая мокрые носки.

– На мою бабушку похожа, только шайэрка и не орет. Даже ни словечка не сказала, что я умазала кухню, пока готовила. Святая женщина! Дуся, кстати, ее любит. Ходит за ней по пятам – жрать выпрашивает.

Мы неловко замолчали.

– Ты, наверное, думаешь, будто я злюсь, – первой заговорила Альма, неловко разглаживая складки на одеяле. – Это не так, подруга. Откровенно сказать, я не очень вникала, что у вас с магистром произошло, – не моего ума дело. Однако официально заявляю, что из тебя выйдет отличный шпион. Я ни на секунду тебя ни в чем не заподозрила.

– Мне правда жаль.

– Да брось, – поморщилась она. – Дружья существуют не для того, чтобы осуждать. Страшно представить, как тебя тяготило то, что приходится врать.

– Спасибо, – слабо улыбнулась я.

– И знаешь... – Альма наклонилась поближе и заговорщически забормотала: – Рэнсвод был нереальным, когда ворвался в лазарет. А

как он нес тебя на руках! Ты – без сознания, в одеяло завернута, а он несет, как будто ничего не вешишь. До сих пор мурашки бегут!

Она потерла ладонями руки, словно избавляясь от волны навязчивых мурашек.

– Киар вынес меня из лазарета? – медленно проговорила я. – И много народу нас видело?

– На турнир вообще собралась большая толпа... – туманно протянула подруга. – Но переодевала я тебя сама! Он даже из комнаты вышел.

В голове загудело. Я потерла виски и бросила на айтэрийку вкрадчивый взгляд:

– Слухи уже ползут?

Альма пожала плечами:

– В академии все время о ком-нибудь судачат. Вчера мы с Эзрой, сегодня вы с Рэнсводом. Потом еще кто-нибудь. Пока ты вернешься на учебу, все устанут перетирать и забудут. Или ректор заведет интрижку с преподавательницей северного диалекта. Конечно, такое маловероятно, но за надежду-то динаров не берут!

– В общем, все плохо, – резюмировала я.

– Эзра говорит, что бывало хуже, а Лейке с Теей я уже мозги вправила. В общем, ты поешь. Займи себя делом! – Она резво соскочила с кровати и плюхнула мне на колени, вякнувший поднос. – Между прочим, с самого утра у очага стояла! Все платье уделала.

– Я ценю.

– Тогда заплати за стирку платья.

У меня невольно вырвался смех.

– Ладно.

– И съешь все, даже если невкусно! Суп я, к слову, пересолила. Зато какую калину заварила! – Она мечтательно закатила глаза и поцеловала кончики пальцев. – Предки Сатти пустили слезу умиления.

На следующий день слабость ушла. Я чувствовала себя настолько хорошо, что позавтракала с Рэнсводом. Тетушка-домоправительница, действительно неуловимо напоминающая бабушку Сатти, отказалась отдавать на растерзание только-только отмытую кухню и отправила есть в столовую. Цитируя ее: «как и положено настоящим

аристократам». Я мудро промолчала, что во мне столько же аристократических кровей, как в кошке Дусе.

После очередного визита дворцового лекаря она тоже засобиралась и со словами, дескать, господин Рэнсвод терпеть не может, когда ему мешают работать, оставила нас вдвоем.

Я читала в гостиной, уютно накрывшись пледом, когда раздался стук дверного молоточка. Судя по тому, что домовики не подумали отворить, гость пришел незнакомый. Нахмурившись, я слезла с дивана, прошлепала босыми пятками через холл и, отперев замок, открыла.

За порогом стояла мама.

Глава 8

На круги своя

Тишина в гостиной стояла такая, что, кажется, можно было различить, как рыбки по сорок динаров за штуку шевелят шикарными плавниками. Мама с непроницаемым видом сидела на диване и талантливо изображала, будто пьет кофе из крошечной чашечки. Невозмутимый Рэнсвод, сложив ногу на ногу, развалился в кресле и беззвучно постукивал пальцами по подлокотнику, изображая самого себя.

С Дусей на руках я стояла возле столика с аквариумом, словно судья в турнирном круге, и была готова грудью защищать ту сторону, чья жизнь окажется в опасности. Но противники настойчиво молчали, поэтому я оказалась совсем не при делах и по-идиотски пыталась не выпустить страдающую кошку. Странно, что она не шипела и не вопила, опошляя острый момент возмущенным мяуканьем.

Маме написали из академии, что у меня случилось выгорание магии и я загремела в лазарет. Впервые за несколько лет она закрыла лавку и бросилась в столицу спасать дочь, но та оказалась спасена. И вообще-то жила не в общежитии.

Альма так перепугалась появления моей ненаглядной родительницы, что как на духу рассказала, где меня искать. Без подробностей. Иначе матушка не восседала бы на диване, изящно сжимая краешек фарфорового блюдца с чашечкой, а устроила кровавую резню. Тогда бегством спасались бы даже рыбки.

Мы заговорили все одновременно:

– Мама!

– Мадам Грандэ!

– София!

– Мяу! – наконец подала голос Дуся.

Не знаю, как остальным, а мне даже стало любопытно: что же они хотели сказать?

Переглянувшись, мы сконфуженно замолкли. Все, кроме кошки, которую все-таки пришлось выпустить.

Я решила начать первой и сразу заявить родительнице в лоб, что ее взрослая дочь вовсе не любовница какого-то там мужика, пусть и высшего мага привлекательной внешности и завидной аристократичности.

– Мама, мы не живем вместе в том смысле, в каком ты подумала. Я работаю у господина Рэнсвода временной помощницей.

– Господин Рэнсвод, – самым светским тоном обратилась к нему мама, видимо, посчитав, что старт словесному поединку дан.

– Киар, – немедленно предложил он соскочить с официоза.

– Киар, моя дочь – ваша служанка или содержанка? – один в один процитировала она Ричейра.

У меня вырвался громкий смешок.

– Простите, – замахала я руками. – Просто вспомнилось, что мысли сходятся не только у дураков, но и у гениев.

Шутка осталась недооцененной. Эти двое ведь не сталкивались с его величеством в коридоре дома.

– Мадам Грандэ, – обратился Рэнсвод.

– Эллина, – поправила она.

– Эллина, ваша дочь в этом доме гостя.

– И вы не собираетесь на ней жениться?

– Нет! – поспешно выпалила я вместо Киара. Лишь бы он не подумал, что девушка уже выбирает свадебное платье, имя для будущего потомка избранного и еще имущество, которое прихватит в случае развода!

Рэнсвод хмуро покосился в мою сторону и с непроницаемой физиономией снял с брюк невидимую ворсинку. Невольно этот говорящий жест напомнил мне вечер, когда мы поскандалили из-за свидания с Финистом.

– Понятно, – насмешливо резюмировала матушка и резко спросила: – Почему ты босая?

– Полы теплые, – несколько обалдев от поворота, буркнула я.

– Зато сквозняки – ледяные. Давно не простужалась? Весь Новый год носом шмыгала.

– Домашние туфли под диваном не нашла! – огрызнулась я, краем глаза заметив, что Рэнсвод с трудом подавил улыбку.

Какой позор! Но в этом суть отношений родителей и детей. Сколько бы ребенку ни было лет, мать в равной степени волнуется и о

его соплях, и о дурных историях. Как вообще при такой моральной нагрузке матери сохраняют ясность рассудка?

– София, твоя матушка только с дороги, – с подозрительно вежливой интонацией обратился Киар. – Почему бы тебе не предложить ей что-нибудь перекусить?

Как-то очень витиевато он попросил меня убраться по направлению к холодильному шкафу и оставить их наедине.

– Буду в кухне, – согласилась я, но напредила маме, чтобы она ничего себе не надумала: – Я не служанка! И не повариха!

– Да, вы уже мне об этом сказали, – сухо согласилась она. – Возьми корзинку. Там лечебные снадобья.

Мама кивнула на стоящую на полу рядом с саквояжем плетеную корзинку с высокой ручкой. Пререкаться по мелочи было глупо, а еще неблагодарно. Очевидно, что матушка хотела бы положить в эту корзинку какие-нибудь вкусности, а не травяные эликсиры.

Прилично дергаясь, я начала доставать из холодильного шкафа продукты. После нашествия Альмы еды в доме было на отряд голодных боевых магов. Готовила подруга не в пример мне превосходно. Даже пересоленный, по ее мнению, суп оказался не так уж пересолен. Я его вместе с ложкой едва не слопала! Оставалось надеяться, что мама не скривится при виде вчерашней еды.

Через некоторое время она вошла в кухню и задумчиво осмотрелась вокруг.

– Очень красивый дом, – вздохнула она. – И просторный. Сколько спален?

– Много! Я, правда, здесь только временная помощница, – проворчала я и тут же добавила: – Не по хозяйству! Ужин вчера готовила Альма.

– Вместо домоправительницы? – небрежно уточнила матушка.

Но я-то понимала, что вопрос с подвохом, и держала ухо востро! Она все равно пыталась выяснить, не приходится ли мне прислуживать в этом большом красивом доме со множеством комнат.

– Мы с Ки... магистром заказывали еду в ресторации.

– Мы? – протянула она с хитрецей, и стало мигом ясно, что шпион в моем лице почти провалился.

– О чем вы говорили? – быстро сменила я тему.

– О тебе, конечно. Киар уверил, что с ним ты в полной безопасности. Он никогда не допустит двусмысленностей.

Уже допустил. И не раз. Но лучше маме об этом никогда не узнать.

– Я представляла его другим, – заявила она. – Когда ты о нем говорила на зимних каникулах...

– А я о нем говорила? – вытаращилась я.

– Беспрерывно! Но как-то забыла упомянуть, насколько твой магистр привлекательный мужчина, – снисходительно улыбнулась она. – Я представляла его отменным негодяем, но он кажется неплохим человеком.

Она встала рядом и аккуратно убрала мне с лица прядь волос, падающую на глаза.

– Почему ты не ругаешься, что я переехала к холостому мужчине? – спросила я.

– Если бы ты переехала к женатому мужчине, это оказалось бы большей проблемой, а так есть шанс сделать отличную партию.

– Мама! – возмущенно охнула я (хотя вру, не очень возмущенно).

– Знаю-знаю, ты его секретарь, – усмехнулась она. – Ты выросла, София, и было бы большим лицемерием устраивать скандалы, учитывая, что в твоём возрасте я стала матерью.

Она мягко взяла меня за руки и прижала к себе. От волос и одежды тонко пахло жасминовым благовонием. Тем самым, отправленным в подарок на День схождения лун.

– Дочь, я бесконечно рада, что ты в порядке. Такое облегчение! Я страшно испугалась, когда пришло письмо из академии.

– Могу представить, – вздохнула я, по привычке укладывая подбородок на ее плечо. – Извини, что заставила тебя волноваться.

Это с виду хрупкое плечо на самом деле было невероятно сильным и способным принять на себя груз ответственности за семью. Пусть и за очень маленькую семью.

Она отстранилась и уточнила:

– Магия слышит призыв?

Я раскрыла ладонь, попыталась воззвать к дару, но, не добившись ровным счетом никакого результата, покачала головой. Магия таилась внутри и молчала.

– Лекарь сказал, что не стоит волноваться, – непонятно кого из нас двоих успокаивая, себя или ее, уверила я. – Через пару дней дар восстановится.

– Как случилось выгорание? – вкрадчиво спросила она.

– Надорвалась.

Врать матери было противно, но не скажешь же, что парень, о котором я мечтала и беспрерывно трещала днями напролет, хлещет алхимические эликсиры, как ягодный морс. Мечта и так, мягко говоря, оказалась такая себе, горькая.

– Пойдем за стол, – быстро поменяла я тему разговора.

– Не хочешь позвать хозяина дома? – уточнила матушка.

– Магистр не любит вчерашнюю еду, – стараясь не встречаться с ней взглядом, оговорила я неприхотливого человека. – Он вообще очень придиричивый. И завтракал поздно!

– Не то чтобы очень поздно, – раздалось из дверей.

Киар обнаружился в кухне. Понятия не имею, как давно он за нами наблюдал, но на лице отражался живой интерес.

Внешне мы с мамой похожи: одинаковый цвет волос, черты лица и телосложение. Незнакомые люди часто принимали нас за сестер. Возможно, они были правы. Как бы смешно ни звучало, мы росли и выросли с мамой вместе. Просто ей пришлось учиться быть взрослой в ускоренном темпе шай-эрского вальса, как под эликсиром бодрости. Материнство вообще исключительно быстро возвращает чувство реальности. Если что, это ее слова.

– Как вы относитесь к вчерашней еде? – деловитым тоном поинтересовалась она.

– Превосходно, – отозвался тот.

– В таком случае вы будете не против, если мы накроем здесь?

– Ничуть. – Киар развел руками. – Я не особенно придиричив.

Он послал в мою сторону выразительный взгляд, дескать, не стыдно клеветать на приличного мужчину?

Трапеза была очень странная. Все делали вид, будто ничего особенного не происходило, обсуждали погоду и наступление весны. Природа – вообще неисчерпаемая тема для разговоров, а главное, безопасная. Но, как шпион, я искала в каждой сказанной фразе тайное значение, естественно, находила, даже если ничего такого не было, и постепенно теряла аппетит. Не то чтобы он у меня был. В конечном

итоге я начала тихо-мирно цедить из чашки разбавленный ромашкой энергетический эликсир.

– Где вы планируете остановиться, Эллина? – спросил Киар.

– Полагала, что пробуду в Но-Ирэ долго, и хотела снять комнату, но София в порядке и под присмотром, – она ласково погладила меня по руке, – поэтому сегодня переночую в гостевом доме, а завтра вернусь в Ист-Орс.

– Погостите, – спокойно предложил Рэнсвод. – Оставайтесь здесь.

Здесь?! Эликсир пошел не в то горло. Насколько желание отправить в гостевой дом матушку, ночевавшую сегодня в придорожном трактире, делает меня плохой дочерью? Наверняка я не вписываюсь даже в шкалу от отвратительной до паршивой. Но не слишком ли много женщин на одну жилплощадь у мужчины, который еще две недели назад предпочитал жить с бесшумными рыбками?

– Это вас не обяжет? – заволновалась она.

– Дом большой, и пустых гостевых комнат в нем предостаточно, – уверил Киар. – А София не может ходить на занятия. Она будет рада.

– Я?

– Ты, – вкрадчиво подтвердил он, дескать, бери мать и радуйся, неблагодарная девица.

Глянув на нас с хитрецей, матушка улыбнулась:

– Что ж, с удовольствием соглашусь.

– Угу, – мрачно промычала я.

Как и положено, после Дня схождения лун в Шай-Эре потеплело. За пару дней, что я провалялась в кровати, снег практически растаял, исчезла ледяная корочка с пешеходных мостовых. Город пах влажностью и весной.

Обычно мама присылала мне список трав и цветочных вытяжек, каких в провинциальном Ист-Орсе днем с огнем не сыщешь, а специально заказывать из столицы было разорительно. Перед отъездом домой я непременно носилась по аптекарскому двору в квартале Восточных ворот, а потом сутки ехала в почтовой карете с благоуханной корзинкой. Благоухала она не всегда приятно.

В прошлый раз из-за настойки с рыбьими глазами у всех глаза-то и слезились. Честное слово, думала, соседи по карете сговорятся и забудут меня в придорожном трактире. Но обошлось. Правда, пришлось перебраться из теплого салона на холодную, обдуваемую

всеми ветрами крышу, потому что пальто тоже пропахло. Заработала насморк и весь Новый год гундосила.

В общем, на следующий день мы с мамой ходили по кварталу Восточных ворот, не пропуская ни одной мало-мальски приличной лавчонки. Я тащила тяжелеющую корзинку, таращилась на витрины с готовыми платьями и отвечала на бесконечные вопросы об учебе. Тему Киара Рэнсвода мама деликатно обходила стороной.

– Кстати, как поживает тот мальчик? – вдруг спросила она, деловито прощупывая на мягкость корни горной горчанки в ящичке.

– Какой мальчик? – не поняла я.

– Финист, – коротко напомнила она и двинулась к следующему прилавку, заставив меня протащиться следом.

– Полагаю, не страдает от магического истощения, – буркнула я себе под нос.

– Я рада, что ты о нем больше не упоминаешь. Человек, который не видит, какое ты золото, совершенно точно тебя недостоин. Зачем тебе мужчина с плохим зрением? – Она потрепала меня по щеке. – Потом на подозрных трубах разоришься.

– Мама, – сцедила я через губу, – ты этими пальцами только что трогала корни горчанки.

– Ах, точно. – Она убрала перепачканную руку и быстро обтерла о платок. – Пойдем в другую лавку, здесь нет ничего любопытного.

Мастерская украшений и мелких сувениров находилась рядышком. Невольно я притормозила возле входа.

– У Киара... У магистра Рэнсвода в пятницу день рождения. Коль мы все равно уже приехали, хочу присмотреть подарок. Но ничего серьезного! – немедленно оговорила, когда на лице мамы расцвела выразительная улыбка. – Так... какой-нибудь пустяк.

Я немедленно развернулась и толкнула дверь мастерской. Милых и душевных пустяков в шкафчиках и на полках оказалось предостаточно. Воздух пах лаком, древесной стружкой и хвойным благовонием. Вокруг стояли аккуратно вырезанные деревянные фигурки, в стеклянных кубах лежали нательные украшения «живые цветы». От телесного тепла они растекались по коже изящными узорами и походили на металлические татуировки.

– Что подарить мужчине, у которого все есть? – вздохнула я и покрутила в руках кожаный кисет для табака, украшенный рисунком

драконовой химеры.

В последние дни в доме совершенно не пахло сигаретным дымом. То ли Рэнсвод пытался избавиться от дурной привычки, то ли моей мамы стеснялся. В любом случае дарить вещь, потакающую пагубным слабостям, было неправильно и негуманно для его здоровья.

– Самый лучший подарок – ненавязчивый, – отозвалась мама и тут же пояснила: – Чтобы можно было носить с собой и не испытывать дискомфорта.

– Думаешь, магистр обрадуется живым цветам? – с иронией кивнула я на прилавок.

– Галстук? – рассудила она.

– Вроде удавки на шею? – пошутила я.

– Ладно, – согласилась она. – Галстук – идея не очень. А как тебе это?

Она указала на ящичек с кожаными браслетами в виде длинных шнурков. Такими обматывали запястья в несколько оборотов. Концы у браслетов срастались, поэтому снять нехитрое украшение просто так было проблематично, только разорвать или срезать.

Я вытащила темно-коричневый браслет с тонкой металлической пластиной, предназначенной для гравировки. От тепла пальцев дубленая кожа мигом сделалась мягкой и пластичной.

– Он тебе нравится? – мягко проворковала мама.

– Неплохой браслет, и цвет приятный.

– Да, но я о Киаре Рэнсводе.

Если она надумала высказаться, то остановить ее не смогла бы даже немота. Моя дорогая мать найдет клочок бумаги и в письменном виде донесет ценную мысль. Я без иронии!

– Рэнсвод щедрый, заботливый, – начала она перечислять достоинства Киара, словно заправская сваха. – И заметь, терпит в доме женщину, которая явно настроена стать его тещей. По-моему, прекрасный мужчина! А что мы с ним почти ровесники? Это нормально, если тебе нравятся мужчины постарше.

– Мама! – цыкнула я, заметив, что на нас с понимающими улыбками оглядываются другие покупатели, и даже мастер, ковыряющий под прилавком какую-то поделку, с трудом сдерживал ухмылку. – Господи, позор-то какой! Пойдем уже!

Матушка уезжала утром, за ужином Киар небрежно упомянул, что нанял экипаж, чтобы ей не пришлось тесниться в почтовой карете. Мы себе никогда не позволили бы такое по-королевски шикарное путешествие – слишком дорого, почти как перемещение магическим порталом. Странно, как в приступе благодарности мама немедленно не понеслась в кухню, чтобы сварить приворотное зелье и навсегда привязать этого демонически щедрого высшего мага к ее единственной обожасмой дочери.

– Давай я тебе помогу заплести волосы, – предложила она, когда мы уже собирались ложиться.

Свободные комнаты родительница презрела, жила в моих покоях. Я села на пуфик. Ловкими движениями мама разделила волосы на пряди и начала переплетать.

– Ты сделала татуировку? – словно между делом проронила она.

– Нет, конечно, – удивилась я.

– У тебя на спине рисунок.

Чувствуя, что меняюсь в лице, я вскочила на ноги и бросилась к зеркалу. Поспешно развязав ленты на вороте ночной сорочки, спустила ее с плеча и проверила отражение. На лопатке действительно проявлялись едва заметные контуры метки. Еще совсем бледные, видные едва-едва. Первородный огонь пробуждался, и магия возвращалась.

– Как вовремя-то, – пробормотала я.

Мама встала за моей спиной. Мы встретились взглядами в зеркальном отражении.

– Я заметила у магистра такую же татуировку на руке. Не то чтобы он ее демонстрировал, просто пару раз поднимал рукава. Нужно ли мне волноваться?

– Нет, – твердо заявила я. – Теперь точно не о чем волноваться!

Неповоротливый междугородний экипаж остановился у дома чуть раньше десяти утра и практически перегородил узкую, взбегающую на гору улицу. Мы с Киаром, как и положено добрым хозяевам... в смысле, дружным соседям, вышли провожать гостью.

Сугробы в хвойном саду постепенно оседали и покрывались рыхлой коркой. Садовые лампы, прежде казавшие из снега только прямоугольные головы, теперь высунули тонкие ноги. Кое-где и вовсе

появились большие проталины, открывающие влажный грунт и ковер из потемневшей под снегом хвои.

На прощание мама протянула Киару руку:

– Господин магистр, благодарю за гостеприимство. Берегите мою дочь.

И с такой глубокой душевностью она произнесла просьбу, что мне сделалось не по себе.

– Без сомнений, мадам, – не повел и бровью господин магистр, отвечая крепким рукопожатием.

– Напишу тебе, когда окажусь дома. – Матушка ласково обняла меня, поправила выбившуюся из прически непослушную прядь, а потом шепнула: – Прислать приворотное зелье?

– Как тебе в голову пришло? – Я испуганно округлила глаза, состроив вид, будто самой эта не особенно светлая мысль ни разу на ум не приходила.

А когда она приходила, то следом вспоминалось, как наша соседка по улице попыталась таким нехитрым способом остановить гулящего мужа. Приворожить его удалось всего на пару дней, но только к дому. Вернее, к той его комнате, куда заглядывают время от времени и исключительно по естественным нуждам.

После того как приворот перестал действовать, по двору летали женские вещи. В общем, расходились супруги с огоньком и громогласным дележом оловянных вилок. Весь Ист-Орс слышал.

Мама забралась в просторный салон с сиденьем, больше всего напоминающим удобный диван. Киар закрыл дверцу, подал знак извозчику. С рывком тронувшись с места, экипаж плавно покатился по мощеной улице.

– Спасибо, – провожая колесный тяжеловес взглядом, произнесла я. – Эти два дня действительно были хорошие.

– Твоя мать – на редкость деликатная гостя, – намекнул он, что не испытывал стеснения.

– Деликатная гостя предлагала тебя приворожить. – Я искоса глянула на Киара.

– И ты была бы согласна? – в его голосе прозвучало искренне любопытство.

– Конечно. Но остановили побочные эффекты. Врагу таких не пожелаешь, – полушутя хмыкнула я и, пожившись, поправила на

плечах шаль. – Холодно, пойдем в дом.

На следующий день мы собирались в родовой замок Рэнсводов, и пока оставалось немного времени, я снова отправилась в квартал Восточных ворот. В ту самую лавку украшений, где продавались браслеты.

С покупателями сегодня в мастерской было негусто. Некоторое время, склонившись над ящичком, я пыталась найти шнурок, который смотрела в прошлый раз. Наконец его удалось выудить с самого дна – он словно специально дожидался именно меня, чтобы превратиться в необязывающий подарок для высшего мага. С довольной улыбкой я выпрямилась и вздрогнула, обнаружив застывшего в паре шагов Эйвана Сэта.

Он был одет в черное и смотрел немигающим пристальным взглядом, словно пытался просверлить дыру. Украдкой я оглядела пустой торговый зал. Две девочки-лицеистки, хихикающие у витрины с нательными украшениями, уже ушли. Мастер, как и в прошлый раз, прятался за прилавком.

– Добрый день, магистр, – сухо поздоровалась я.

Неожиданно он выбросил вперед руку и безошибочно впился пальцами в меченое плечо. Сквозь слои плотной ткани выстрелил магический разряд.

– Вы в своем уме? – Совершенно обалдев, я сбросила его руку.

– Он был прав, – удовлетворенно кивнул магистр, – первородный огонь уже пробудился.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, – с ледяной интонацией соврала я. – А если вы попробуете еще раз ко мне прикоснуться, то я буду кричать!

– Кричи, – спокойно согласился он. – Кто тебе здесь поможет?

Покупателей в мастерской действительно не осталось.

– Когда Рэнсвод вынес тебя на руках, стало очевидным, что вы связаны, – как будто невпопад вымолвил Эйван.

– Вы за этим здесь? Хотите проверить сплетни? – Я изогнула брови и нахально подтвердила гуляющие слухи: – Мы любовники. И это не преступление. Киар подал в отставку, я больше не его студентка. За сим позвольте откланяться.

Бросив на него презрительный взгляд, или мне нравилось думать, что презрительный, я поспешно двинулась к прилавку. С гулко

бьющимся сердцем отдала мастеру монеты и, напрочь забыв про гравировку, вышла на улицу.

Казалось, на залитой солнцем людной площади со мной точно не случится ничего плохого. Запихивая мешочек со шнурком в кошелек, временно заменяющий мне оставленную в академии сумку, торопливой походкой я направилась к карете Рэнсвода. В спину словно подталкивали. Быстрее и быстрее! Но дойти до экипажа не удалось. Эйван меня нагнал и крепко сжал локоть.

– Да что вам нужно? – пытаюсь вырвать руку из цепкой хватки, рыкнула я.

– Ты, – спокойно произнес он. – В эти дни Рэнсвод глаз с тебя не спускает. Другого шанса уже не будет.

– На что? – охнула я.

– Забрать наконец то, что тебе не принадлежит.

Неожиданно он прижал ледяную влажную ладонь к моему лбу. Перед глазами сначала взорвалась вспышка света, а потом наступила темнота.

Я приходила в себя туго. Сначала голову прострелило резкой болью, а следом взбунтовался желудок, и завтрак моментально подступил к горлу. Именно это тривиальное ощущение вернуло меня в сознание. С трудом сдерживая тошноту, я согнулась, уперлась ладонями в колени и начала дышать через нос.

– Быстро тебя отпустило, – раздался насмешливый голос Сэта. – Обычно магии подчинения хватает на сутки.

– Вы же в курсе, что она запрещена? – пробормотала я.

– В нашем мире вообще запрещены многие удобные вещи, – отозвался он.

Выпрямившись, я огляделась. Мы стояли посреди темного зала. Дневному свету было неоткуда просочиться и разбавить темноту, а зажженный магистром бледный шар не справлялся с наступающими тенями.

– Где мы? – выдохнула я.

– На территории академии.

Выходит, Сэт ослепил меня магией подчинения, и я добрела сюда сама, собственными ноженьками. Удивительно удобный способ похищения. Жертва, как ягненок на закляние, идет в ту сторону, куда укажут, и поди еще источает приторную вежливость, отчего прохожие

не понимают, что на их глазах происходит преступление. Полагаю, со мной так и случилось.

– Думаешь, почему здесь раньше был королевский дворец? – проговорил магистр. – Монархи всегда селятся на местах силы. В этом зале ее сосредоточие. Не чувствуешь, как под ногами вибрирует магия?

Нет уж, увольте! Я только перестала чувствовать тошноту, мне еще чужеродной магии не хватает. От своей не знаю, как избавиться.

Невольно я огляделась вокруг. В голову пришла мысль, что мы находились в склепе под одним из исторических корпусов академического комплекса. Нам о них даже рассказывали на экскурсии перед поступлением. Скорее всего, под каменными плитами не было никакой магии, только спящие вечным сном мертвецы. Сэт просто идиот, если думает, будто здесь место силы! Однако даже из склепа есть выход.

– Здесь лестница, – словно прочитал мои мысли магистр. – Но добежать до нее ты не успеешь.

Сэт кружил размеренной поступью, сцепив руки за спиной. Глядя на то, как он спокоен, я вдруг осознала, что живой меня на поверхность подземелья не выпустят. Сразу оставят в компании истлевших трупов.

Или, возможно, попытаются стереть память. Тогда смерть все же будет гуманнее. Слышала, что люди редко остаются в трезвом рассудке после ментальных заклятий. Запрещенных, к слову, не только в Шай-Эре, но и во всем цивилизованном мире.

– Откровенно сказать, София, ты меня восхищаешь, – заговорил Сэт. – Мы ломали голову, пытаюсь вычислить, к кому в ту ночь перешел первородный огонь, но ты ни разу себя не выдала. Так тщательно прятала дар. Железная выдержка! Сильная магия – всегда большой соблазн. Только один раз я что-то почувствовал на том балу, но ты и там сдерживалась, да?

Я-то, наивная, верила, что на первородный огонь может подействовать ведическая магия шаманов! Какая преступная глупость! Но совершенно точно посыпать голову пеплом было не время. Подумаю об этом завтра, если... когда выберусь.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Наконец мне удалось различить очертания каменной лестницы, карабкающейся по стене и

спрятанной в глубоких тенях. Наверху черным провалом зиял проход. По крайней мере, он точно должен быть. Не ведут же ступени в стену, в самом деле.

– Зачем тебе первородный огонь? – отрывисто бросила я.

– Мне он без надобности. Никогда не страдал магическим голоданием, – развел руками Сэт. – Но мне заплатили хорошие деньги, чтобы я превратил слабого мага в сильного. Мы его как раз дожидаемся.

Видимо, особенно хорош этот парень был тем, что являлся платежеспособным. Ничего личного.

Впервые в жизни я остро жалела, что никогда не занималась турнирной магией. Нет, принимать бой никто не собирался. Главное, сбежать и попросить о помощи!

Призванный дар отозвался со скрипом, но тут же загудел на кончиках пальцев, окончательно просыпаясь. Сквозь сжатый кулак засочились тонкие струйки дыма.

– И что ты сделаешь? – усмехнулся Эйван Змей, заметив магию. – Почистишь полы, госпожа бытовик?

Если подумать, мы не только чинить умеем, но и разрушаем предметы с большим огоньком. С первородным!

– Может, маг я бытовой, – процедила я, осторожно пятясь по направлению к лестнице. – Но дар-то у меня древний.

Я резко присела на корточки и прижала ладонь к ледяным плитам. Зал всколыхнулся, по стенам и полу прошла дрожь. С потолочного свода ссыпались струи пыли и песка. И все затихло.

– И что? – ухмыльнулся Сэт.

Секундой позже под его ногами с грохотом провалились плиты. Потеряв равновесие, магистр ухнул вниз, а я рванула к лестнице, подхватив в кулак юбку.

Стремительное разрушение охватило пол. С кряхтением и треском камень дыбился, разваливался на куски, разломы следовали за мной по пятам. Один раз нога почти соскользнула в провал.

Задышавшись, я вскочила на лестницу и бросилась наверх. Ступени оказались высокими, мышцы горели. В висках стучала кровь, и я не сразу разобрала, что внизу наступила гробовая тишина. Споро же высший маг справился с заклятием! Бросила вниз быстрый взгляд. Сэт пытался освободиться из дыры и уже призывал магию...

На последнем дыхании я влетела в проход и со всего маха врезалась в высокого мужчину. От неожиданности он пошатнулся, схватил меня за плечи. От паники не сразу удалось разобраться, кто он.

– Финист, что ты здесь... Так он ждал тебя!

– Я ее поймал! – крикнул он подельнику.

– Ошибаешься, – пробормотала я и впечатала в его грудь раскаленные ладони.

Никогда специально никого не жгла банальным бытовым заклятием, но тут неожиданное умение выгладить любую складку на одежде отлично пригодились. В нос ударил запах паленой ткани. Финист взвыл и рефлекторно оттолкнул меня в сторону.

Второго приглашения, чтобы сбежать, ждать не стоило. Я отпихнула парня с дороги и бросилась в темноту. Естественно, тут же вмазалась в стену, зато поменяла направление. В общем-то, не очень уверенная, что направление выбрано правильное.

Лишь бы не пробежать по кругу и не вернуться в подземный склеп!

– Далеко все равно не убежишь! – рявкнули за спиной.

Коридор петлял. Я повернула и влетела в тупик. Проклятый Финист Берт накаркал!

– Где ты? – позвал он вкрадчивым голосом.

В проходе мелькнул яркий магический свет. Надо двигаться! Прятаться – последнее дело! Но в панике тело не всегда слушается разума. Я метнулась к нише в стене, вжалась спиной в шершавую кладку и перестала дышать. По крайней мере, перестала дышать шумно, разве что через раз.

– Ты же знаешь, что прятаться – последнее дело, – один в один повторил мою мысль Финист. Его голос разносился в гулкой тишине.

Я оцепенела. Пройдет или повернет?

– В Норсенте магию называют стихией. А знаешь, что считают самым ужасным, Грандэ? – проговорил он. – Родиться практически без связи со стихией. Помнишь, ты сказала, что отказалась от стипендии? Аж корежит от злости! Я знаю, какой талант должен быть, чтобы предложили стипендию. На королевской службе нужны только сильные. – Его голос приближался, становился громче и четче. – А пару месяцев назад уважаемый магистр Сэт рассказал моему отцу дивную историю о потомке избранного Рэннона. Если его дар окажется

у меня, то я буду жить долго и счастливо. Самым сильным магом на все королевства Крушвейской гряды.

Он появился в проходе и безошибочно развернулся в сторону ниши. Мы встретились лицом к лицу, жертва и ловец. Как в игре северного Норсента «прятки в темноте».

– В день пересдачи я решил, что мы одинаковые. Подумал, что ты тоже взяла энергетик, но ты другая. Унылая и самая обычная. Но как тщательно прятала древний дар!

– Ты не справишься с первородным огнем, – выдохнула я. – Ты суток не протянешь без помощи Рэнсвода. Ведь из нас всех именно он потомок избранного.

– Я всю сознательную жизнь глотаю алхимию и уже научился справляться с неуправляемой силой. Разве я не заслужил стать избранным?

– Такое право дается только от рождения.

– Спокойной ночи, унылая Грандэ...

И этот мерзавец попытался ударить кулаком!

Я рефлекторно съежилась в нише, как в саркофаге, но сжатые костяшки так и не достигли моего лица. Финиста отбросило к стене мощным ударом. Выглядело дико. Словно из мрака выступила тень и вмазала охнувшему парню в нос.

В поле зрения появился Киар. Понятия не имею, как он умудрился меня отыскать, если я сама не догадывалась, в каком именно подземелье была закрыта. В свете бледнеющего магического шара его лицо выглядело окаменелым. Темные, почти черные глаза – безумными. Он шагнул к Берту, судорожно обтирающему кровь рукавом, схватил за шкурку и, как щенка, с силой швырнул в проход. Раздался грохот, следом скулеж.

– Выходи, София.

Рэнсвод дернул меня за руку, вытаскивая из убежища... и замер. В проход шагнул Эйван, сумевший-таки освободиться из каменного плена. Брюки у него были разорваны, одежда покрылась пылью, да и вообще обычно лощеный магистр, предпочитавший черный колер, выглядел потрепанным.

– Какого демона ты валяешься? – рявкнул он Финисту.

– Он мне нос сломал! – огрызнулся тот и, скользнув по полу ботинками, кое-как поднялся.

– Сейчас мы немножко подеремся, дождемся стражу и пойдем домой, – тихо обратился ко мне Киар.

– Как ты справишься без своего дара, Рэнсвод? Ты пуст! – бросил Эйван и добавил насмешливо: – Коллега.

– Если будем драться здесь, то окажемся заживо погребенными, – вполне миролюбиво предположил Киар. – Просто разойдемся. Я буду щедрым и даже сделаю вид, что ты, Эйван, ни при чем. Просто свали похищение на парня.

– Без первородного огня мы отсюда не уйдем, – отказался Сэт от мирных переговоров.

– Милая, поделишься со мной магией? – тихо спросил Киар.

– Рви платье! – решительно приказала я, полагая, что ему надо прикоснуться к метке.

Танцующим движением он обнял меня сзади, тесно прижавшись грудью к спине, и переплел наши пальцы. Я даже слегка обалдела. Разве девушек обычно не прячут за спину, чтобы прикрыть собой от разящих ударов? Видимо, высшая магия жила по другим законам.

– Призови магию, – приказал Киар.

Первородный огонь, ошалевший оттого, что девица гуляет и швыряется заклятиями направо да налево, радостно вырвался на волю. И голубоватое пламя, как тогда в кабинете, охватило наши с Киаром сомкнутые руки.

Магический поединок начался резко. Я не успела толком испугаться. Поднимая с пола пыль и мусор, к нам метнулась воздушная волна. Возможно, это было заклятие остолбенения или что-то еще паршивое, на пару часов выбивающее из реального мира.

Достигнуть нас она не успела: влетела в невидимую, непрошибаемую стену, и в темноте взорвался поток слепящего белого света. Холодного, злого, древнего. Магия времен, когда едва зарождался первородный язык. Я зажмурилась, спасая глаза от невыносимой яркости. В ушах тоненько звенело, внутри образовалась пустота.

Огонь погас. Воздух гудел от разлитой в воздухе силы. Казалось, будто от любого движения во мраке засверкают искры. А подземелье между тем накрыла зловещая тишина, только откуда-то доносились приглушенные стоны.

– Таким слияние тоже бывает, – проговорил над ухом Киар, выпуская мои руки. – Создай световой шар.

Никогда не думала, как хорошо умею выполнять приказы, сказанные мягким голосом. От поддрагивающих грязных пальцев поднялась тусклая светящаяся сфера. Хотелось бы ярче, но чем, как говорится, богаты.

Финист лежал у стены, закрывая лицо ладонями. В глубоком обмороке, раскинув руки, валялся Эйван Змей. Он принял удар, но справиться с первородным огнем не смог бы ни один, даже очень умелый маг.

– Выходим отсюда, – скомандовал Рэнсвод. – Они здесь не меньше часа проваляются.

– Уже проверял?

– Бывало.

Я неловко переступила через ноги Финиста. Парень пошевелился и застонал. Даже подпрыгнула, боясь, что он схватится за юбку. Вот не надоумил же сегодня божественный слепец надеть брюки!

– Что ты с ними сделал? – пропыхтела я, стараясь успевать за поспешной поступью Киара.

– Подавил силой. Знаешь правило трех «эн» в боевой магии? – спросил он. – Никогда ничего не взрывать в замкнутом пространстве.

Впереди замаячил свет. Открытая нараспашку дверь с заклепками скособочилась на одной ржавой петле.

– Ты ее выбил?

– Пришлось, – коротко ответил Киар.

Выбравшись из катакомб, мы оказались в зале с обшарпанными стенами и выцветшими фресками. В окна натужно проникал, цедясь крохами, дневной свет. А я-то, пока петляла по темным тоннелям, решила, что Эйван приврал, говоря об академии.

Старый храм божественного слепца стоял за академической стеной. Жался к ней одним боком. Острую макушку было хорошо видно из оранжереи, которую мы по праву считали краем студенческого мира.

Киар взял меня за подбородок, посмотрел в лицо и с досадой цыкнул:

– У тебя расцарапана щека. Кто из них?

– Вообще-то, стена. – При воспоминании о бесславном ударе о стену вырвался идиотский смешок. – Кажется, у меня сейчас начнется истерика.

Со вздохом он обвил меня руками и стиснул в крепких объятиях. Не очень приятно, учитывая, что прижал к шершавому джемперу той самой, пораненной, щекой.

– Я искал тебя больше часа.

Удивительные вещи творит желание выжить! В подземелье время словно текло иначе.

– Но я задала им жару. Скажи, что я умница?

Со вздохом он отстранился, мягко обнял лицо ладонями и посмотрел в глаза:

– Ты умница.

И ласково поцеловал меня в лоб.

– Киар, ты что, поцеловал меня в лоб? – сдержанно уточнила я. – Как покойницу? Я вообще-то поживее Эйвана Сэта буду.

Кажется, он все еще улыбался, когда его губы нежно, но уверенно накрыли мои. И пусть поцелуй получился целомудренный, я собиралась сохранить его в памяти на долгие, долгие годы.

Неожиданно зал вокруг нас пришел в движение. В двери святилища ворвались стражи, но самым первым летел Дрю.

– Господин Рэнсвод, стражи уже на месте! – вскричал он.

– А чего не завтра? – мрачно пошутил Киар и указал подбородком на сорванную дверь: – Похитители в подземелье.

– Давайте, господа, быстрее! – командовал Дрю, наводя суету. – Они там, в подземелье!

Как выводили или, может быть, выносили оглушенных охотников за первородным огнем, я уже не видела. Киар, вдруг ставший очень мрачным, решил отправить меня домой и вывел из храма. Глядя на узкую подворотню, ведущую к ветхим дверям, догадаться, что под зданием пряталось место магической силы, фактически алтарь для ритуалов, было невозможно. Видимо, поэтому храм до сих пор не трогали.

– Ты так и не рассказал, как нашел меня, – напомнила я, когда мы направлялись к карете. – Я сама не понимала, куда попала.

– Кучер сказал, что какой-то рыжий тип вынырнул из толпы и куда-то тебя повел, а ты послушно ушла. Кроме Сэта, других рыжих

возле тебя не крутилось... – Киар скрипнул зубами, проглатывая бранное ругательство. – Несложно было догадаться, что вряд ли он утащил тебя на лекцию по высшей магии. В новый дворец он бы не сунулся, только в старый. Пришлось трясти вашего ректора.

– Он сейчас пьет пустырник?

– Разбавленный бренди, – мрачно добавил Рэнсвод. – Напомни на выходных отправить ему пару ящиков. Мягко говоря, я был не очень любезен, когда ворвался в его кабинет.

– На выходных? – повторила я, смакуя замечательную мысль, что в пятницу-то ничего не кончится. – Обязательно напомню!

Стоило Рэнсводу подвести меня к экипажу, как перепуганный кучер соскочил на мостовую и принялся каяться, теребя в руках шляпу. Никакие уверения и увещевания его не успокаивали. Ей-богу, чуть на колени не встал! Еле уговорила не впадать в крайность.

Наконец я уселась в салон и, нагнувшись, шепнула Киару:

– Дядюшке тоже что-нибудь подари. Ты смотри, как он переживает.

– Ты всегда такая щедрая за чужой счет? – усмехнулся он.

– Умницам можно!

– До вечера, – с улыбкой попрощался Киар. – Отдохни и ни о чем не думай.

– Если что, я знаю, в каком графине налит бренди, – пошутила я.

Когда карета проезжала мимо ворот академии и за окном замелькали знакомые здания, меня нагнала запоздалая истерика. Пару раз я шмыгнула носом и расплакалась. Ненадолго, правда. У меня вообще плохо получалось страдать часами напролет – просыпалась здоровая ирония.

– Что за девушка? – буркнула я, обиженно уставившись в окно. – Даже поплакать власть не получается.

К встрече с Киаром я готовилась тщательно, словно к сражению. Сначала сервировала стол к романтическому ужину в столовой: расстелила скатерть, расставила тарелки, бокалы и начищенные до блеска серебряные приборы. Ведь всем известно, что сытый мужчина – сговорчивый мужчина.

Потом приготовила себе ароматную ванну, в порыве вдохновения выплеснув в воду половину флакона мыльного раствора. В итоге пена

полезла через край, и ванна скорее получилась пенная, чем расслабляющая. Зато от тела обалденно пахло цветами.

Некоторое время я разглядывала себя в зеркало. Пораненная щека портила весь вид. Кто, спрашивается, решается на отчаянный шаг с расцарапанной физиономией? Даже выпрямленные блестящие волосы ситуацию не спасали. Честное слово, меня хотелось не поцеловать, а жалостливо погладить по голове и дать мятную конфетку.

Но, как говорила мама, в женщине главное не внешность, а соблазнительное белье! Она как раз случайно (на самом деле специально) оставила на плечиках в пустой гардеробной шелковый пеньюар с кружевом. Сорочку к нему, правда, почему-то в моей гардеробной не забыла.

По всем канонам любовных романов я надела вещицу на обнаженное тело и стала самой себе напоминать полуголую мадам приму королевского театра. Оставалось разве что расставить в холле свечи. Неожиданно я поймала себя на том, что обдумываю привлекательность идеи.

Кошмар! Голые тела доводили меня до свечного грехопадения!

Под пеньюар было немедленно надето белье. Пусть вид вообще не по канону, но наличие исподнего как-то мигом придало уверенности. По-моему, кошка, метавшаяся за мной следом по комнате, пребывала в культурном шоке.

– Все-таки стоит зажечь свечи, – решительно кивнула самой себе в зеркале. – Лишними не будут. Да, Дуся?

Однако в чулане меня ждало жуткое разочарование. Свечи, конечно, нашлись, но они были самые прозаичные, длинные, тонкие, без всякого намека на романтику. С задумчивым видом я посмотрела на эти самые банальные свечи. С другой стороны, если поставить в канделябр...

В общем, благоуханная, одетая в шелковый пеньюар и с трехрогим канделябром в руках я вышла в гостиную. Киар стоял возле столика с алкоголем и вытаскивал из графина стеклянную пробку.

– Ты что, решил напиться? – возмущенно воскликнула я.

Честное слово, ни графин, ни бренди, ни хмельной мужчина в сегодняшние планы никак не входили. Только ужин при свечах, свежие простыни и мужчина в полных силах.

Киар бросил взгляд над плечом и даже открыл рот. Думала, что поразился соблазнительному виду, но он спросил:

– Зачем тебе канделябр?

Очень хороший вопрос.

– Решила на ночь потренироваться в заклетах высшей магии, – зачем-то соврала я и поспешно поставила дурацкий канделябр возле аквариума. – Что с твоим настроением? Устал?

– Пытаюсь принять тот факт, что я полный кретин.

– Ах, так у тебя тут процесс переосмысления жизни... – протянула я и заработала еще один мрачный взгляд. – Просто я впервые вижу потомка избранного, страдающего от собственного несовершенства.

– София, – хмыкнул он, повернувшись ко мне всем корпусом. – Ты что же, язвись, или мне кажется?

Шутя, я сделала вид, будто закрываю рот на невидимый ключ, но не выдержала и спросила:

– Будешь голодный посыпать голову пеплом или сначала поужинаешь? Поверь мне, линчевать себя на сытый желудок задорнее.

– С чего же? – Его губы невольно дрогнули от улыбки.

– Если очень повезет, можно заработать несварение. Страдать – так уж полностью: и телом, и духом.

Но поддерживать шутливый тон Киар оказался не в настроении.

– А я ведь искал, кто провел ритуал, – вдруг высказался он. – И все сходилось к проклятому привороту.

– Я тоже не догадалась, хотя была рядом с этими людьми. Они пойманы, счастливый финал. Мы все ошибаемся, – пожала я плечами.

– Не я.

– Что ж, поздравляю, магистр Рэнсвод, сегодня вы выяснили, что потомки избранных тоже живые люди.

Ну все. Пеньюар не помог. Проклятый канделябр отвлек внимание! Значит, пора придумывать новый план.

– Будешь дальше страдать или поможешь? Плечо болит, – не моргнув глазом соврала я.

Киар протянул руку, подзывая меня поближе.

Ни капли не смущаясь, что ложь немедленно раскроют, я подошла. Повернулась к нему спиной и спустила с плеч шелковый покров. Никакой метки на нем, естественно, не было. Я выплеснула

древний огонь в катакомбах под храмом и чувствовала себя превосходно. Как раз для того, что собиралась проверить.

Некоторое время Рэнсвод молчал. Надеюсь, не пытался высчитать, сколько ему было лет, когда я осваивала первые заклятия. Но он вступил в игру.

– Здесь болит? – вымолвил хрипловатым голосом и кончиком пальца прочертил линию у меня между лопаток. Сердце пропустило удар.

– Угу.

– И здесь? – Киар обрисовал контур плеча.

– Очень сильно.

Секундой позже теплые губы прижались к горячей коже. Я вздрогнула всем телом.

– Лучше? – прошептал он.

– Гораздо...

Его рука скользнула по моей талии, забралась под пеньюар и легла на горячую кожу.

– София, ты уверена? – прошептал он.

– Абсолютно, – выдохнула я. – Но у меня все это впервые, поэтому, Киар, давай в этот раз соблазнять будешь ты.

Ловкие мужские пальцы развязали пояс. Шелк сам собой томно соскользнул по телу и лег возле ног. Горячие мужские губы рисовали дорожки сладких поцелуев на моей шее, зубы невесомо прикусывали чувствительную мочку.

Ожидание было невыносимо. Следовало позволить Киару благочестиво, как невесту после храма, подхватить меня на руки и поднять в покои, но я развернулась и впилась в его губы поцелуем. Наверное, он не ожидал подобной прыти от девственницы, знающей о физической любви только из книжных романов, но мгновенно отбросил тягучую томность. Его язык ворвался в мой рот, руки смело обласкали грудь.

Никакой скромности и зажатости. Бережливой деликатности в нем тоже не осталось. Лишь откровенная страсть. Бог мой, он умел быть горячим!

И я срывала с Киара одежду, не щадя ни пуговиц, ни ткани. Разбрасывала вещи куда придется. Верхняя часть моего исподнего

потерялась еще на первом этаже. Ближе к лестнице я лишилась и нижней половины. Осталась беззастенчиво обнаженной.

Киар подхватил меня под ягодицы, заставив обвить его пояс ногами, и прижал голой спиной к стене. Я цеплялась за его плечи дрожащими от возбуждения пальцами, стонала в губы. Ткань брюк терла нежную кожу. Удовольствие от этого грубого, чувственного касания было странным, но совершенно крышесносным.

Ни на секунду не прекращая целоваться, мы едва не снесли дверь в покои. Резким движением руки Киар смел с комода вещицы. Упала пепельница, рассыпались по полу запонки, свалились книги. Прикосновение холодной столешницы к горячим ягодицам заставило меня охнуть. Жадные губы мужчины ласкали мою обнаженную грудь. Я выгибалась, подавалась вперед. Тянула его за волосы, умоляя дать передышку, а потом снова привлекала к себе.

До кровати нас довела исключительно мысль, что первый раз у девушки все-таки должен случиться не у стены и не на комоде. Туфли Киара валялись, кажется, в коридоре. Брюки вместе с носками полетели в сторону. Его исподнее я торопливо сорвала сама, а потом упала спиной на постель.

В сокровенный момент ему, наверное, следовало что-нибудь сказать, дескать, не бойся, сначала будет не очень. Все говорят, что не очень. Однако мы были заняты поцелуями – не до лишних обсуждений. И первый толчок, возможно, принес бы боль, но нас окутало дурманное магическое слияние. То самое, особенное, что может произойти лишь между мужчиной и женщиной.

Когда все закончилось, возбуждение постепенно угасало, а в теле разливалась незнакомая приятная нега, мы лежали, тесно прижавшись и переплетя ноги. Нас окутывала тишина и темнота. На меня волнами накатывал сон.

– София, – прошептал Киар, ласково поглаживая меня по волосам, – я одного понять не могу...

– Сколько тебе будет, когда мне исполнится сорок? – промычала я ему в подмышку. – Ты чуточку меня старше. Смирись.

– Почему ты надела пеньюар, я догадался сразу. Но зачем ты взяла канделябр?

– Да по голове тебя огреть, если не захочешь соблазняться! – рыкнула я.

– Недальновидно бить мужчину, когда он далеко от кровати, – фыркнул Киар, больше не сдерживая смех. – Не дотащишь.

– Спасибо за очередную мудрость, господин магистр. В вашей гостиной стоит прекрасный диван. До него я точно тебя доволокла бы!

Просыпаться в объятиях мужчины, который только-только снился, – ни с чем не сравнимое удовольствие. Словно томная греза плавно перетекла в реальность. Ощущая незнакомую сытую негу в теле, я прислушивалась к ровному дыханию Киара и ощущала, как под ладонью спокойно бьется его сердце.

Сумасшедшая ночь стерла дурные воспоминания о тяжелых событиях вчерашнего дня. В памяти всплывали другие образы, и они будоражили. Хмельные от возбуждения глаза моего первого мужчины, его горячие умелые руки, требовательные губы, умеющие целовать так, что, казалось, душа покидала тело, разбросанная по дому одежда...

Внезапно в сонные мысли ворвалась проза жизни. Представилось, с каким лицом тетушка-домоправительница обнаружит в холле беспорядочно раскиданные вещи, и я резко села, прижав к обнаженной груди простынь.

– Что случилось? – Растрепанный Киар приподнялся на локте. – Почему ты вскочила?

– Сколько сейчас времени? – пробормотала я, пытаюсь взглядом нашарить часы.

– Половина десятого, – пробормотал он.

Нас всех учили ориентироваться на внутренние часы, некоторые могли назвать время вплоть до минуты, но у меня эти самые часы начинали тикать лишь в тот момент, когда я куда-то опаздывала.

– Киар, мы все проспали! – скорбным голосом заявила я, понимая, что исподнее не только обнаружено, но и скорее аккуратно убрано.

С утра мой магистр выглядел ужасно привлекательным. Ему необычно шли и сонная расслабленность, и пробившаяся к утру темная щетина на щеках, и взгляд, еще не приобретший осмысленность. Обычно мы встречались, когда он уже был собой: сосредоточенным, наполненным бурлящей энергией и невыносимо язвительным деспотом.

– Ты же не имеешь в виду пробежку? – Рэнсвод честно попытался уловить мысль и даже потер левый глаз ладонью, видимо, надеясь

отогнать сон. – Потому что в замок мы поедем после обеда.

– Да я про одежду! – воскликнула я. – Мы вчера забыли собрать исподнее! Твоя домоправительница его нашла.

– Полагаешь, она никогда не видела женского белья? – с иронией хмыкнул он.

– На полу в твоём холле? – немедленно подобралась я.

– Туше!

Рэнсвод упал лицом в подушку, кажется, пытаюсь скрыть широкую улыбку.

– Ты там смеешься, что ли, пока я умираю от стыда? – Я сердито толкнула его в плечо. – Совсем сочувствия нет? Уверена, она догадалась, чем мы занимались!

– И сделает вид, что ничего не заметила, – хмыкнул он. – Любопытство не входит в её обязанности.

– От этого ещё позорнее.

Секундой позже Киар ловко перекатился, и я оказалась прижатой спиной к матрасу. От ощущения тяжести мужского обнаженного тела кружилась голова. Он нависал, волосы спадали на лицо. На руках выделялись мышцы, резко обозначились ключицы. Хотелось провести кончиком пальца по каждой рельефной линии на его теле. Я быстро облизала пересохшие губы, чувствуя, как внизу живота разливается жар, и затаила дыхание.

– Дыши, София, – прошептал он и накрыл мой приоткрытый рот глубоким поцелуем.

Мне хотелось всего, что предлагал новый неизведанный мир чувственных удовольствий, однако Рэнсвод оказался не только умелым, но и предусмотрительным партнером. «Всего» не случилось. Зато были долгие ласки: томные, вкрадчивые, жаркие – разные, и купание вдвоем, едва не стоившее ванной комнате потолка. Где-то в середине этого утра я вдруг осознала, насколько суровы книжные любовные романы к своим героиням. Какая романтика? Бедняжкам точно не везло с главными в их жизни мужчинами!

Далеко после полудня, с полотенцем на голове и завернутая в мужскую рубашку, на цыпочках я пробралась в свои покои. По всему выходило, что тетушка-домоправительница должна была уже закончить дела, накормить кошку раза три (зная Дусины аппетиты) и спокойно уйти. Но вдруг она задержалась? На всякий случай мимо

лестницы я проскочила в темпе шай-эрского вальса, боясь посмотреть в холл.

Собрать вещи в поездку много времени не заняло – дольше сушила и расчесывала волосы. Одевшись в удобное платье, я проверила пальто и вытащила купленный Рэнсводу браслет. Шнурок сильно помялся, но под действием тепла от ладони начал медленно распрямляться. Боясь случайно забыть его в особняке, я сунула сувенир в карман и отправилась на кухню, чтобы попытаться превратить вчерашний ужин в поздний завтрак.

В идеально убранном холле, где ничто не напоминало о ночной вечеринке для взрослых, на рогатой вешалке висели чужое пальто и шляпа. Я тихонечко заглянула в гостиную.

На любимом диванчике Дуси, поджав коленки и возложив голову на подлокотник, дрых помощник Дрю. Туфли, аккуратно повернутые носами по направлению к двери, стояли на полу одна к другой. На ногах пестрели полосатые носки. Неожиданно он всхрапнул, дернулся и, пытаясь одновременно попасть ногами в туфли, сел.

– Господин Дрю? – удалось мне вернуть дар речи.

– Мать моя женщина! – испуганно пробормотал он и, замельтешив руками, водрузил перекошенные очки обратно на нос. – София! Какая неожиданность: вы здесь!

– Вы тоже совершенно неожиданно здесь, – отозвалась я, наблюдая, как Дрю суетливо натягивает ботинки, собирая гармошкой полосатые носки и подставляя под пятку указательный палец вместо обувной «ложки».

– А я-то переживал, что после вчерашнего ужаса вам придется остаться одной! Чудесно, что господин Рэнсвод привез вас к себе! Скажите? – с нажимом спросил он, вдруг прервав обувание.

– Да, я благодарна господину Рэнсводу, – согласилась я, позволяя человеку поверить в придуманную чушь. – Как вы сюда попали?

– Служанка открыла. Она уже ушла.

– Давно?

– Давненько.

– В смысле, вы здесь давно сидите? – резковато уточнила я.

– Ой, часа три уже будет. Я ждал и ждал, а магистр все не спускался. Если что, кабинет я проверил, – объявил Дрю и добавил

заговорщицким тоном, словно рассказывал страшный секрет: – Его там нет! Как думаете, уместно в покои постучаться?

– Вряд ли, – покачала я головой, не зная, что сделать с этим свалившимся на голову визитером.

– Какого демона, Дрю, ты здесь делаешь? – раздался за моей спиной крайне раздраженный голос Киара.

Именно такими грозными интонациями, приправленными тяжелыми, пронизывающими взглядами, он ввергал в ужас студентов. Судя по тому, как Дрю слетел с дивана, словно под седоком распрямились пружины и подкинули его к потолку, «хорошего отношения» верному помощнику досталось ничуть не меньше. Ей-богу, он святой человек, если до сих пор горел желанием служить под руководством Рэнсвода-тирана.

– Добрый день, магистр! – выпалил он. – Вы велели доложить, как только придут новости о судьбе похитителей госпожи Грандэ. Вот! Новости пришли, и я здесь. Все, как вы просили. Мне докладывать?

Рэнсвод махнул рукой, соглашаясь.

– Оба похитителя в одиночных камерах. За Финиста Берта пытались заплатить, но ему отказали в залоге. Подозреваю, что его вообще отправят в пансион для душевнобольных. Говорят, на допросах он несет совершеннейшую бессмыслицу! На вопрос, зачем они вас украли, Финист сказал, что планировал забрать у госпожи Грандэ первородный огонь. Представляете, София? Он уверен, что вы владеете божественным даром из легенды о Рэноне! – Дрю захохотал, сотрясаясь всем телом. – В жизни ничего смешнее не слышал! Совершенно безумный парень!

Мы с Киаром мрачно переглянулись. Помощник обнаружил, что больше никто в комнате не смеется, резко замолк и кашлянул.

– Вы правы. София столкнулась с настоящими фанатиками, а это очень страшно. Никаких поводов для веселья, – резюмировал он. – К слову, дознаватель просил напомнить, что Софии надо заглянуть в участок, чтобы подтвердить личность похитителей.

– Это все? – резковато спросил Рэнсвод.

– Да, – растерялся Дрю.

– Ясно.

В гостиной наступила звенящая тишина. Этим своим «ясно» Киар практически выставил помощника за порог, но тот, похоже, не умел

слышать тонкие намеки в сложных интонациях.

– Позавтракайте с нами, господин Дрю, – смиренно предложила я.

– Я уже завтракал, – быстро проговорил он.

– В таком случае, всего доброго. – Рэнсвод весьма бесцеремонно попытался выставить бывшего подчиненного из особняка. – Нам с Софией скоро уезжать, поэтому...

– Но я еще не обедал! – перебил помощник. – А потом я сам сопровождаю госпожу Грандэ в участок. Не будем отвлекать вас разными разъездами.

– Дрю, не постесняюсь спросить... – Киар почесал бровь, стараясь тем самым скрыть раздражение. – Откуда такое рвение исполнять то, чего от тебя не требуют?

– Так это я авансом! – просиял тот, хотя от тона Рэнсвода я сама хотела сдернуть с вешалки пальто со шляпой помощника и дать стрекача на улицу. – София сказала, что подает в отставку, а вы меня возьмете на службу. Так ведь, София?

Мужчины одновременно повернули ко мне головы. Взгляд одного сочился мольбой, второго – выразительным вопросом.

– Так? – с возмущением уточнил магистр.

– Я ведь все равно была ужасным секретарем... – Чувствуя себя по-дурацки, я развела руками.

– Хорошо, Дрю, с понедельника ты принят, – резко процедил Киар, видимо, решив, что проще сказать «да» и выставить беспокойного «клиента», чем объяснить, почему не хочется его брать на службу. – Собирай вещи, потому что скоро я переезжаю в Ос-Арэт.

– Так слухи не врани, вас действительно позвали деканом в Ос-Арэт?! – вскрикнул тот и, кажется, собрался лишиться сознания.

Выставить его из дома оказалось той еще задачей. На пороге, криво нахлобучив на голову шляпу, он вдруг спросил:

– И когда же мы обсудим условия моей службы, господин Рэнсвод?

– Дрю, закрой дверь, иначе кошка убежит на улицу, – сдержанно заметил Киар, который, кажется, уже перестал мечтать о чашке крепкого кофе и хорошей компании, а просто хотел тишины.

– Вы завели кошечку?! – изумился тот.

Ответом ему послужил злобный взгляд, и помощник немедленно вышел на улицу. Однако не успели мы поверить, что остались одни и с

кошкой, которая предусмотрительно спряталась от суетливого гостя, этот самый гость заглянул обратно в холл:

– И все-таки, господин магистр, хочу, так сказать, быстренько прояснить один вопрос. На какое жалованье я могу рассчитывать? Хотя бы в пределах от и до. Вы же понимаете, что мне надо маменьке обосновать, почему я должен переехать в провинцию...

– Хорошего дня, Дрю, – рыкнул Рэнсвод, окончательно устав изображать терпеливого нанимателя.

– И вам хорошего дня!

Он ушел. Дверь закрылась. Торчащий в замочной скважине ключ провернулся на два оборота, категорично запирая замок и отрезая нас от внешнего мира. От любых его проявлений!

Мы переглянулись с Киаром, и у меня вырвался громкий смешок. Я испуганно прикрыла рот ладонью.

– Ей-богу, не смешно, – недовольно покачал Рэнсвод головой.

– Извини, – искренне попросила я прощения за то, что, сама того не подозревая, подставила магистра. – Теперь я знаю, почему ты оставил его на съедение Эйвану Сэту.

Поездка в участок была недолгой, но угнетающей. Я подтвердила, что похитители действительно что-то говорили о первородном огне, пока гоняли меня по подземным тоннелям. Еще дознаватель шепнул, что днем пришло распоряжение из королевского дворца, разом решившее судьбу обоих преступников. Сэту грозило лишение магии. Финиста, подданного чужого королевства, вместе с семьей высылали обратно в Норсент без права возвращения. Перекрывать-то ему было особенно нечего. С тем мы и отправились в замок Рэнсводов.

Дорога заняла остаток светового дня. Экипаж поднимался в горы мимо уступов и отвоеванных у скал фермерских наделов. Чем дальше мы уезжали от города, тем меньше ощущалось приближение весны. Рыжие огромные валуны, неизменная часть шай-эрского пейзажа, уже избавились от снежных шапок и сушили каменные головы на теплеющем с каждым днем солнце. Вокруг них проявлялись круги влажной земли, но небольшие поля-лоскуты по-прежнему покрывал потемневший льдистый панцирь.

Мы еще успели полюбоваться удивительным закатом, особенно пронзительным на высоте, но до места добрались затемно – ничего не

разглядеть. О том, что карета проезжает по мосту, можно было догадаться только по грохоту колес.

Замок так тесно прижимался к скале, что казалось, будто он вырастал из каменной породы, являлся ее продолжением. Я представляла его темной мрачной машиной, покинутой семьей избранного, где обитали лишь воспоминания, духи и старенький смотритель, и сильно ошиблась. Въездная площадь была заполнена экипажами.

— Откуда все эти люди? — пробормотала я, таращась в окно.

— Замок открыт для посещений, — спокойно отозвался Рэнсвод. — Здесь большой гостевой дом и часто проводят торжества. Наверное, сегодня проходит чье-нибудь венчание.

— Ты не в курсе, что творится у тебя во владениях? — фыркнула я, откидываясь на сиденье. — Теперь понятно, почему в твой закрытый особняк приходят все, кто захочет.

— Ты всегда так мило язвишь, — хмыкнул Киар. — Считается, что союзы, заключенные на месте силы, не распадаются.

— Серьезно? — искренне заинтересовалась я.

— Мне лично известны три пары, которые посчитали, что брак, заключенный в замке Рэнсвод, не стоит усилий, в него вложенных, — с ехидцей отозвался он.

Приезд хозяина замка прошел тихо и без особенной суеты. Мы поселились в дальней башне, ради приличий заняв разные комнаты. Время неуклонно приближалось к полуночи, и я начинала нервничать. Как пройдет ритуал? Получится ли?

Казалось, что место силы непременно должно находиться в подземелье, но мы поднялись на самую верхотуру. Смотритель замка, а он оказался мужчиной средних лет, а вовсе не милым старичком, поклялся, что никто нас не побеспокоит, и с надменной миной раскрыл дверь на открытую площадку. Нас тут же обдало ледяным сквозняком.

— Идем. — Рэнсвод поддержал меня за руку, помогая перешагнуть через высокий каменный порог.

Дверь закрылась. И мы словно вернулись в холодную ночь, когда случайно столкнулись на крыше преподавательской башни. Даже фигуры каменных гаргулий, сгорбленные на широких перилах мощной балюстрады, напоминали студенческих фей, запросто исполняющих желания!

Искренне всем рекомендую испробовать их магию на себе. Главное, запастись оптимизмом и каплями пустырника, когда все желания начнут исполняться.

Откровенно говоря, меня потряхивало от нервов, холода и ощущения почти безграничного пространства внизу. Почему же я вспоминала о том, что боюсь высоты, только оказавшись на высоте?

– Не бойся, – уверил меня Киар. – Здесь безопасно.

– Только холодно и очень высоко, – пожаловалась я, поднимаясь на цыпочках, чтобы заглянуть за балюстраду. Ничего не разглядела, только еще сильнее испугалась.

– Боишься высоты? – по-настоящему удивился он. – Тогда кто тебя заставил подняться на башню в академии?

– Твои придирки меня заставили! – буркнула я и вытащила из кармана платья кожаный шнурок. – В общем, пока я не начала прощаться с жизнью... Уже полночь, и тебя можно поздравлять с днем рождения. Возьми.

Он с интересом принял сувенир и покрутил в руках. В тусклом свете уличных ламп, расставленных в углах святилища, было видно, что на лице Рэнсвода появилась улыбка.

– Ты мне даришь обручальную нить?

– Это просто приятная мелочь! – возмутилась я. – Она призвана показать мое хорошее отношение к тебе!

– Конечно, – хмыкнул он и протянул руку. – Завяжешь?

– Его потом будет невозможно развязать, только срезать, – сразу предупредила я.

– Если девушка не передумает тратить молодость на старика, то он никогда не срежет ее обручальную нить.

– Не дожدهшься, – фыркнула я, опутывая его крепкое запястье кожаной полоской, и добавила с нарочито ироничной интонацией: – Старик.

Полагаю, мама пришла бы в восторг, узнав, с какой легкостью завидный жених принял «необременительный» подарок. Скорее всего, она тоже считала браслет подобием обручальной нити, иначе посоветовала бы купить ежедневник.

Мы встали в самом центре каменной плиты. Под ногами вибрировала сила, скрытая в этом месте. Не знаю, ощущал ли биение потустороннего пульса Киар.

Я хотела развернуться спиной, но он меня остановил:

– Не надо.

Его теплые пальцы скользнули под ткань платья и мягко легли на мое плечо. Вокруг нас засветился алый столб света. Запертая, как в ловушке, сила хлынула с радостью, словно только и ждала, когда вернется к истинному хозяину. Замелькали в воздухе горящие алые символы. Вспыхнули глаза у высшего мага, но это больше меня не пугало. Скорее вызывало почти детский восторг.

За долгие три недели мы множество раз делились силой, проходили через непохожие слияния, вызывающие совершенно разные чувства. Щемящий душу страх, облегчение, чувственное удовольствие. Одни походили на борьбу, другие казались глубоко интимными. Ритуал, возвращавший древний дар, расставлял вещи по своим местам и вызывал единственное ощущение: правильности.

Символы погасли. Растаяла алая пелена. Внутри у меня вдруг воцарилась удивительная тишина. Появилась легкость, какой я не испытывала долгие дни.

– Спасибо, – тихо проговорил Киар, прижимая меня к крепкой груди.

– Какое счастье, что все закончилось, – пробормотала я.

Он отстранился и, обняв мое лицо горячими ладонями, посмотрел в глаза:

– Ты ошибаешься, моя умница София. У нас с тобой все только начинается.

Эпилог

– Ты уверена, что справишься без меня? – наверное, в сотый раз спросила Альма, следя за тем, как я поспешно скидываю в сумку учебники.

– Киар приехал в Но-Ирэ всего на пару часов, – вновь повторяла я. – Все пройдет очень быстро. Смотреть не на что! До встречи!

– Удачи, – согласилась айтэрийка, на прощание обнимая меня так, словно провожала не в храм божественного слепца, а прямой дорогой к предкам Сатти.

Я поспешно направилась к выходу из зала зельеварения и услышала, как Эзра заворчал:

– Каждый раз, когда она называет Рэнсвода по имени, я вздрагиваю.

Капитан команды по боевой магии считал своим священным долгом появляться возле подружки после каждого занятия и вечно торчал в нашем корпусе. Понятия не имею, как ему еще не вынесли публичное предупреждение за постоянные опоздания.

Коридоры бурлили. Никто ровным счетом не обращал на меня внимания. Альма оказалась права: ошеломительное событие с Финистом Бертом и Эйваном Сэтом действительно затмило скандал о нашем с Рэнсводом романе.

Сплетники до сих пор судачили о том, что эта сумасшедшая парочка попыталась принести в жертву какую-то студентку ради – уму непостижимо! – детской легенды (имя девушки, само собой, не разглашалось). И оба поплатились за веру в сказки. Первого со всей семьей выставили из королевства пинком под зад, а второго лишили магии и отправили в глухую провинцию без права переезда в город попримечнее. Я даже понимала студентов: такие потрясающие во всех отношениях новости за один день не обсудишь.

Рэнсвод со скучающим видом дожидался меня в центре холла. Выглядел магистр потрясающе: высокий подтянутый декан факультета высшей магии в академии Ос-Арэт. У меня от одной должности, даже мысленно произнесенной, по спине бежали мурашки.

– Давно ждешь? – выпалила без приветствий.

– Только приехал. – Он чмокнул меня в кончик носа и забрал сумку. – Пойдем быстрее, а то мы уже опаздываем.

Понятия не имею, отчего мы действительно все время опаздывали: в театр, в магический порт или на ужин с Ричейром. А сегодня мы опаздывали на собственное обручение. К слову, мама еще о нем не знает. Мы хотели через пару недель съездить в Ист-Орс, заодно рассказать большую новость.

В Шай-Эре вовсю цвела весна. Небо было синим и высоким. Города оведали теплые ветра, покрылись зеленым пушком склоны Крушвейской гряды. На столичных площадях появились цветочницы с корзинками, а в уличных едальных начали готовить лепешки с зеленью и козым сыром.

Храм божественного слепца тоже был принаряжен. Сквозь стеклянный купол лило ослепительное солнце, а у подножия статуи главного бога Шай-Эра в деревянных стаканчиках, заменяющих вазы, стояли букетики белых нарциссов.

Судя по удивленной улыбке святого отца, нас уже и не ждали. И когда мы встали напротив ритуальной чаши, он, похоже, испытал облегчение. Мальчик-помощник держал поднос с двумя белыми обручальными нитями.

– Начнем? – поторопил нас храмовник. – Первым нить завязывает господин Рэнсвод, а потом вы, госпожа Грандэ.

Он начал обряд со вступительной речи. Пространно рассказывал о том, что божественный слепец, конечно, пожертвовал глазами ради благополучия людей, но все равно за всеми бдит и очень сильно расстроится, если мы с Рэнсводом остановимся на обручальных нитях.

– Божественный слепец ждет, что вы наденете брачные браслеты. Как можно быстрее! – заключил храмовник и скомандовал: – Жених, повяжите невесте нить в знак своего желания провести с ней жизнь.

Я протянула левую руку, и Киар завязал нить на пару узелков.

– Невеста...

Не дождавшись продолжения фразы, я подхватила нитку с подноса. Киар поднял рукав на левой руке. Предплечье усеивали символы древнейшего языка, обхватывали кольцом крепкое запястье. Со стороны метка избранного походила на татуировку. Подозревать, что она имеется у уважаемого декана, прямо сказать, было сложно.

– Наверное, лучше другое... – Смущенно кашлянув, этот самый декан сконфуженно поменял руку и поднял рукав.

Правое запястье опутывал кожаный шнурок с пластинкой. Развязать браслет было невозможно, только разорвать. Отличный подарок! Я до сих пор в восторге от маминого совета.

Со смущенной улыбкой Киар покосился на теряющего терпение священнослужителя и пробормотал:

– Извините, все-таки лучше на левую.

– Выбирай быстрее, мы задерживаем очередь, – ворчливо прошептала я. Хотя понятно, очереди из женихов и невест, жаждущих повязать нити, в храме не наблюдалось. Может, она тут стояла с утра, но мы-то заявили под занавес любых ритуалов.

– Сюда. – Он качнул протянутой рукой. – Завязывай на метку.

– Опустите руки в божественную воду, – велел храмовник, когда мы справились с первой частью ритуала.

Божественная вода оказалась демонически ледяной. Словно нас не связывали, а испытывали на прочность холодом, дескать, обручатся только самые стойкие. Едва мы погрузили в чашу руки, как нити вспыхнули, стянулись и слились с телом. Под кожей на запястьях засветились тонкие полоски.

Святой отец облегченно кивнул.

– Да будет так!